Церковнославянизмы в языке М.Ю. Лермонтова

О.П. ПОПОВ

"Благодаря Лермонтову русский язык далеко продвинулся вперед после Пушкина", – писал В.Г. Белинский. Языком прозы Лермонтова восхищались Гоголь, Лев Толстой, Чехов. А.Н. Толстой утверждал: "Лермонтов-прозаик – это чудо, это то, к чему мы сейчас, через сто лет, должны стремиться..." (Толстой А.Н. Собр. соч.: В 10 т. М., 1961. Т. 10. С. 440). А по мнению Б.М. Эйхенбаума, Лермонтов был ретив и удачлив в попытке "разгорячить кровь русской поэзии, вывести её из состояния пушкинского равновесия" (Эйхенбаум Б.М. Мелодика русского лирического стиха. Пг., 1922. С. 91–92).

В языке произведений взрослого Лермонтова легко заметить и гармоничное сочетание различных видов предложений (у Пушкина в прозе преобладают простые предложения, у Гоголя сложные конструкции), и музыкальность фразы, и слияние литературного языка с разговорной речью. К этому он стремился уже в начале творческого пути. Учась у классиков, не отказываясь от многих стилистических средств предшествующей литературы, он сумел безошибочно почувствовать тенденции развития русского литературного языка. Как писал В.В. Виноградов, "Лермонтов с начала 1830-х годов работает над созданием внушительного и действенного ораторского стиля, свободного от литературных архаизмов" (Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков. М., 1982. С. 306).

Одним из первых учителей Лермонтова был А.Ф. Мерзляков, поэт старой школы, не одобрявший новых стихотворцев, но юноша решительно не соглашался с его мнением и обращался прежде всего к пушкинским текстам. Он переписывал, отчасти переделывая, поэмы Пушкина. При этом он пока охотно пользовался архаизмами, которые не только придают возвышенность речи, но нередко облегчают решение чисто технических задач – сохранение ритма, выбор рифм, – а это соблазнительно для начинающего поэта. В "Кавказском пленнике" (1828) не раз встречаются сей, младой, младые, златой, враны и т.н. Однако заметны колебания в выборе слов. Пушкинского "еленя" он заменяет оленем, вместо ланит иногда появляются щёки. Вероятно, это ещё не целенаправленные поиски. Первые опыты четырнадцатилетнего поэта кепоследовательны, чувствуется мощное влияние

литературных образцов — Пушкина, Батюшкова, Жуковского, но и разговорная речь ему близка. И появляются в поэме кольца дорогие, золотой, рядом находятся черкешенка младая и дева молодая.

Щироко применяются архаизмы для придания языку приподнятости. Драматическое "Письмо" насыщено ими: уста, хладеющие руки, лобзать, младой, глава, хлад, пыхнет огнь на девственны ланиты (Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. Л., 1979. Т. І. С. 29–30; далее – только том и стр.). Немало их и в других стихотворениях этой поры: вежды (II, 65), куща (П, 65), под ветвями пустынныя рябины (1, 45), и ниже замысла обмана не скрылося в душе детей (1, 127), станет глад сей бедный край терзать (І, 128), гладный мор (І, 147), с беспечностью драгою (1, 26), уста лиют язык богов (1, 23), кругом черёмухи млечной (1, 11), в оном ужасе (II, 42). Но свободны от славянизмов стихи, по замыслу близкие к разговорной речи: "Весёлый час", "Русская мелодия", "Осень", "Романс", "Эпиграммы". Нередки русские слова там, где общепринятыми были славянизмы: молодой ангел (П. 110), вестник рая молодой (П, 118). Ещё нагляднее становится отход от традиционного употребления славянизмов при сравнении стихотворений, разделённых по времени написания несколькими годами. В стихотворении "Поле Бородина" (1830-31) встретим прежни годы, могильную сень, глас пророчий (1, 264–266). В "Бородино" (1837) архаизмов нет, стихотворение насыщено элементами разговорной, даже простонародной речи: ушки на макушке; постой-ка, брат мусью; хват; ломить стеною (1, 369–370). Поэты старой школы признали бы такой стиль "низким", но совершенно очевидно, что язык "Бородина" звучит "внушительнее и действеннее" языка "Поля Бородина". То же можно увидеть при сравнении стихотворения "Поэт" (1828) со стихотворением "Смерть поэта". В первом встретим жар ланит, хладеет, сей, младой, первоначальны впечатленья, рифмуются священный и восхищенный (І, 12). В "Смерти поэта" лишь один архаизм – в сей миг (І, 372). Другие славянизмы (венец терновый, сень закона, наперсники разврата) архаизмами не были ни тогда, ни значительно позже.

Ту работу по выработке стиля, о которой писал В.В. Виноградов, можно видеть на примерах переводов из Байрона. В прозаических черновых переводах старославянизмов много: брег (I, 518), сими. вживе (I, 516), ланита океана; не стоит ниже часа трудов (I, 517), кои могли бы весть (I, 518), и т.п. В стихотворных переводах ("Ночь. I", "Ночь. II") их значительно меньше, хотя можно было бы ожидать обратного (обычно их меньше в прозе), исчезают кои, сии, появляется который (I, 79), а в стихотворениях, написанных под влиянием Бапропа, но не являющихся переводами ("Еврейские мелодии", "Плачь!

плачь! Израиля парод...", "Баллада", "Farewell"), архаизмов почти нет.

Путь ученичества Лермонтов прошёл удивительно быстро. В лучших стихах 1831 года отчётливо слышен голос будущего гения ("Ангел", "Желание", "1831-го июня 11 дня") и явных архаизмов в них незаметно, хотя в эти же годы они обычны у многих поэтов (например, у Пушкина: хлад, из топи блат). Немного их в более поздней поэме Пермонтова "Боярин Орша", даже в речах монаха и игумена – *бого*лулитель (II, 261), бренный сын; сей (II, 257). Свободна от архаизмов "Песня про купца Калашникова", в которой слово младой (П. 334) встречается лишь однажды, а молодой девять раз. И совсем отсутствуют они в поэмах, написанных живым разговорным языком -- "Монго", "Тамбовская казначейша". Правда, в "Демоне" их немало, что связано и с общим колоритом произведения, и с перенесением в поздние редакции поэмы отрывков из ранних редакций. И это показывает, что Лермонтов вовсе не отказывается полностью от употребления славянизмов и охотно использует их там, где они, по его мнению, уместны. К тому же эти славянизмы были ещё в широком употреблении (врата, ланиты, златой, лобзанья, глас, персты, денница). Наглядна роль славянизмов в поэме "Сашка". В первом, романтическом портрете Тирзы встречаем чело, ланиты, очи, младой лик (П, 280-281), а в последующем, сниженном её описании и в портрете её простоватой подружки преобладают русские слова: шея, щёки, глазки, груди молодые (П, 282, 287-288). Присутствие славянизмов в поэме "Мцыри" вызвано теми же причинами, что и в "Демоне" – приподнятый тон, связь с монастырской обстановкой, использование более ранних произведений. Но не эти славянизмы: ниц (П, 411), сребристый (П, 422), хладный (П, 424), глава, златой (II, 421), - определяют тон поэмы. Русских вариантов тех же слов здесь гораздо больше: голос, голова (П, 414), серебристый (П. 415), холодный (П, 422), золотой (П, 410, 423) и т.д.

В стихотворении "Журналист, читатель и писатель" Лермонтов вводит славянизмы лишь в приподнятую, книжную речь писателя: подъемлет, объемлет, власы, сокрытый (1, 435). Сравнивая "Пророк" Пушкина и "Пророк" Лермонтова, легко заметить, что стихотворение Пушкина насыщено славянизмами, у Лермонтова же их почти нет. Правда, следует принять во внимание, что и сама тема раскрывается у Лермонтова в ином, несколько сниженном плане. Вообще же в поздних стихотворениях Лермонтов явно предпочитает русские слова: молодой голос, поцелуй (1, 395), глазки, щёчки; золотистые (1, 428), на воротах рая (1, 443). Но и славянизмы не отвергаются им в тех случаях, когда они усиливают выразительность речи: без почестей бранных (1, 437),

младые дни, в оный час (1, 459). А вот хладный прах в "Последнем новоселье" используется применимо к праху Наполеона, а о самом Наполеоне говорится так: холодный, неизменный (1, 464).

Эта тенденция ещё отчётливее прослеживается в прозаических и драматургических произведениях. Уже в первом романе "Вадим" (1833-34), несмотря на напряженный тон повествования, славянизмов немного. Некоторые были необходимы как термины: святые врата, главы церкви (IV, 29); другие же предназначались для усиления драматичности. Например, в описании Ольги преобладают русские слова *щёки, лоб, грудь, глаза,* даже космы волос (IV, 11), а когда сообщается о девушке, обречённой на смерть, то появляются славянизмы: перси. уста (IV, 100). В "Княгине Лиговской", в "Герос нашего времени" и в других поздних прозаических произведениях славянизмов почти нет. В письмах они употреблялись в шутку: сии вывески нашей премудрости (IV, 360); в письме к К.Ф. Опочинину Лермонтов говорит о своей же фразе: "Стиль библейский и наивный" (IV, 417). Ещё реже Лермонтов употреблял славянизмы в драматургических произведениях. Несколько больше их в самой ранней драме "Испанцы". Пятнадцатилетний автор с их помощью добивается усиления трагизма: ланиты (Ш, 21), хладный (III, 26), терния (III, 24), стенания (III, 72), противустать, съединиться (III, 80, 10), сокрой от света (III, 68), сей (III, 58). С этой же целью он использует библейский образ: "Аврааму было легче самому/На Исаака нож поднять..." (III, 128). В "Маскараде" славянизмы введены в взволнованную речь Арбенина: цена злата (III, 348), отверженец (III, 343), как агнец божий на закланье (III, 286), тогда как Казарин говорит про самого Арбенина нейтральным языком: "глядит ягнёночком..." (Ш, 267).

Заметную роль играют у Лермонтова взятые из Библии образы, фразеологизмы, отдельные выражения, что связано с его постоянным стремлением к яркой образности и афористичности. В стихах 1830–31 годов встречаем мясо тучного тельца (1, 16), ты потерял звезду свою (1, 143), "... зря Спасителя мученья,/Невинный плакал херувим" (1, 73), терновый венец (1, 384), позже в "Пророке": посыпал пеплом я главу (1, 491). В поэме "Сашка" — представлен образ охваченного страстью Саула (11, 289).

Интересно использованы для характеристики персонажей евангельские тексты в драме "Menschen und Leidenschaften". Верность Ивана, слуги Юрия, подчёркнута его словами: "За тридцать сребреников продал Июда Иисуса Христа... а это ещё золото... Нет, барин, я не такой человек..." (III, 187). Почти слово в слово повторена эта сцена в "Странном человеке" (III, 240). В другой сцене помещица Марфа

Ивановна заставляет свою горничную Дарью читать вслух Евангелие. Та читает о казни Христа. Марфа Ивановна восклицает: "Всех бы их переказнила, без жалости..." Но, вспомнив, что Христос простил своих врагов, тут же поправляется: "...положила бы мою душу за Господа, не дала бы его на растерзание..." Дальше Дарья читает о лицемерах, подобных выкрашенным гробам, внутри наполненным всякой мерзостью. Марфа Ивановна считает, что это имеет прямое отношение к её соседке Зарубовой, но всё же требует, чтобы Дарья читала что-либо другое. Дарья читает о том, что людям нужно прощать их проступки. В это время поварёнок разбил хрустальную кружку Марфы Ивановны, и она кричит: "В плети его, в плети на конюшню!". А потом снова твердит, что нужно слушаться Евангелия (III, 149–150). Любонытно, что в пьесе Дарья всё читает по одной книге ("Переверни-ка назад...", приказывает ей помещица), но первый текст (Лук. 23, 32–34) приведён на церковнославянском языке с некоторыми неточностями, второй (Матф. 23, 27–28, 32–33) — в русском переводе с сохранением некоторых славянизмов, а третий (Марк. 11, 24–25) — опять на церковнославянском с заменой некоторых слов русскими. Возможно, что Лермонтов пользовался не книжным текстом, а своими выписками или даже цитировал отдельные тексты по памяти.

Использован евангельский текст и в романе "Вадим". Дважды (IV, 52, 53) звучат там слова из Евангелия от Матфея (гл. 11, стих 28): "Приидите ко Мне вси труждающиеся, и аз успокою вы!", но никто не успокаивает страдающих, и несправедливость подталкивает людей к бунту. Из Библии взяты в романе образы плодов, под румяной кожурой которых скрывается горький пепел (IV, 81), поцелуй Июды (IV, 54), плачет изгнанный херувим (IV, 94), такие образы, как "ты к мёртвому праху прилепила сердце твое" (IV, 68), "толпа расхлынулась, как некогда море, тронутое жезлом Моисея" (IV, 95).

Иногда Лермонтов изменяет смысл библеизмов в соответствии с решаемыми им художественными задачами. Например, Вадим в одноимённом романе вспоминает притчу о сеятеле и семенах (IV, 77), часть которых была поклёвана птицами, потоптана и сгнила (Матф. 13, 3–8; Марк. 4, 3–8; Лук. 8, 5–8), но опускает конец, где говорится о семенах, упавших на добрую почву и давших всходы, — эта благополучная концовка Вадиму чужда. Изменён конец библейской притчи и в "Мцыри" и тоже, конечно, в соответствии с замыслом поэмы. Изумительный по силе эпиграф, взятый из "Первой книги Царств" (гл. 14, стих 43), сокращён за счёт подробностей. Из библейского текста: "Вкушая, вкусих мало мёда, омочив конец жезла, иже в руку мою, и се аз умираю", — Лермонтов оставил самое существенное. Сокращённый текст: "Вкушая, вкусих мало мёда и се аз умираю" (IV, 405), — сгал не только эпергичнее, но и приобрёл обобщающее значение. Ведь в библейском

рассказе Ионафан, сын Саула, по незнанию нарушивший запрет отца, остаётся живым. Лермонтов же здесь, как и в ряде других случаев, стремится в частном найти и раскрыть общий смысл.

Иногда Лермонтов прибегал к библейским образам с целью создания иронического эффекта. В романе "Княгиня Лиговская" души кокеток сравниваются с выкрашенными гробами (IV, 140), номер квартиры Красинского напоминает Печорину апокалипсическое число 666 (IV, 153), а вход в неё – вход в чистилище (IV, 154). В "Герое нашего времени" Печорин, увидев уверенно идущего по берегу слепого мальчика. вспоминает (весьма неточно) слова из пророчества Исаии: "В тот день немые возопиют и слепые прозрят" (IV, 227; ср. Кн. пр. Ис. 42, 2; 58, 9). В шутку говорит он о больных в Пятигорске, "чающих движения воды" (IV, 237). Имеется в виду рассказ в Евангелии от Иоанна (гл. 5, стих 4) о Святой купели, в которую по временам сходил Ангел Господен. Больные, заметив движение воды, стремились первыми войти в неё, чтобы получить исцеление. Иронически использованы также библеизмы в "Эпиграмме" (І, 387), в стихотворении "Расписку просишь ты, гусар..." (1, 503), причём в последнем случае допущена неточность: говорится об Аароне, высекшем воду из камня жезлом Моисея. В Библии же рассказывается о чудесах, которые творил Аарон этим жезлом, но воду из камня высек сам Моисей. Это подтверждает предположение о том, что Лермонтов нередко полагался на свою память. По закону Божьему ему в пансионе выставляли высшую оценку, память была прекрасная, но ощибки всё же случались.

Как видно, Лермонтов отказывался лишь от тех архаизмов (и не только церковнославянизмов, но и бытовавших в поэзии его времени харит, камен, ипокрен и т.п.), которые были уже тогда атрибутами поэтической речи и резко отличали её от разговорной. Но от тех славянизмов, которые были, если можно так выразиться, жизнеспособными и обогащали живую речь, он не отказывался.

Семибратово, Ярославская область

"Розыгрыши" Антона Чехова

Э С АФАНАСЬЕВ, кандидат филологических наук

Тонкий психолог и стилист А.П. Чехов о своих героях, пусть даже откровенно отрицательных, рассказывает предельно бережно, в традициях повествования об "Истории души человеческой"; так происходит даже в тех случаях, когда наличие у персонажа живой человеческой души оказывается под вопросом. Как, например, в рассказе о гробовщике Якове Иванове, герое "Скрипки Ротшильда", имевшем выразительное прозвище — Бронза, по-видимому, за сугубую материальность его жизненных интересов.

Итоги собственной жизни Яков Бронза меряет мерой понесённых им убытков; "материализуются" Яковом даже его музыкальные способности – они зачисляются им в графу доходов ("небольший доход приносила ему также игра на скрипке" — Чехов А.П. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1986. Т. 8. С. 297; далее цитируется это издание). О присутствии души в большом, крепком теле Якова ("выше и крепче его не было людей нигде, даже в тюремном замке") свидетельствует лишь потребность иногда разделить с кем-нибудь гнетущее его тяжёлое чувство при мысли об убытках ("мысли об убытках донимали Якова особенно по ночам; он клал рядом с собой на постели скрипку и, когда всякая чепуха лезла в голову, трогал струны, скрипка в темноте издавала звук, и ему становилось легче") да смутные угрызения совести за равнодушие к жене, присутствовавшей в его жизни наряду с гробами, печью, верстаком и прочим обиходом. Но это с ним случилось уже перед самой кончиной Марфы, когда она просветлела лицом на пороге окончательного освобождения от безрадостной жизни с Яковом. Причину нарастающей тоски после потери жены, в предчувствии близости собственной смерти Бронза объясняет себе страшной убыточностью всей прожитой им жизни, и не только своей, но и жизни в целом. И вердикт, вынесенный Яковом бесполезной жизни, безрадостен и парадоксален: "От жизни человеку – убыток, от смерти – польза".

Свою тоску от сознания бесполезности жизни Яков излил в бесполезной скрипичной мелодии ("вышло жалобно и трогательно, и слёзы потекли у него по щекам"). Оттаяла наконец "маленькая" душа в большом теле Якова, и расчувствовавшийся перед смертью этот чеховский герой даже завещал флейтисту (и, по-видимому, мелкому ростовщику по совместительству) Ротшильду, которого он почему-то всю жизнь безотчётно презирал, свою скрипку. Трогательная история! И почему бы автору не поставить после этого эпизода точку? Но рассказ получил неожиданное продолжение. Бедный Ротнильд (о чём свидетельствует не только "зелёный сюртук с тёмными латками", но и резонанс, вызванный появлением у него скрипки Якова: "откуда у Ротпильда такая хорошая скрипка? Купил он её или украл, или, быть может, она попала к нему в заклад?"), имевший способность "даже самое весёлое ... играть жалобно" (не от горькой ли своей доли?), "усовершенствовал" мелодию Якова, и "когда он старается повторить то, что играл Яков, сидя на пороге, то у него выходит нечто такое унылое и скорбное, что слушатели плачут (...) И эта новая песня так понравилась в городе, что Ротшильда приглашают к себе наперерыв купцы и чиновники и заставляют играть её по десяти раз".

Так странно сбылась мечта Якова Бронзы иметь от своей скрипки большой доход ("плавать в лодке от усадьбы к усадьбе и играть на скрипке, и народ всякого звания платил бы деньги"), но происходит это,

когда его скрипка попадает в другие руки. "Историю души" Якова Бронзы ироничный автор словно бы подменил смешной историей о "маленьких людях".

Чеховский герой обделён "даром проникновения в жизнь", то есть понимания сложной "механики" жизнеустройства. И когда он осмысливает своё положение, мир отражается в его сознании причудливо, парадоксально, комично.

"Я думал: как расцвела, как поэтически красиво сложилась в последнее время моя жизнь!" – восторгается учитель словесности Никитин после женитьбы. Восторги эти он поверяет, однако, только своему дневнику, атрибуту "мыслящего" человека. До женитьбы благополучию жизни Никитина мешали два, в сущности пустых обстоятельства; молодость и нелюбовь к собакам в доме Шелестовых. "Ему чрезвычайно не нравилось, когда кто-нибудь заводил речь об его молодости, особенно в присутствии женщин или гимназистов. С тех пор как он приехал в этот город и поступил на службу, он стал ненавидеть свою моложавость. (...) И он дорого дал бы за то, чтобы постареть теперь лет на десять". Молодость в самоощущении героя – симптом несолидности, легковесности, и женитьба стала важным шагом на пути к "взрослению" ("Что за удовольствие в такие молодые годы надевать на себя кандалы?" — спрашивает Никитина старик Шелестов. — "Я вовсе не молод! — обиделся Никитин. — Мне 27-й год").

"Мыслящий" Никитин ("иногда на него находил философский стих, и он начинал рассуждать на какую-нибудь отвлечённую тему...") — человек с амбицией: "— Я бесконечно счастлив с тобой, моя радость (...) Но на это своё счастье я не смотрю как на нечто такое, что свалилось на меня случайно, точно с неба. (...) Я верю в то, что человек есть творец своего счастья, и теперь я беру именно то, что я сам создал. (...) Сиротство, бедность, несчастное детство, тоскливая юность — всё это борьба, это путь, который я прокладывал к счастью..." А вот и образчик этой борьбы. "Самыми счастливыми днями у него были теперь воскресенья и праздники, когда он с утра до вечера оставался дома. В эти дни он принимал участие в наивной, но необыкновенно приятной жизни, напоминавшей ему пастушеские идиллии. Он не переставая наблюдал, как его разумная и положительная Маня устраивала гнездо, и сам тоже, желая показать, что он не лишний в доме (курсив наш. — Э.А.), делал что-нибудь бесполезное, например, выкатывал из сарая шарабан и оглядывал его со всех сторон".

Таким вот образом герой "внедряется" в жизнь, субъектом которой он не в полной мере себя ощущает. Чего, собственно, он желает? — Стать таким же, как все окружающие его "взрослые" люди. Разве он им не стал? По-видимому, нет, если партнёр по карточной игре на-

мекнул ему, что он у жены на хлебах. Как не возмутиться Никитину, не почувствовать себя несвободным? И Никитин бунтует, бунтует против мужской своей несвободы, правда, "про себя". В его годове теснятся "новые" мысли, причём автор не сообщает о них, а – изображает: "Ему казалось, что голова у него громанная и пустая, как амбар, и что в ней бродят новые, какие-то особенные мысли в виде длинных теней", а новые побуждения героя "материализуются" – если Маня объелась мармеладом и жадно пьёт воду, то Никитин "объелся" семейной идиллией и тоже жаждет: "Ему захотелось чего-нибудь такого...". Не имеет значения, чего, собственно, захотелось Никитину – это "чего-нибудь такого" дискредитирует сами побуждения. Этому ироническому "жесту" автора семантически равнозначна и "подтекстовая" деталь - кот, к которому "новый" Никитин испытывает неосознанную неприязнь, видимо, потому, что обнаружил в нём сходство с самим собой ("кроме этого мирка, в котором так спокойно и сладко живётся ему и вот этому коту..."). И если Никитин – "кот", то Маня, конечно, "крыса" ("Милая моя крыса" – мысленно писал Никитин Манюсе, когда ещё был её женихом). И не потому ли так досаждают ему собаки в доме Шелестовых? Вот и сейчас при виде "крысы" тяжёлая злоба "повернулась в его душе, и ему захотелось сказать Мане чтонибудь грубое и даже вскочить и ударить её". Итак, от довольства к недовольству? Да, но в границах мужской самостоятельности: "Чтобы не сказать лишнего и успокоить сердце, Никитин пошёл к себе в кабинет и лёг на диван без подушки. Потом полежал на полу, на ковре".

Что это? Начиналась "новая, нервная, сознательная жизнь, которая не в ладу с покоем и личным счастьем"? Да, но как это бывает у всех. "На другой день, в воскресенье, он был в гимназической церкви и виделся там с директором и с товарищами (то есть делал то же, что и все. – Э.А.). Ему казалось, что все они были заняты только тем, что тщательно скрывали своё невежество и недовольство жизнью, и сам он (курсив наш. – Э.А.), чтобы не выдать им своего беспокойства, приятно улыбался и говорил о пустяках". И в семье Никитин "приятно улыбался и помогал Мане угощать гостей...". Правда, от гостей он уходит в кабинет, уединяясь со своим дневником (скрытный он человек, этот Никитин), и обличает окружающую его пошлость. Но не случайно же чуть ли не с первых страниц рассказа слышим мы "обличающий" голос старика Шелестова: "Это хамство, милостивый государь!". Теперь Никитин встал в уровень со всеми.

Свособразный "розыгрыш" читателя наблюдаем и в рассказе "По делам службы". Герой рассказа — оказавшийся в провинциальной глуппи и одолеваемый "скучными мыслями" молодой следователь Лыжин,

которому представляется, что жизнь в этих местах — вовсе даже не жизнь, а "клочки жизни, отрывки, что всё здесь случайно, никакого вывода сделать нельзя" и что если эта жизнь ему непонятна, то она — призрак, "сё здесь нет вовсе". Даже самоубийство земского страхового агента Лесницкого не представляется ему драмой из-за невозможности понять, "какое оно имеет значение в общем круговороте жизни". "Связующая мысль" этого жизненного "круговорота" открывается Лыжину внезапно, ночью, после ужина в усадьбе фон Тауница. Она похожа на озарение: "... в этой жизни, даже в самой пустынной глуши, ничто не случайно, всё полно одной общей мысли, всё имеет одну душу, одну цель, и, чтобы понимать это, мало думать, мало рассуждать, надо ещё, вероятно, иметь дар проникновения в жизнь, дар, который даётся, очевидно, не всем".

Сделав для себя такое открытие, Лыжин начинает испытывать угрызения совести: "И он чувствовал, что это самоубийство и мужицкое горе лежат и на его совести; мириться с тем, что эти люди, покорные своему жребию, взвалили на себя самое тяжёлое и тёмное в жизни — как это ужасно". И вся эта провинциальная жизнь представляется теперь сплошной драмой людей, "задавленных трудом и заботой, или людей слабых, заброшенных...".

"Характерен ли для Лыжиных, вполне обыкновенных людей, столь высокий полёт мыслей?" – спросит скептически настроенный читатель чеховского рассказа. Сомнения его вполне уместны. Но ведь и сам писатель отнюдь не имел намерения сделать своего героя транслятором мыслей автора. Следователь Лыжин, как и учитель словесности Никитин, лицо сугубо частное, индивид, "внедряющийся" в общую жизнь. Как всякий индивид, живущий обыденной жизнью, Лыжин тоскует по драме, в которой готов играть даже роль героя, виноватого в равнодушии к судьбе "малых сил". И он её играет. Почти с первы страниц рассказа подспудно звучит в нём "оперный" могив, вспомним сцену, когда доктор Старченко и следователь, оказавшиеся на ночь глядя в земской избе рядом с трупом самоубийцы, завидуют тем своим сверстникам, "которые теперь в городе ходят по освещённым улицам... или собираются теперь в театр... О, как дорого они дали бы теперь, чтобы только пройтись по Невскому или по Петровке в Москве, послушать порядочного пения..." Вместо этого Лыжин слушает пение вьюги в печной трубе, и вот уже сотский Лошадин неожиданно кажется ему оперным колдуном. Такая театрализация действительности продолжается у героя и по пути в усадьбу фон Тауница. Заблудившийся кучер, ищущий дорогу в ночном лесу, в метель, почему-то представляется ему танцующим. Затем опять метельные "лес, поле, опять сбились с дороги, и кучер слезал с козел и танцевал".

Оперными персонажами приснились Лыжину несчастные сотский

Лошадин и самоубийда Леснидкий: "...ему представилось, будто Лесницкий и сотский Лошадин шли в поле по снегу, бок о бок, поддерживая друг друга; метель кружила над ними, ветер дул в спины, а они шли и подпевали:

- Мы идём, мы идём, мы идём.

Старик был похож на колдуна в опере, и оба в самом деле пели, точно в театре..."

В этом "оперном" представлении Лыжин и сознаёт себя участником "общей жизни" в одной из драматических ролей.

Утром от ночного "представления" в сознании Лыжина не остаётся и следа: "Когда встали и поглядели в окна (...) было пасмурно, тихо, точно природе теперь было стыдно за свой разгул, за безумные ночи и волю, какую она дала своим страстям". Иначе, привычно буднично смотрит на вещи и Лыжин: "А Лесницкий лежит... Лесницкий лежит. понятые ждут...". "Скучные мысли"!

Чеховская ирония — особого свойства. Она для героя "не обидна". Для обыкновенного — согласно его жизненному статусу — человека отождествление себя с высоким литературным героем — естественная защитная реакция на "давление" обыденной жизни. И в этой внутренней противоречивости "обыкновенного" чеховского героя — его "необыкновенность", эстетическая его значимость.

Ярославль

Проза Фёдора Сологуба глазами Андрея Белого

М.Е. КЛЯГИНА

Эстетические взгляды Андрея Белого нашли отражение не только в его статьях, посвящённых теории символизма, но и в многочисленных критических выступлениях. Пик активности Белого-критика приходится на 1904—1909 годы, когда издавался журнал московских символистов "Весы", где он был одним из ведущих рецензентов. В эти же годы Белый "больше всего" мечтает "написать философский трактат о символизме". Практически любая его "весовская" публикация содержит элементы теории:

"Мои 65 статей напоминают мне тугие колбасы, набитые двумя начинками: начинкою "т е м ы д н я" с подложенными в тему кусочками мыслей о символизме (...)" (Белый А. Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития // Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 443, 448).

Можно сказать, что критика Белого явилась особым путём к созданию теории символизма. Большинство из его рецензий, помещённых в "Весах" (и в других журналах тоже), обладают одним характерным свойством: теоретические положения не только косвенно отражаются в них (как у любого чритика), но и прямо формулируются. А литературное произведение или творчество художника служит поводом к обсуждению различных философско-эстетических категорий и используется Белым для подтверждения его теоретических положений. Так, анализируя прозу Фёдора Сологуба, он строит свою теорию стиля.

Творчество писателя привлекает критика прежде всего удивительным формальным совершенством. О Сологубе как одном из лучших стилистов своего времени Белый пишет уже в своём первом отзыве о нём — рецензии 1907 года на сборник рассказов "Истлевающие личины": "Его яркий, отточенный, жалящий слог, сочетающий простоту и изысканность, холод и огонь, нежность и суровость, всё становится гибче и гибче" (Критическое обозрение. 1907. № 3. С. 27).

Подтверждение этому – рецензируемая книга, которая продолжает основную тему всего творчества писателя – тему смерти. Сологуб, по мнению Белого, "(...) воспевает смерть всею нежностью молитвы, всем жаром страсти: он говорит о смерти, как страстно влюблённый о возлюбленной".

Сборник "Истлевающие личины" Белый признаёт самой совершенной из всех ранее написанных книг Сологуба и находит в нём свидетельство того, что "писатель растёт" и "талант его становится и тоньше, и устойчивей" (Там же. С. 28).

В статье "Далай-лама из Сапожка", опубликованной в 1908 году в "Весах", критик уже не только даёт высокую оценку художественному мастерству Сологуба, но и более подробно останавливается на особенностях его стилистики. В манере писателя Белый усматривает его родство с Гоголем:

"\langle...\rangle слог Сологуба носит в себе \langle...\rangle черты гоголевского слога: отчеканенный, простой и сложный одновременно; только лирический пафос Гоголя, начертавший яркие такие страницы, превращается в пафос сурового величия и строгости" (Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 336–337).

Основная идея статьи — разоблачение мистификации Сологуба, благодаря которой отрицание смерти и гимн жизни в его творчестве оборачиваются отрицанием жизни и гимном смерти. Вся статья разделена на пять небольших глав, каждая из которых формулирует и аргументирует то или иное суждение Белого о творчестве Сологуба. Одна из частей посвящена анализу стилистических приёмов писателя на примере романа "Мелкий бес". Среди наиболее часто им используемых Белый выделяет обилие определений, сказуемых и дополнений в одном предложении: "И вот живёт она, ему на страх и на погибель, волшебная и многовидная, — следит за ним, обманывает, смеётся, то по нолу катается, то прикинется трянкой, лептой, веткой, флагом, тучкой, собачкой, столбом пыли на улице и везде ползёт, бежит... — измаяла, истомила его зыбкой своею пляскою". Иногда для усиления впечатления Сологуб повторяет в предложении одно и то же определение: "от этих быстрых сухих прикосновений словно быстрые сухие огоньки пробегали по всему его телу"; "на её тёмных краях загадочно улыбался тёмный отблеск". Применяет он в своей прозе и поэтический приём аллитерации ("лёгкий призрак летних снов"), а "ради величавости" создаёт особые синтаксические конструкции — отделяет определение от подлежащего, помещая между ними сказуемое с зависимыми словами ("тяжёлую на его грудь положил лапу", "яркие загорались в чёрном небе звёзды"). Стиль писателя Белый сравнивает с "колосьями, полными зёрен":

" $\langle ... \rangle$ что ни слово, то тяжёлое зерно тяжёлого его слога, пышного в

своей тяжести, простого в своём структурном единообразии" (Там же. С. 337).

Следующая рецензия – на сборник рассказов "Книга очарований" – уже целиком сосредоточена на той формальной стороне творчества Сологуба, которой была посвящена лишь часть предшествующей статьи, то есть на особенностях его стиля. Именно в ней и излагает Белый свою теорию стиля. Но прежде чем говорить об этой статье, попытаемся вкратце охарактеризовать представления критика об искусстве, и в первую очередь о роли и взаимоотношении двух его компонентов – формы и содержания.

О необходимости формы в искусстве Белый – вслед за многими другими теоретиками – говорил уже в одной из первых своих работ "Формы искусства" (1902), однако наибольшее развитие эти взгляды получили в написанной четыре года спустя статье "Принцип формы в эстетике" (1906). Она открывается утверждением о том, что форма в искусстве есть "принцип" его "проявления", то есть, иными словами – условие его существования (Белый А. Символизм. Книга статей. М., 1910. С. 175).

Декларация этой зависимости послужила причиной возникновения проблемы, которой Белый посвятил свою "весовскую"статью "Против музыки" (1907). Статья эта вызвала полемические отклики. и Белый был ею, очевидно, неудовлетворён, потому что нигде её впоследствии не перепечатывал. Тем пе менее она является весьма показательной с точки зрения демонстрации той перемены в его отношении к музыке и литературе, которая происходит после 1905 года. Утверждая превосходство музыки над другими видами искусства. Белый обнаруживает, однако, её существенный изъян. Музыка отличается от других искусств тем, что в ней отсутствует формальный элемент: "Музыка пеосязаема. У неё, собственно, и нет формы. Отношение звуковых колебаний — особая форма, суррогат того, что мы называем формой искусства. ⟨...⟩ Форма музыки бесформенна" (Весы. 1907. № 3. С. 57).

Поскольку в музыке отсутствует форма, заключает Белый, она не может быть систематически изучена. Поэтому в качестве основания для своей эстетической теории критик избирает следующий но уровню наивысший вид искусства — литературу, где легко можно обнаружить как содержание, так и форму.

В концепции Белого литература занимает место между пластическими искусствами и музыкой. Литература, как и музыка, относится к временным видам искусства, однако по своей способности быть описательной она вполне соответствует пространственным видам искусства. Сущность поэзии для Белого раскрывается во фразе "словесное описание": здесь описание заменяет непосредственное "изобра-

жение видимостии" (Белый А. Формы искусства // Белый А. Символизм как миропонимание. С. 97). Таким образом, литература воплощает присущую искусству двойственность формы (слова) и содержания (описания), а форма и содержание оказываются её составляющими.

Белый подчёркивает тезис о единстве и нераздельности формы и содержания в самых разных своих работах — теоретических, критических, полемических. Подробно на этой чрезвычайно важной для него идее критик останавливается в статье "Смысл искусства" (1907). Форма трактуется здесь как "воплощённое содержание", которое без формы не может физически существовать, поскольку только в ней оно "определимо". Однако и содержание может трактоваться как форма: "<...\ как скоро мы расширим понятие о форме, кажущееся содержание опять ускользнёт от нас за пределы формы; по стоит нам ещё расширить понятие о пределе формы, и содержание окажется формой творческого процесса: способом соединения переживания с предметом внешнего опыта" (Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма. Т. 1. С. 149, 169).

Более ясное понимание формы и содержания, по Белому, становится очевидным, если рассматривать их как отдельные элементы. Так, если "изгнать" содержание из поэзии, то останется "риторика" (Белый А. Песнь жизни // Белый А. Указ. соч. Т. 2. С. 51). Однако единство двух составляющих "предопределено" содержанием, а не формой, поскольку форма сама по себе не создаёт произведения искусства. Содержание. таким образом, должно быть признано необходимым компонентом литературы. Белый определяет его как "содержание всей действительности" (Белый А. Смысл искусства // Белый А. Указ. соч. Т. 1. С. 164), а искусство, по его мнению, "ни логично, ни нелогично, а идейно" (Белый А. Формы искусства // Белый А. Символизм как миропонимание. С. 100). Литературное содержание и есть средство передачи этих идей. При этом "идея" в искусстве – результат сложного внутреннего процесса, при помощи которого образ становится символом. Начинается он с чувственного восприятия внешних объектов или "видимости"; феноменальный мир затем пропускается художником через "переживание" для того, чтобы создать образ (см.: Белый А. Смысл искусства // Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма. Т. 1. С. 151-153). Переживание - это такое качество, которое позволяет поэзии выйти за пределы повседневного сознания. чтобы воспринять невоспринимаемое. Эта сила или способность нигде чётко не определена у Белого, но она, очевидно, соотносится с традиционным понятием поэтического вдохновения. В том смысле, какой в слово переживание вкладывает Белый, оно означает внутреннее преображение видимости в высшую реальность (символ).

Если *содержание* – это общее переживание, выраженное в символе, то функция *формы* заключается в передаче этого переживания. Литературная форма основана на словах и их сочетаниях. Выбор и организация слов автором образуют его стиль. Белый использует два слова для обозначения этого понятия: "стиль" и "слог". *Стиль* при этом определяется как "бессознательное выражение в слове жизненного ритма души", а *слог* – как "осознанный стиль" (Белый А. Фёдор Сологуб. Книга очарований ⟨...⟩: (Рецензия) // Весы. 1909. № 5. С. 82). Другое, сходное с этим, определение формы литературного произведения (то есть *стиля*) содержится в рецензии на драму Леонида Андреева "Жизнь Человека":

"Обычно форма противополагается содержанию; в более широком смысле она есть осязаемая плоть творящей души (здесь форма и содержание неделимы)" (Белый А. Смерть или Возрождение? // Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма. Т. 2. С. 440).

Тонкое разграничение двух попятий – стиля и слога – собственно, на этом заканчивается. Не отличаясь особой строгостью и требовательностью к себе в обращении с терминами, Белый использует их то как понятия взаимозаменяемые, то как определённо разграниченные категории. Если обобщить всё сказанное им по этому поводу, то можно сказать, что слог отличается от стиля наличием элемента сознательности или осознанного намерения художника. Слог – это специфически волевое, направленное усилие писателя к достижению индивидуального стиля; этот термин характеризует индивидуальность автора. Стиль – понятие коллективное. В литературном произведении он существует бессознательно, это достояние языка, а не автора.

Свою теорию "осознанного стиля" Белый основывает в первую очередь на прозе Сологуба, которая представляется критику образцом фермального совершенства именно благодаря слиянию двух начал в искусстве: "⟨...⟩ путь творческого совершенства идёт от стиля к слогу; и далее: от слога обратио к стилю; то, что поёт непосредственно. осознаётся поющим: сознательный выбор слов для выражения душевного ритма ведёт, в свою очередь, к более полному воплощению слова в ригме: тут соединяется в художнике стихия бессознательного с сознательным в одно целостное единство ⟨...⟩" (Весы. 1909. № 5. С. 82).

У Сологуба, по мнению Белого, больше, чем у кого-либо другого в русской литературе, слог подчинён стилю и соединён с ним в единое целос. Сравнивая его с Достоевским, у которого ритм побеждает слог, и Тургеневым, у которого, наоборот, слог перевешивает стиль, критик приходит к следующему заключению: "\(... \) ни в том, ни в другом нет такой гармонии между стилем и слогом (ритмом и инструментовкой) прозы, как в Сологубс" (Там же).

Для подтверждения этого Белый анализирует несколько отдельных

фраз из рассказов, помещённых в рецензируемом сборнике. В одной из них "сурово-плавный" слог соответствует "суровой плавностии" ритма хорала или похоронного марша. И это происходит оттого, что "само содержание повестей — хорал смерти или похоронный марш жизни". В другой нет ни запоминающихся метафор, ни сравнений, ни утончённых эпитетов, и у многих писателей эта фраза "прозвучала бы пошло". Но у Сологуба она звучит "неуловимой прелестью", потому что его слова "послушны" его ритмике. На этих наблюдениях критик основывает свой вывод о том, что "\(\ldots \ldots \rdots \rd

В этой рецензии Белый намеренно отказывается разбирать содержание рассказов и "вскрывать миросозерцание", в них выраженное, объясняя свой отказ тем, что читателям журнала Сологуб хорошо известен. Но, возможно, для него гораздо важнее та "гармония", то "единство и прозрачность фабулы, символического её смысла, слога и стиля", благодаря которым "становится хрустально прозрачной" философия Сологуба, "как прозрачно хрустальны образы его и слова" (Там же. С. 84).

Таким образом, основная идея и предмет исследования в рецензии — художественное мастерство писателя. Заключается оно не только во владении словом, но и в умении художника воплотить в этом слове свой внутренний ритм. При этом слово ритм Белый употребляет не в общепринятом смысле, поскольку речь идёт не о ритме художественного произведения, а о "ритме души". Несколько упрощённо его можно понимать как глубинную идею или общее настроение, которые владеют художником, когда он создаёт произведение искусства. С другой стороны, стиль или ритм понимается Белым как категория более обобщённая, чем слог. Если слог — достояние (в известном смысле — завоевание) автора, то есть категория индивидуальная, то стиль — достояние языка, то есть категория коллективная.

С точки зрения Андрея Белого, главный вклад Фёдора Сологуба в развитие нового искусства – его стиль, совершенный не только сам по себе, но и – как элемент формы – находящийся в полном соответствии с содержанием. А это особенно важно для эстетической теории критика.

Первый сонет Николая Гумилёва

И.П. ЛАПИНСКАЯ, кандидат филологических наук

Первый поэтический сборник Н. Гумилёва "Путь конквистадоров"открывался стихотворением без названия, написанным в форме сонета:

> Я конквистадор в папцире железном, Я весело преследую звезду. Я прохожу по пропастям и безднам И отдыхаю в радостном саду.

Как смутно в небе диком и беззвёздном! Растёт туман ... но я молчу и жду, И верю, я любовь свою найду... Я конквистадор в панцире железном.

И если нет полдневных слов звездам, Тогда я сам мечту мою создам И несней битв любовно зачарую.

Я пропастям и бурям вечный брат, Но я вплету в воинственный наряд Звезду долин, лилею голубую.

Этот сонет в творчестве поэта занял особое место. Отражённые в нём образы, темы и приёмы в сконцентрированном виде отражают дальнейшее творчество Гумилёва: они будут развиваться и углубляться, но навсегда сохранят связь с сонетом- "прародителем".

В соответствии с давней литературной традицией, сонет, как и весь сборник, предваряется эпиграфом – словами Андре Жида: "Я стал кочевником, чтобы сладострастно прикасаться ко всему, что кочует!". Эпиграф заостряет основную идею названия сборника – "Путь конквистадоров". Он дважды передаёт смысл "кочевать" – кочевник, кочует, подчёркивает высокую степень увлечённости – сладострастно и приподнятое эмоциональное состояние героя, которое фиксирует восклицательный знак.

Лирическим героем стихотворения выступает конквистадор, завоеватель, несущий идею активного отношения к жизни. Как и в эпиграфе, он отождествлен с "я" поэта.

Образ конквистадора-завоевателя будет развиваться в творчестве Гумилёва до 1915 года, пока его не сменит воин-защитник. В зрелые годы поэт постигнет новую истину: "Символ жизни... не воин". Встретится в стихах и приём отождествления поэта и образа: "Я конквистадор". Но если в первом стихотворении поэт, по символистским традициям, видит себя в мире рыцарей и царей (Валерий Брюсов, например, писал: "Я – вождь земных царей и царь"), то позже он окажется среди реалий экзотического континента, куда поедет с надеждой "в новой обстановке найти новые слова": "Я – попугай с Антильских островов..." или "Моя любовь к тебе сейчас – слонёнок...".

Железный панцирь, охраняющий конквистадора, вводит обязательный для символистов мотив защищённости рыцаря и — шире — отгороженности его от жизни. Так, у Александра Блока читаем: "Узнаю тебя, жизнь, принимаю, / И приветствую звоном щита". В поэзии Гумилёва этот мотив получит принципиально другое развитие. И, сстественно, в экзогических ассоциациях: непробиваемым панцирем покрыт гиппопотам ("Гиппопотам"). Углубляясь и метафоризируясь, — защитой героя становятся нравственные ценности, — панцирь не отгораживает героя от жизни, а обеспечивает полноценность, "сладострастность" его бытия:

И я в родне гиппопотама: Одет в броню моих святынь. Иду торжественно и прямо Без страха посреди пустынь.

Во второй строчке сонета лирический герой "весело преследует звезду". Восходящая к Библии традиция следовать за путеводной звездой для конквистадора-завоевателя видится только как преследование. Такое словоупотребление не нарушает соотношения реалий, а создаёт стилевое единство образа. Тем более, что агрессивный оттенок значения глагола смягчается словом весело, ещё раз активизируя ассоциации с эпиграфом: "весело преследовать" – чтобы "сладострастно прикасаться".

Заключительные строки четверостишия проясняют, где пролегает путь "рыцаря в железном панцире". Его движение "по пропастям и безднам" ввысь за звездой окажется определяющим для многих героев поэзии Гумилёва. Намеченное в этом стихотворении как перемещение над землёй, оно однажды конкретизируется в путь Летучего Голландца ("Капитаны"), скользящего "над бездной" и устремлённого

"за тропик Козерога". Дорога среди стихий ("Я пропастям и бурям вечный брат...") в другом случае превратится в тропу "демонов, пророков и светил" ("Паломник"), ведущую в вечность. Иными словами, путь конквистадоров, который Гумилёв задал своему лирическому герою — путь демонический, оживляющий дохристианские культурные традиции, — останется его дорогой на всю жизнь, в разных ипостасях представляясь движением в неизвестное.

"Сад" – ключевое понятие в поэзии Гумилёва. Если для конквистадора 1908 года он, "радостный" и "сверкающий" ("Credo"), ассоциируется с возможностью отдохнуть и получить положительный эмоциональный заряд, то в последующем сад выступит восточной по происхождению метафорой (герой посетит "сады Каира", "сады Семирамиды"), передающей богатство внутреннего мира лирического героя. "Сады души моей всегда узорны" – напишет поэт. Именно в них будут цвести "Романтические цветы", которые дадут название второму сборнику Гумилёва. В "садах томлений", где "мучительная даль", окажется "девушка в венке великой жрицы" – прекрасная и недоступная возлюбленная ("Сады души").

Второй катрен представляет неразрывным, по Гумилёву, сочетание неба и звёзд. "Беззвёздное небо" не соответствует его представлениям, оно "смутно" и "дико". Кроме того, в нём нет путеводной звезды, которую преследует "рыцарь в железном панцире". Выражение "растёт туман", как кажется, передаёт не только состояние природы, но и парастание смятения в душе героя: неслучайно первое и второе предложения четверостишия оформлены пунктуацией экспрессивного синтаксиса.

"Звёзды", или "зоологический сад звёзд", переживут в творчестве Гумилёва сложную эволюцию, но звёздное пебо, в которое устремлен конквистадор, не станет ближе поэту и его герою. Последнее прижизненно опубликованное стихотворение Гумилёва (напомним, что поэту в это время было 35 лет) называется "Звёздный ужас". Его лирический герой, как и герой Данте, "земную жизнь пройдя до половины", постигнет сокровенную истину: гармонию жизни пужно искать на земле.

Неясность неба не пугает героя сонета. Если первый катрен, представляя целеустремлённое движение конквистадора (преследую-прохожу-отдыхаю), рисовал его более схожим с размеренным путешествием кочевника из эпиграфа, то второй катрен градационным рядом глаголов эмоционального состояния (молчу-жду-верю) передаёт оптимистическую устремлённость героя в будущее. Это настроение окажется преобладающим на протяжении всего творческого пути Гумилёва.

Оптимистическое и радостное преследование путеводной звезды должно помочь лирическому герою найти свою судьбу — женщину, возлюбленную. Мотив любви и образ возлюбленной станут постоянными составляющими поэзии Гумилёва.

Восторженному конквистадору возлюбленная пока только грезится, её образ в сонете слегка намечен триадой слов-символов любовь—звезда-мечта. Позже, в сборнике "Жемчуга", возлюбленная предстанет то в аллегории "девы-воина", чьё "копьё не знает равных / В пределах моря и земли", то в образе божественной Беатриче. А в сборнике "Чужое небо" поэт поместит пятистрофное стихотворение с кратким названием "Она", где воссоздаст облик женщины — земной, реальной, в которой "всё счастие моё".

Терцет представляет конквистадора в новой ипостаси: он поэт, или певец. Ему подвластны ("я сам") песни битв, своим творчеством он способен "зачаровать". Уже в следующих стихах "("Credo", "Песнь Заратустры") Гумилёв скажет, что сердце поэта "жаркое" и он

Всегда живой, всегда могучий. Влюблённый в чары красоты...

Поэт наделен особыми качествами:

В его глазах сверканье стали, А в речи гул морских валов,

и стихи его "чаруют". Поэтому в сборнике "Путь конквистадоров" поэт отождествляется не только с "рыцарем в железном панцире", но и с чародеем. В сборнике "Романтические цветы" облик поэта меняется. Познавший превратности судьбы, он из чародея превращается в бедного бродячего певца ("Императору").

Предполагаемая лирическим героем несоотносимость "полдневных слов" и "звёзд" опирается на символистскую традицию противопоставления дня и ночи. Так, у Блока в дарственной надписи Гумилёву находим: «Дорогому Николаю Степановичу Гумилёву – автору "Костра", читанного не только "днём", когда я "не понимаю" стихов, но и ночью, когда понимаю. А. Блок. III. 1919» (Гумилёв Николай. Стихи. Поэмы. Тбилиси, 1988. С. 66). Для лирического героя Гумилёва день так и останется "скучным", а ночь всегда будет "повелительницей". Это время активной памяти, творчества, сказочного сна ("В пещере сна"). Время, когда видны путеводные звёзды.

Устремлённый в вечность ("Я пропастям и бурям вечный брат..."), конквистадор не предаёт забвению породившую его землю – именно на ней он найдёт важнейшее звено к своему "воинственному наряду" – панцирю. Причудливое для восприятия обычных людей сочетапие

цветка и железных доспехов в снаряжении рыцаря не кажется странным лирическому герою, избравшему в качестве жизненного пути "тропу демонов". Тем более, что из всех цветов земли он предпочтёт вызывавшую особые симпатии символистов лилию.

Для Иннокентия Анненского это цветок "тления" с "отравой аромата"; Валерий Брюсов ушедшей возлюбленной посылает "привет через звёзды" в "край кипарисов и лилий"; и лирическому герою Гумилёва, направляющему взгляд на землю с "тропы демонов", лилия впдится не живым цветком, а звездой. Ирреальность лилии, или лилеи, как она названа в сонете, подчеркивается и её цветом — голубая. В обыденном же сознании за лилией закрепился другой цвет — белый. Словари синонимов в качестве одного из вариантов прилагательного белый фиксируют слово лилейный.

У Анненского в голубой цвет окрашены миражи: "Оттолкнув соблазны красоты, / Я влюблюсь в её миражи в дыме... / И огней нетленные цветы / Я один увижу голубыми..." В стихах Гумилёва голубой может быть ночь ("В лесу, где часто по кустам..."), жертва ("Иногда я бываю печален..."), гробница ("Корабль"). Другими словами, кратковременное возвращение на землю, своего рода касание, не включает лирического героя в обычную жизнь – оно только сохраняет его земные корни.

Однако образ "голубой звезды" возвратится в жизнь и в лирику Гумилёва. "Голубой звездой" называл он в 1918 году Елену Карловну Дюбуше. "К синей звезде" озаглавлен составителем сборник стихов, посвящённых ей (1923). "Синяя звезда", как и на пути конквистадора, будет светить только в ирреальном мире:

И умер я... и видел пламя, Невиданное никогда. Пред ослепленными глазами Светилась синяя звезда.

Первое стихотворение первого сборника определило не только образы, темы и мироощущение всей поэзии Гумилёва – оно задало и структурные принципы её организации, ведущим среди которых выступает полифонизм. Это проявляется, в частности, в наличии в пределах одного текста нескольких значений слова звезда. Так, конквистадор преследует путеводную звезду (1-е значение); смутно в диком небе, потому что там нет звёзд, его обязательных атрибутов (2-е значение); полдневные слова могут не подойти звёздам, символам ночи (3-е значение); наконец, звезда – это метафора цветка из ирреального мпра (4-е значение).

Этот принцип многозначности слова, строгой гармонии и стилевого сдинства текста станет у Гумилёва основополагающим в цикле "Чужое

небо". Уже из открывающих его стихов видно состояние "унылости"и "тайной грусти" лирического героя, вызванное тем, что любимая не испытывает ответного чувства. Здесь впервые появляется слово чужой: "королеве" "чужд тот безумный охотник", с которым лирический герой отождествляет себя. Силу переживаний героя поэт передаёт через "чужое состояние", которое тот испытывает во сне:

И вот мне приснилось, что сердце моё не болит, Оно – колокольчик фарфоровый в жёлтом Китае На пагоде пёстрой... висит и приветно звенит, В эмалевом небе дразня журавлиные стаи.

Преодолеть страдания герой надеется в обращении к "чужому" творчеству и жизненному опыту. Источник новых сил он ищет в Нагорной проповеди Христа ("Отрывок"), в творчестве Теофиля Готье (переводы), в фольклоре Африки ("Абиссинские песни"). Завершают сборник два лиро-эпических произведения, раскрывающие идею пути "под чужим небом" – "Блудный сын" и "Открытие Америки".

Итак, вчитываясь в строки первого сонета первого сборника, мы видим, как он вписывается в предписствующий литературный и — шире — культурный опыт, как в нём проявляется полифонизм — преобладающий принцип художественного мышления поэта, как первое произведение предопределяет содержание всего творчества Н.С. Гумилёва.

Воронеж

Русский быт и словесность

День рождения, день ангела – именины

T.A. ИВАНОВА, кандидат филологических наук

Публикация статьи талантливого филолога Т А. Ивановой, нашего постоянного автора, именно в этом номере журнала не случайна. Коллектив редакции "Русской речи" поздравляет Татьяну Аполлогиовну со славным юбилеем − 80-летием со дня рождения и желает ей крепкого здоровья, благополучия и творческих успехов.

Каждый человек появляется на свет Божий в определённый день, который и становится днём его рождения.

Только что родившегося человека, естественно, принято было называть новорождённым (ж. новорождённой): "Молодая мать лежала в глубоком забытьи, но, когда в комнате раздался первый крик новорождённого, тихий и жалобный, она заметалась..." (В.Г. Короленко. Слепой музыкант).

В русском быту существует давний обычай ежегодно отмечать день рождения (рождение). Причём виновника торжества также называли новорождённым вне зависимости от его возраста:

"— Поздравляют с новорождённой! — заговорила Вера", героиня романа И.А. Гончарова "Обрыв", обращаясь к своей бабушке по случаю дня рождения сестры Марфеньки, которой исполнился 21 год. Ср. также: "Двадцатого декабря было рожденье Еспера Ивановича (старика — дяди героя романа Вихрова. — Т.И.). Вихров поехал его (старика — дяди героя романа Вихрова. — Т.И.). Вихров поехал его поздравить. ⟨...⟩ Где же я увижу новорождённого? — спросил он. — Наш новорождённый едва дышит" (А.Ф. Писемский. Люди сороковых годов). Такое употребление слова новорождённый находилось в противоречии со своим первичным значением — "только что или недавно родившийся", противоречило, так сказать, его внутренней форме, а поэтому с течением времени становилось устарелым, что и приводило, как увидим ниже, к его замене другим словом.

С рождением ребенка связано наречение ему имени, которое в доатеистическое время происходило при обряде крещения (см.: Русская речь. 1992. № 5. С. 87). Между днём рождения ребёнка и днём его крещения (крестинами) протекало обычно несколько дней. По Далю, в простом народе, всех ребят до крещения зовут Богданами: "Не крещён, так и Богдап; рождён, а не крещён, так Богдапка" (Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1957. С. 378, 705).

Имя новорождённому младенцу давалось в честь какого-либо свя-

Имя новорождённому младенцу давалось в честь какого-либо святого в соответствии с русским православным календарём (месяцесловом): "Добрый помещик поздравил Ивана Петровича с рождением сына, явившегося на свет в селе Покровском 20 августа 1807 года и наречённого Фёдором в честь святого мученика Феодора Стратилата" (И.С. Тургенев. Дворянское гнездо).

День. "в который церковь отмечает память одноимённого святого", а также "празднование, устраиваемое по случаю этого дня" (Словарь русского языка. М., 1985. Т. І. С. 661), – личный праздник крещёного человека, его *именины*: "...однажды Потёмкин зимой в Москве проживал; подошёл Григорий Богослов – его именины" (П.И. Мельпиков (Андрей Печерский). На горах); "- Я был на именинах и так позавтракал, что обедать не буду. - А какого нынче святого? - Да,

должно быть, Якова, двадцать шестое число" (Я.П. Полонский. Женитьба Атуева).

Соответственно, человек в день своих имении назывался именинником (ж. именинницей): "— Я именинник, и хочется немножко отпраздновать этот день", — говорил полковник Янсутский, приглашая к себе на именины Бегушева, героя романа А.Ф. Писемского "Мещане"; "Именины Веры, по её желанию, прошли незаметно. \(\lambda ... \rangle \) Приезжавшим из города всем отказывали, под предлогом болезни именинницы" (И.А. Гопчаров. Обрыв).

Обычай отмечать празднованием день *именин* получил широкое отражение во многих произведениях русской реалистической литературы. Вспомним хотя бы именины Татьяны в "Евгении Онегине" А.С. Пушкина или именины Наташи Ростовой и её матери в "Войне и мире" Л.Н. Толстого. Есть у А.П. Чехова рассказ "Именины", который, конечно, по замыслу и воплощению глубже и значительнее события, вынесенного в заглавие. Однако для нас важно, что всё происходит в Петров день на фоне празднования именин героя рассказа — Петра Дмитриевича.

Следующий за именинами день назывался *чёрствыми именинами*: "Вчерашний имениник Пётр Степаныч Самоквасов, после шумной пирушки спал долго и крепко (...) — С добрым утром, поздравляю с чёрствыми именинами! — с лукавой насмешкой сказала игуменья..." (П.И. Мельников (Андрей Печерский). В лесах). М.И. Михельсон, отметив устойчивое сочетание "чёрствые именины", считал, что в нём содержится "намёк на почерствелое будто угощение, на остатки от него" (Михельсон М.И. Опыт русской фразеологии, СПб., 1903. Т. И. С. 501).

Святые церковного календаря в большинстве были реальными людьми, жизненные деяния и подвиги которых совершались во славу христианской веры, за что их и причислили к лику святых. Вместе с тем одноимённый с новорождённым святой, являясь его патроном, как бы уподоблялся в данном случае ангелу-хранителю, дарованному Богом при рождении каждому человеку, откуда и произошло синонимичное именинам устойчивое сочетание день ангела: "Как-то раз под вечер девушка, ходившая за Бельтовой, попросилась у неё идти ко всенощной. – Ступай; да что такое завтра? – Неужели вы изволили забыть, что завтра 17 сентября, день вашего ангела, богомудрой Софии и дщерей её – Любови, Веры и Надежды!" (А.И. Герцен. Кто виноват?); "— Поздравь меня, — воскликнул вдруг Базаров, — сегодня 22 июня, день моего ангела. Посмотрим, как-то он обо мне печётся?" (И.С. Гургенев. Отцы и дети).

Именно это устойчивое сочетание употреблялось в этикетной фор-

муле поздравления: «Все кругом кричали: "Честь имеем поздравить вас. Александра Дмитриевна, со днём вашего ангела!.."» (Н.Ф. Павлов. Именины); "Поздравляю вас. друг мой Варвара Александровна, писал супруг, — со днём вашего ангела" (А.Ф. Писемский. Сергей Петрович Хазаров и Мари Ступицына); "Кулыгин (подходит к Ирине). Дорогая сестра, позволь мне поздравить тебя с днем твоего ангела..." (А.П. Чехов. Три сестры).

Однако в некоторых слоях русского общества обычай праздновать именины считался предрассудком и подвергался осуждению: "- Как и вы признаёте именины? — засмеялась вдруг студентка, обращаясь к Петру Верховенскому. — Старо, — проворчал гимназист с другого конца стола. — Что такое старо? Забывать предрассудки не старо, хотя бы самые невинные, а, напротив, к общему стыду, до сих пор ещё ново. — мигом заявила студентка (...) — К тому же нет невинных предрассудков, — прибавила она с ожесточением" (Ф.М. Достоевский. Бесы). Ср. у В.Г. Белинского в письме другу и родственнику Д.П. Иванову: "Да что это у тебя за мещанская манера справлять именины? Право, ты делаешься настоящим филистером" (Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1982, Т. 9. С. 324).

В этой связи вспоминаются весьма выразительные и ироничные слова автора "Мещанского счастья": «Через три дня $\langle ... \rangle$ настал праздник Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Надя была имениница. На Руси празднование именин вытекает ныне совершенно не из религиозных причин. Едят, пьют, сплетничают и танцуют не во имя патронального святого, а потому что случай такой вышел. Приходят гости, поздравляют с ангелом, а сами и не думают об ангеле. Обычай справлять именины многими оставлен, — напрасно: отчего под предлогом "ангела" хоть раз в году не покормить родню и знакомых? Дороговы (родители имениницы. — T.И.) держались этого православного обычая: обряд именин совершался у них с особенным торжеством" (Н.Г. Помяловский, Молотов).

Любопытен также факт, отмеченный в воспоминаниях Л.А. Авиловой: "Старший брат и его жена были толстовцы, именин не признавали и именинных пиршеств избегали" (Чехов в воспоминаниях современников. М., 1952. С. 189).

В "высоком" слоге употреблялось официально-книжное слово *тезо-именитство* – день именин высокопоставленных лиц, преимущественно членов царской фамилии: "Ломоносов сам не дорожил своею поэзиею и гораздо более заботился о своих химических опытах, нежели о должностных одах на высокоторжественный день тезоименитства и проч." (А.С. Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург). См. также: «21 июля были именины князя. (...) При входе князя он (пристав. –

T.И.) вытянулся и проговорил официальным голосом: «" $\langle ... \rangle$ позвольте поздравить вас со днём вашего тезоименитства". $\langle ... \rangle$ Пришли священники и ещё раз поздравили знаменитого именинника с тезоименитством» (А.Ф. Писемский. Тысяча душ).

Одной из характерных примет празднования именин были стихи, написанные по этому случаю, обычай, вероятно, пришедший к нам с Запада:

Как истинный француз, в кармане Трике привез куплет Татьяне... А.С. Пушкин. Евгении Опегин

Да и сам Пушкин в молодости грешил подобными стихами. Таково, например, послание, адресованное Анне Николаевне Вульф:

Хотя стинки на именины Натальи. Софьи, Катерины Уже не в моде, может быть; Но я, ваш обожатель верный, Я в знак послушности примерной Готов и ими вам служить.

Ср. также: "Когда нам объявили, что скоро будут именины бабушки и что нам должно приготовить к этому дню подарки, мне пришло в голову написать ей стихи на этот случай..." (Л.Н. Толстой. Детство).

В академическом Словаре современного русского литературного языка (М.-Л., 1948. Т. 1. Стл. 137) и в Словаре русского языка С.И. Ожегова (М., 1975. С. 27) устойчивое сочетание день ангела снабжено пометой устарелое. Такое определение отражало реалии нашего педавнего атеистического прошлого. Однако в разговорной речи людей старшего поколения это словосочетание, конечно, сохранялось, откуда оно могло быть известным и людям более молодого возраста. Вполне возможно, что оно вновь станет употребительным.

С.И. Ожегов, кажется, был первым, кто отметил оппибочное, с его точки зрения, употребление слов именины. а также имениник: «Теперь иногда употребляют неправильно (курсив наш. – Т.И.) вм. "день рождения"»; «теперь иногда употребляют неправильно вм. "новорождённый"» (Словарь русского языка. С. 227). Вот характерные примеры такого употребления в наши дни: "Сегодня день рождения у сына. / Обрадована случаю семья: / Приглашены к нему на именины... / Родителей коллеги и друзья" (А. Сердечный. Именины // Вечерний Ленинград. 1991. 20 авг.). Или: "Внервые я увидела Инну на дне её рождения, на который она меня пригласила. Имениница сидела в центре маленькой

больничной палаты" (Т. Зазорина. Пусть не покинет надежда // Санкт-Петербургские ведомости. 1992. 25 дек.).

Ученик С.И. Ожегова, Л.И. Скворцов, в книге, посвящённой памяти учёного, не только признал ошибочным подобное употребление, но и дал этому разъяснение: «В современной разговорной речи словом именинник обычно называют человека в день его рождения. При этом происходит смешение слов именинник и новорождённый. (...) Ошибка появляется в связи с утратой буквального (церковного) значения слова именинник и, возможно, объясняется тем, что за словом новорождённый в общелитературной речи всё больше закрепляется в качестве единственного прямое значение: "только что или недавно родившийся". Играет свою роль, очевидно, и влияние переносного, шутливого употребления слова именинник: "герой дня; виновник торжества" и т.п.». И далее: "В современной устной разговорной и письменной речи словом именины обычно называют день рождения человека. При этом происходит подмена существительным именины таких слов, как годовщина, юбилей или словосочетания день рождения. Это употребление возникает в связи с утратой словом именины своего прямого значения (связанного с церковной обрядностью) и, повидимому, объясняется стремлением говорящих и пишущих обозначить одним словом тот день, когда празднуется чьё-нибудь рождение" (Скворцов Л.И. Правильно ли мы говорим по-русски? М., 1983. С. 130-131)

Вполне соглашаясь с Л.И. Скворцовым в том, что он пишет о причинах смещения слов именины – день рождения, имениник (имениница) – новорождённый (новорождённая), заметим всё же, что сам процесс смещения начался значительно раньше, ещё в доатеистическую эпоху. Так, будучи лицеистом, Пушкин в стихотворении 1815 года "К Пущину (4 мая)" писал: "Любезный имениник, / О Пущин дорогой!". Дата "4 мая" принадлежит самому поэту, но эта дата не именин, а дня рождения И.И. Пущина, родившегося 4 мая 1798 года.

А вот в повести Ф.М. Достоевского "Село Степанчиково и его обитатели" такое незакономерное употребление слова именинник отмечено самим говорящим: "...Фома Фомич позавидовал именинам Илюши и утверждает, что и сам он завтра именинник. $\langle ... \rangle$ – Рожденье, братец, рожденье, не именины, а рожденье! – скороговоркою перебил меня дядя. – Он не так только выразился (курсив наш. – T.U), а он прав: завтра его рожденье". См. также в романе Ф.М. Достоевского "Бесы": "Сегодия под видом дия рождения Виргинского соберутся у него из наших", но ранее: "Виргинский именинник, под тем предлогом и соберутся" и далее: "Под видом дня рождения хозяина собралось человек до

пятнадцати; но вечеринка совсем не походила на обыкновенную провинциальную именинную вечеринку".

Иногда же имена святых поминались не в связи с конкретными лицами, а переносно:

Умпожайте шум и радость, Пойте песни в добрый час: Дружба, Грация и Младость Именинины у нас. Между тем дитя крылато, Вас приветствуя, друзья, Втайне думает: когда-то Имениния буду я!

А.С. Пушкин Именины

Подобное употребление известно и в народном месяцеслове: "На Симона Зилота земля именинница: грех пахать"; "На Макария Нижегородская ярмарка именинница"; "На Куприяна и Устиньи Казань именинница (праздн. взятия Казани)" (Даль В.И. Пословицы русского народа. С. 883, 890, 895). Ср. также: «Если к Успеньеву дню успеют дожать яровые, тогда праздник вдвойне, тогда бывает "сноп именинник" и празднуют "дожинки" — древний русский обычай» (П.И. Мельников (Андрей Печерский). На горах); "Завтра ихний (волков. — T.И.) день, звериный царь именинник" (П.И. Мельников (Андрей Печерский). В лесах). В примечании к тексту писатель сообщает: "День 18 февраля (память святого Льва, папы римского) в Заволжье зовётся львиным днём. Это по тамошнему поверью праздник звериного царя, его именины" (Там же).

Известно и более раннее употребление слов именины в значении "юбилей", а имениник в значении "юбиляр". Так, в Петербурге 2 марта 1861 года отмечалось пятидесятилетие литературной деятельности П.А. Вяземского, или, как сказал в стихотворном послании юбиляру В.Г. Бенедиктов, перефразировав самого виновника торжества: «Вы "с Музой свадьбу золотую" / Сегодня празднуете, князь» ("Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности академика князя Петра Андреевича Вяземского". СПб., 1861. С. 29). И вот на этой "золотой свадьбе" писателя с музой было оглашено стихотворение Ф.И. Тютчева:

Потом мы все, в молитвенном молчанье, Священные поминки сотворим. Мы сотворим тройное возлиянье Трём незабвенно-дорогим. Нет отклика на голос, их зовущий, Но в светлый праздник ваних имении Кому ж они не близки, не присущи – Жуковский, Пушкин, Карамзин!..

Русская речь 6/1997

Не следует полагать, что появление здесь слова *именины* обусловлено исключительно рифмой. Такой даровитый поэт, как Ф.И. Тютчев, вряд ли воспользовался бы рифмой *именин* – *Карамзин*, если бы чувствовал "ошибочность" подобного словоупотребления. Скорее всего в данном случае мы наблюдаем начало того процесса, завершение которого наступило в наши дни.

Любопытно, что Ф.И. Тютчев в другом стихотворении, адресованном тому же юбиляру и написанном в том же 1861 году ко дню его рождения (в двух автографах указана дата рождения П.А. Вяземского: "Петергоф, 12-е июля"), использовал уже слово юбилей:

Теперь не то, что за полгода, Теперь не тесный круг друзей, – Сама великая природа Ваш торжествует юбилей...

Похожий случай произошёл в Петербурге, когда чествовали Д.В. Григоровича в связи с пятидесятилетием его литературной деятельности. Сообщая об этом, Н.С. Лесков писал Л.Н. Толстому 2 ноября 1893 года: "За день до юбилея Григоровича сюда приезжал из Москвы Гольцев..." Однако издателю "Русской мысли" неожиданно пришлось вернуться в Москву, читаем далее, поэтому "всё, что он придумал сказать дорогому именинику, осталось в нём..." (Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 11. С. 568).

В смешении и дальнейшей замене словом *именины* других слов, как нам кажется, отражается стремление говорящих обозначать одним словом день, в который отмечается то или иное событие, связанное с жизнью определённого лица: его рождение. его именины, его юбилей. Все эти события являются личным праздником человека, отсюда общее название для них — *именины*, а также и для самого лица — *имениник* (*имениница*).

Санкт-Петербург

"Путешествие в Армению" О.Э. Мандельштама

А.В. НИКОЛАЕВА, кандидат филологических наук

"Мандельштам убеждал меня, что тяга на юг у него в крови. Он чувствовал себя пришельцем с юга, волею случая закинутым в холод и мрак северных широт". Это строки из книги жены поэта (Мандельштам Н.Я. Вторая книга: Воспоминания. М., 1990). История Черноморья была для поэта его историей, там он искал истоки своих стихов. В начале тридцатых годов южная тема в стихах Мандельштама напрямую связывается с Арменией. Армения в глазах Мандельштама – форпост христианского, эллинского и иудейского мира. Чем больше попирались в стране Советов общечеловеческие и христианские ценности, тем сильнее было желание поэта оказаться там, где даже камни хранят библейскую мудрость: "Вот неподвижная земля, и вместе с ней я христианства пью холодный горный воздух" (Там же. С. 398).

В 1930 году О. Мандельштам едет в Армению. Для него это не просто путешествие, а возвращение к своим истокам. Стремление поэта понять загадочное очарование земли, что так влекла его к себе, нашло свое выражение не только в стихах этого периода, но и в прекрасной прозе. Мандельштам пишет цикл очерков под общим названием "Путешествие в Армению". Дать более точную жанровую характеристику этому произведению сложно, так как сам писатель подчеркивал, что каждый жанр непрерывно исчерпывает себя, и тот, кто берется за него, должен начинать с полной перестройки. Своеобразие очерков Мандельштама обусловлено не только расширением жанровых границ. В них с наибольшей остротой проявилась трагическая несовместимость поэта с окружающей действительностью.

В двадцатые, а особенно в тридцатые годы, критики воспринимали Мандельштама как сплошной анахронизм. Ему советовали измениться, найти тему, созвучную эпохе, заговорить на "современном языке". Мандельштаму активно рекомендовали описать советскую Армению,

тогда как для него был важен прежде всего поиск истоков великой культуры. Поэтому приходилось прибегнуть к сложной формс построения текста, чтобы отстоять свою позицию, очертить сферу своих интересов. В первом же очерке автор стремится показать, что для него внешнее является только сигналом перехода на уровень глубоких внутренних ассоциаций: "Что сказать о севанском климате? / – Золотая валюта коньяку в потайном шкапчике горного солнца" (Мандельштам О. Путешествие в Армению // Стихотворения. Переводы. Очерки. Статьи. Тбилиси, 1990. С. 325; далее в тексте указываются страницы).

Важна здесь не информация, а ее образное переосмысление. В центре внимания Мандельштама не столько то, что окружает его, сколько образы, которые вызывают те или иные события и предметы. Ведь речь идет не об Армении как некой географической единице, а о том, как поэт видит ее. Поэтому в очерке нет никакой последовательности событий. Логические скачки от одной темы к другой подчеркивают непосредственность авторского восприятия, создают чисто зрительную иллюзию. Одна картина сменяется другой. Описания предметов и людей статичны и неподвижны, потому что они прикованы к внутренним. уже сложившимся образам, на основании которых писатель и строит повествование. Даже когда речь идет о действии, картина неподвижна: "Да под конец к нам пожаловал ящур, занесенный в бидонах молока с дальнего берега Зайналу, где отмалчивались в угрюмых русских избах какие-то экс-хлысты, давно переставние радеть. Впрочем, за грехи взрослых ящур поразил одних безбожных севанских ребят. Один за другим жестковолосые драчливые дети никли в спелом жару на руки женщин, на подушки" (С. 325). Именно в такой фотографической зафиксированности – разгадка эмоционального наполнения кар-

Уже из этих немногих примеров видно, что каждое описание служит прежде всего для выражения внутреннего отношения автора к происходящему. Связь между реальным фактом и образом условна. Каждое предложение — это поэтический образ. Поэтому те фрагменты повествования, которые выполнены в иной манере, выпадают из текста, кажутся в нем чем-то чужеродным: "То и дело хлопала наружная дверь, и с мышиной якиманской лестницы прибывали гости обоего пола: ученики советских авиационных школ — беспечные конькобежцы воздуха, сотрудники дальних ботанических станций, специалисты по горным озерам, люди, побывавшие на Памире и в Западном Китае, и просто молодые люди" (С. 331). Пет ни портретов, ни образов. Метафоры, сравнения похожи на газетные штампы по своей невыразительности и официальной тональности: ученики советских авиационных школ — беспечные конькобежцы воздуха. Если принимать во внимание

общую стилистику очерка, то данные строки кажутся нарочито невыписанными.

Обычно Мандельштам, рассматривая предмет или человека, ставит его вне всяких временных границ: "С женщинами он – рыцарственный Мазена, одними губами ласкающий Марию, в мужской компании – враг колкостей и самолюбий, а если врежется в спор, то горячится, как фехтовальщик из франкской земли" (С. 325); "Аштаракская церковь самая обыкновенная и для Армении смирная... Встал на цыпочки и заглянул внутрь: но там же купол, купол! Настоящий! Как в Риме у Петра, под которым тысячные толцы и пальмы, и море свечей, и косилки" (С. 347). Каждая деталь, воспринятая под таким углом зрения, становится значимой. Создается сложное подробное полотно, фактически самостоятельное от реального предмета рассмотрения (тысячные толпы, море свечей). Интонационное оформление (восклицания), повторы (купол, купол) служат для акцентирования непосредственности авторского видения. Слова, которые стали приметой времени: нарком, сотрудник, советская авиационная школа, специалист... А те, в свою очередь, оказывают влияние на общий характер изложения: "Ночлег пришелся в общирном четырехспальном доме раскулаченных. Правление колхоза вытрусило из него обстановку и учредило в нем деревенскую гостиницу. На террасе, способной приютить все семя Авраама, скорбел удойный умывальник" (С. 346). Первые два предложения включают в себя слова "нового порядка" (раскулаченные, правление, колхоз) и играют скорее информативную роль. Хотя здесь и выражена в определенной степени авторская оценка (правление вытрусило), но нет развернутых образов, сравнений. В последнем же предложении приведенного отрывка автор создал целый образ. Он как бы дается в противовес тому, о чем идет речь раньше. Это подчеркивается использованием различно окрашенной лексики (вытрусил – сниженная лексика, *скорбел* – высокая).

Сочетание глагола скорбел с существительным умывальник усиливает общий комический характер всего описания. Можно рассматривать использование слов, которые ассоциируются у читателя с новой идеологией, революционным порядком, как переход автора с субъективной позиции на объективную. Писатель уже не конкретный свидетель и участник, он – просто передает те слова и выражения, среди которых ему приходится жить, не переосмысливая их, не "прикасаясь" к ним. Б.А. Успенский отмечает, что ранее сигналом перехода с субъективной речевой установки на объективную являлся переход с русского языка на церковнославянский (Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX вв.). М., 1994). Можно предположить, что для Манделыптама официальная лексика, язык

передовиц – форма перехода на точку зрения, которая далека от личной, авторской.

Судите сами. Для Мандельштама вообще характерно восприятие мира через призму уже готовых, откристаллизованных литературных и исторических образов: "Труженик в черной рубашке с тяжелым огнем в глазах, с открытой театральной шеей, он удалялся в перспективу исторической живописи – к шотландским мученикам, к Стюартам" (С. 347).

В тех описаниях, где присутствует новая лексика, нет проекции в мир художественных образов: "Ненависть к белогвардейцам, презренье к дашнакам и чистая советская яркость одухотворяли А. Смелая и понятливая, красной солдаткой бросила мужа-комсомольца, плохого товарища; воспитывала двух разбойников, Рагина и Хагина, то и дело подымавших на нее свои кулачки" (С. 352).

Ряд эмоционально заряженных слов: ненависть, чистая советская ярость, красная солдатка – смелая и понятливая, муж-комсомолец – плохой товарищ напоминает стиль газетной передовицы тех лет. Подбор прилагательных, построение фраз (красной солдаткой бросила мужа-комсомольца) обращают на себя внимание своей неконкретностью, беспомощностью, даже безграмотностью. И это у Мандельштама, чьи портреты настолько выпуклы, насколько это вообще возможно в публицистической литературе: "То был армянский Несчастливцев... Кто он? Прирожденный вдовец при живой жене. Чья-то сильная и властная рука еще давным-давно содрала с него воротничок и галстук. И было в нем что-то от человека, застигнутого врасилох посещением начальника или родственника и только что перед этим стиравшего носки под краном в холодной воде... С. являл собой пример чистокровной мужской растерянности. Его мучила собственная шея. Там, где у людей воротничок и галстук, у него было какое-то стыдное место. То был мужчина, беременный сознанием своей вины перед женою и детьми..." (С. 352).

Акцентируя одну деталь. Мандельштам превращает ее в символ: "Бывая у Вартанян, я неизменно сталкивался с другом ее отца – обладателем столь изумительного габсбургского профиля, что хотелось спросить его, как делишки святой инквизиции" (С. 354).

В том случае, когда писатель пытается использовать слова, относящиеся к новой идеологии, описание теряет свою художественную направленность: "Отец ее был важный заграничный армянин (...) и, как мне показалось, консул сочувствующих советскому строительству с национальной точки зрения буржуазных кругов" (С. 353).

Пытаясь встать на позицию определенных политических симпатий, писатель вынужден изменить манеру изложения, так как его проза

носит характер глубоко личный и строится вне узких идеологических схем.

Весь текст распадается на две диаметрально противоположные и по смысловой значимости, и по лексическому оформлению части. Этот антагонизм подчеркивает и сам автор: "Страшно жить в мире, состоящем из одних восклицаний и междометий" (С. 338). И еще более откровенно: "Если приму, как заслуженное, и тень от дуба и тень от гроба и твердокаменность членораздельной речи, — как я тогда почувствую современность? Что мне она? Пучок восклицаний и междометий! А я для нее живу..." (С. 362).

Для Манделыптама к миру восклицаний и междометий относится все, что он не может прочувствовать, понять. Писатель стремится показать мир не только таким, каким он видит его, но и дать объективную картину действительности. Таким образом в очерке оказываются не только впечатления автора, но и дается картина другой реальности, другого уровня восприятия. Сам писатель далек от классового подхода к различным фактам и событиям. Но он живет в политизированном обществе и не может не говорить об этом: "Подвойский произносил нагорные проповеди о вреде курения и отечески журил садовников. Однажды он задал мне глубоко поразивший меня вопрос: — Каково было настроение мелкой буржуазии в Киеве в 19-м году?" (С. 337).

Писатель стремится четко обозначить то, что близко и понятно ему, показать свое непонимание и неприятие тех идеологических схем, которые навязывает ему общество. Поэтому Мандельштам выбирает путь конкретизации. Он выводит на первый план свое отношение к тому, о чем идет речь: "Я растягивал зрение, как лайковую перчатку, напяливал ее на колодку — на синий морской околодок... Я быстро и хищно, с феодальной яростью осмотрел владения окоема" (С. 338); "Я вышел на улицу из посольства живописи. Сразу после французов солнечный свет показался мне фазой убывающего затмения, а солнце — завернутым в серебряную бумагу" (С. 340); «Рядом со мной проживали суровые семьи трудящихся. Бог отказал этим людям в приветливости, которая все-таки укращает жизнь. Они угрюмо сцепились в страстнопотребительскую ассоциацию, обрывали причитающиеся им дни по стригущей талонной системе и улыбались, как будто произносили слово "повидло"» (С. 329).

В центре внимания – сам автор, его переживания. Активно используется субъективно-изобразительный синтаксис (Иванчикова Е.А. Синтаксис текстов, организованных авторской точкой зрения // Языковые процессы современной русской художественной литературы. М., 1976. С. 229):

1. Восклицательные фразы: "Зато я невзлюбил Матисса, художника

богачей. Красная краска его холстов шипит содой. Уж мне эти ковровые шахматы и одалиски! Шахские прихоти парижского метра!" (С. 339); "И как-то я увидел пляску смерти – брачный танец фосфорических букашек... Черт знает, куда их заносило!" (С. 338).

- 2. Вводно-модальные слова со значением достоверности недостоверности, приблизительности, предположительности. Использование неопределенных местоимений: "Мне кажется, это происходит от нетерпения, с которым я живу и меняю кожу" (С. 329); "Казалось, эти люди с славянски пресными и жестокими лицами ели и спали в фотографической молельне" (С. 329–330); "Обстоятельства еще не позволяют мне последовать за вами. Я надеюсь, они изменятся" (С. 333); "Кто-то рассказывал, что внизу на Якиманке разлегся бронзовый инвалид..." (С. 331).
- 3. Активное использование разговорных конструкций: "То-то поднялась тревога" (С. 326); "То-то я обрадовался коралловым деньгам северного лета" (С. 332); "Уж эти гости!" (С. 327).

Писатель рассказывает о себе. Его позиция субъективна, оценки глубоко личные. Там же, где он использует общественно-политические термины, почти нет развернутых образов. Это мир условный, он не пересекается с миром реалий автора.

Мандельштам намеренно конкретизирует авторское "я", что находит свое отражение и в речевой организации произведения. Писатель хочет подчеркнуть свое неприятие определенных сторон общественной жизни, отстоять право на свое личное отношение ко всему, что он видит, неподвластное официальной политике государства. Эта позиция так же субъективна, как позиция персонажа в художественном произведении. Автор – герой своего очерка.

Мандельштам представляет себя как героя очерка. Это дает ему возможность резче очертить сферу своего присутствия, своих интересов.

Человек и общество. Трагическое противостояние напло выражение в тексте, в его структуре. Характеристика текста с точки зрения стилистической оценки помогает обнаружить скрытую, далекую от лозунговой очевидности, позицию автора, с большей определенностью понять не только замысел писателя, но и время, в которое ему довелось жить.

имена числительные в речевой культуре

П.П. КОЛЕСНИКОВ, ∂октор филологических наук

Памяти Валентина Павловича Вомперского

Обращаясь к письменной речи, мы часто используем имена числительные. Но грамматически правильно соединить числительное и существительное подчас не просто. Рассмотрим возникающие здесь сложности и способы их преодоления.

Связать, например, числительное 25 со словом сутки легко: "В санатории мы пробыли двадцать иять суток". В других случаях возникает трудность, с которой надо как-то справиться. Ее "обходят", употребляя вместо слов-числительных цифры: "Климук выполнил второй космический полет продолжительностью 63 суток" (Правда. 1978. 28 июня).

Как прочесть вслух это сообщение? Шестьдесят трое суток? Но количественное числительное не сочетается с собирательным. Шестьдесят и три сутки? Тоже нельзя. Шестьдесят пять суток без двух? Такое сочетание вызывает только улыбку. Неприемлемые цифровые сочетания находим и в других печатных органах: "В результате допущенной большой просрочки в доставке груза, составившей 22 суток вместо двух, мандарины полностью пришли в негодность" (Заря Востока. 1985. 24 янв.); "Он получил 32 суток карцера" (Новый мир. 1989. № 11. С. 162).

Трудность в употреблении подобных сочетаний вызвана тем, что слово *сутки* не имеет формы единственного числа, необходимой для сочетания с числительными 22, 23, 24, 32, 33, 34, 182, 183, 184 и т.д. Как выйти из этого затруднительного положения? Есть два способа: один — изменить структуру предложения: "Климук выполнил второй космический полет в течение 63 суток". Другой — заменить слово *сутки* словом день: "Он получил 32 дня карцера". Такая замена, конечно, не означает, что днем он находился в карцере, а ночью — вне его. Когда мы говорим: "Прошло 5 дней", это означает, что прошло столько же времени, сколько проходит за 5 суток. Ничего нелогичного, неточного в этом нет.

Найдется ли читатель, который смог бы грамотно озвучить заголовок, придуманный журналистом: "1,1-миллиардный гражданин" (Правда. 1989. 15 апр.)? Такие неудобочитаемые сочетания с числительными не следует выносить в заголовок, а о самом факте лучше сказать в тексте статьи, например, так: "Вчера статистика отметила, что с рождением этого ребенка в стране стало один миллиард сто тысяч граждан".

Что значит "Производить миллиардную продукцию" (Огонек. 1989. № 3. С. 20)? или "70-тысячные вооруженные силы Австралии" (Известия. 1989. 17 авг.)? Ведь миллиардный, 70-тысячный – обычные порядковые числительные, не указывающие на какое-либо количество. Здесь нет намека ни на тонны, ни на рубли, ни на людей, ни на метры. Мы не скажем "тридцатый груз", если он тридцатитонный, "двухсотая ассигнация", если она двухсотрублевая. Выход из положения: необходимо заменить порядковые числительные количественно-именными сочетаниями: "Производить продукцию на миллиард рублей", "Вооруженные силы Австралии в количестве 70 тысяч человек".

Школьные учебники сообщают, что в русском языке функционируют три вида числительных: количественные (один, два, три, семь), порядковые (первый, второй, третий, седьмой) и собирательные (двое друзей, трое брюк, четверо портных, семеро смелых). Однако, кроме этих числительных, имеется еще одна — непризнанная, но часто употребляемая группа числительных — числительные перечислительные. Они употребляются при перечислении: один, другой, третий; одни, другие, третьи: "Два господина сидели в небрежно убранной квартире в Петербурге... Одному было около тридцати пяти, а другому около сорока пяти лет" (И.А. Гончаров. Обрыв); "Комната имела два окна: одно выходило на улицу, другое — в узенький проулок" (Гайдар. Школа); "Основных вариантов структуры правительства — два. Один — революционный, другой — нет" (Известия. 1996. 23 июля).

Первое слово этой группы рекрутируется из разряда количественных числительных (один), второе – из класса прилагательных (другой), третье и последующие – из разряда порядковых числительных (третий, четвертый и т.д.). Памятуя об этом, не следует заменять второе слово (из класса прилагательных) порядковым числительным, как это часто бывает не только в устной речи, но и в печатных текстах: "Урчит, подъезжая, один автобус, за ним второй, третий" (Огонек. 1989. № 51. С. 5); "Пока один друг лежал дома и пил лекарства, второго перевели из омской учебки в Псковскую дивизию" (Известия. 1996. 2 июля); "У нас существует две теневые экономики. Одна из них основана на том, что... Вторая теневая экономика представляет собой конгломерат мафии и правительства" (Известия. 1996. 17 июля); "Начал считать, загнул пальцы на одной руке, на

второй руке" (Огонек. 1985. № 24. С. 16). Может возникнуть вопрос, какая из рук является первой, а какая — второй. Этот вопрос не возникает, если употреблено "законное" слово *другой*, не имеющее отношения к порядку расположения предметов.

При количественных числительных слово человек во всех случаях употребляется в форме единственного числа: два человека, десять человек, три миллиона человек и т.д., а при именах существительных с количественным значением (десятки, сотни, тысячи, миллионы, множество) употребляется слово люди: десятки людей, миллионы людей. Это правило часто нарушается: "В нем приняли участие тысячи человек" (Правда. 1989. 16 июля); "В бандитский бизнес вовлечены сотни человек" (Вечерний Ростов. 1989. 2 окт.); "За последние несколько недель выявлены десятки человек, зараженных вирусом" (Комс. правда. 1989. 21 марта). Во всех перечисленных случаях требовалось употребить форму множественного числа – людей.

Противоположный случай: "Всего от наводнения в штате Орисса пострадали более трех миллионов людей" (Правда. 1982. 4 сент.). Здесь миллион — имя числительное, следовательно, нужно было употребить слово человек. Наличие в публикациях таких отклонений свидетельствует о серьезных языковых пробелах у тех, кто по роду своей деятельности обязан следить за своей речью, не допускать языковых ошибок, не распространять их.

Ростов-на-Дону

Новый суффикс?

Е А. ЛЕВАЩОВ, кандидат филологических наук

Русская грамматика (М.: Наука, Т. I., 1980, § 818) отмечает: "В публицистике распространены причастия на -ствующий в адъективном значении" и приводит примеры: анархиствующие антимилитаристы, эсерствующие наставники. Бытование таких причастий обычно гарантируется соответствующими глаголами (в данном случае — анархиствовать и эсерствовать). Но одна особенность этих пар (глагол $\rightarrow$ причастие) поневоле бросастся в глаза: в живом публицистическом употреблении обычно функционирует вторая, причастная форма, а исходный глагол существует лишь в потенции, как бы "по должности". В дореволюционном "Словаре русского языка" (1906—1907 гг.): Ka-детствовать, но пример: кадетствующие отцы и миряне; в "Толковом словаре русского языка" под ред. Д.Н. Ушакова: Меньшевиствовать, но пример: меньшевиствующий идеализм; в семнадцатитомном и четырехтомном академических словарях: фашиствовать, но

примеры: фашиствующий офицер, фашиствующая газета, фашиствующие молодчики; в словаре С.И. Ожегова (1975 г.): *Фашиствующий* – даже без заголовочного инфинитива (фашиствующие элементы).

Надо думать, такое нынешнее (в публицистических текстах) "забегание вперед" причастной формы на -ствующий перед инфинитивной (то есть вторичной перед генетически первичной) не случайно: в причастно-прилагательной форме полнее выражается оценочное качество в действии (обычно с оттенком неодобрения). Подчас потребность небеспристрастно оценить это качество, его носителя столь велика, что причастие в функции прилагательного образуется речетворцем без неопределенной формы глагола как словообразовательного трамилина – прямо от существительного (так называемое чересступенчатое словообразование как один из путей грамматикопонятийной мотивированности): «... если говорят "интеллигентствующий мещанин", то это уже такая отвратительная гадость - не приведи господь» (Ю. Трифонов. Выбирать, решаться, действовать); "Встречаются мессианствующие критики, пропагандирующие свои неотложные меры по спасению советского театра" (Правда. 1988. 30 окт.); "Очень любопытны марсианствующие травяные хоккеисты, коим разрешено бить по мячу только одной стороной клюшки, отчего они бегают, натурально, бочком" (Независимая газета. 1996. 27 июля); "...монаршествующий тесть запретил продлевать ему [зятю] вид на жительство" (Аргументы и факты. 1996. № 41). Отсутствие в языке соответствующих глаголов (во всяком случае, они не обнаружены, а будут ли – покажет время) делает данные формы на -ствующий псевдопричастными.

Таким образом, параллельно существуют несколько словообразовательных цепочек: полная, четырехчленная (монах – монашество – монашествовать – монашествующий, первый – первенство – первенствовать – первенствующий, кадет – кадетство – кадетствовать – кадетствующий, эсер – эсерство – эсерствовать – эсерствующий), неполная, трехчленная (мессия – мессианство – мессианствующий; диссидент – диссидентство – диссидентствующий; глаголы не обнаружены) и минимально производная – двучленная: интеллигент – интеллигентствующий, меньшевик – (реально только) меньшевиствующий, марсианин – (окказионально) марсианствующий, монарх – (окказионально) монаршествующий, фашист – (несмотря на заголовочный инфинитив в толковых словарях, примеров его существования не обнаружено, а в словаре Ожегова, напомним, только причастно-прилагательная форма) фашиствующий. В первой цепочке действуют три производящих суффикса: субстантивный -ств(о), глагольный -ова(ть),

причастный -ующ($u\check{u}$); во второй ~ два: субстантивный -cms(o) и причастный -ующ($u\check{u}$); в третьей — один в виде сложного суффиксального образования -cmsующ($u\check{u}$). Эти цепочки совпадают по окончательному результату, но не одинаковы по серединному словообразовательному действию. Исторически вторая и третья цепочки возникли, конечно, на основе первой и отпочковались от нее.

Такое – чересступенчатое (даже через две ступени) образование причастных (по виду) словесных форм, функционирующих как прилагательные, говорит о структурно-иерархической развитости и стабильности нашей словообразовательной системы: она позволяет производному слову - в обход словопроизводной очередности появляться в речевом потоке раньше системно производящего, в данном случае - глагола (который вроде бы подразумевается, но в котором, оказывается, нет обязательной необходимости). И если причастия-прилагательные могут образовываться без привязки к глаголу (прямо от существительного, вопреки словообразовательной последовательности), можно, кажется, полагать, что в современном русском языке сформировался (формируется) самостоятельный аффикс -ствующ(ий), который позволяет производить этот чересступенчатый словообразовательный ход и функционирует преимущественно в окказиональной сфере. Этот суффикс с оттенком негативной оценки пока взят на вооружение публицистами. Его сформировала острая речевая потребность, не смущающаяся нарушением канонической словообразовательной исрархии. И он, этот новый сложный по составу суффикс, по мысли Г.О. Бинокура, скорее всего должен быть включен в инвентарь современной русской морфемики - постольку, поскольку он отвечает двум основным словообразовательным требованиям: выделяется формально-грамматически и осознается в речевой психологии говорящих.

Санкт-Петербург

"Свое" и "чужое" в русском экспрессивном фонде

Б Я_ШАРИФУЛЛИН, кандидат филологических наук

Трудно себе представить словарь какого-либо языка без заимствований из других языков или диалектов. И чем древнее заимствование, чем более оно освоено языком, тем с большим трудом удается его выявить, осознать как изначально "чужой" элемент не только простому носителю языка, но и специалисту. Особенно органично вплетаются в живую речь иноязычные слова, пришедшие не книжным путем, а народно-разговорным. Если народ как коллективный носитель и создатель языка допустил то или иное иноязычное слово в свой речевой обиход, значит, оно уже не является "чужим", а "при-сваивается", т.е. становится "своим". В этих ситуациях и формируется проблема соотношения "своего" и "чужого", особенно актуальная для лексики экспрессивного типа: "...русский, использующий слово фешенебельный (заимствовано из английского). Но английское ли это слово? Русское ли? Ответ более чем неясен..." (Пильх Г. Язык или языки? Предмет изучения лингвиста // Вопросы языкознания. 1994. № 2. С. 14).

Подобная ситуация возникает прежде всего потому, что в процессе освоения иноязычное слово преобразуется внешне и внутренне, приспосабливаясь к сложной системе фонетических, словообразовательных, грамматических и смысловых закономерностей заимствующего языка, а затем закрепляясь в нем. В процессе освоения слова в русском языке возникают две прогивоположные по направлению, но аналогичные по целям, тенденции. В одних случаях заимствованное слово подгоняется под идентичное "свое". Это иногда приводит к случаям "народной этимологии" либо "языковой игре", часто используемой при освоении иноязычных слов в определенных групповых жаргонах. Одновременно проявляется и стремление выделить, сохранить "отличное", "чужое", благодаря чему усиливается экспрессивность словоупотребления. Этим, например, можно объяснить включение иноязычных устойчивых формул приветствия, прощания и т.п. в речевой этикет молодежного жаргона (Хай! Чао! Гутентаг! и пр.), или особую нагрузку иноязычных вкраплений в рекламных текстах и в наименованиях коммерческих структур (ТОО "Гала Ltd" и под.). Особенно специфически обе тенденции проявляются тогда, когда заимствованное слово или иноязычная основа (база) начинает активно взаимодействовать с исконными словами и основами в рамках определенного экспрессивного гнезда.

Можно привести следующий пример: особую значимость в русском языке приобретает звук [ф], первоначально "чужой" для русской речи. Конечно, определенную роль здесь сыграли и исконно русские образования междометно-звукоподражательного происхождения (фыркать, фукать и пр.), однако во многих случаях наличие [ф] не связано с явлениями звукоподражаний и может быть истолковано как указание на экспрессивность данного слова: ср. филя, простофиля, мордофиля "зазнавшийся человек", сбулефелить "украсть", насарафаниться "наесться, напиться", маргафонить "лгать, обманывать" и др. Сходнос свойство обнаруживает и исконно русский, славянский звук [x], в силу чего часто имеет место своеобразное чередование x/ϕ : ср. халомить фаломить "болтать вздор" и пр. На базе заимствованного из латинского (через польский или немецкий языки) слова фурия возникает, возможно, русский глагол фуриться "злиться" (Фасмер М. Этимо-логический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. IV. С. 211) – и в этом случае он начинает осознаваться как "свой" в кругу русских образований (вероятно, подражательного характера) с начальным фур-: фурить "сильно дуть (о ветре); течь; мочиться", фурать, фуркать. фурнуть "швырять, бросать и т.н." (см. о них Фасмер М., Указ. соч.; ср. также глаголы на хур-, хвыр-, шур-, швыр-). Такому вторичному сближению в рамках общности формально-смысловых отношений содействовала как близость смыслов ("дуть" → "дуться" и "сердиться, неистовствовать"), так и определенная функциональная роль звука $|\phi|$. в частности, в начале слова. Неудивительна поэтому и трансформация заимствованных личных имен на Ф- (Филипп, Филимон, Фалалей и т.п.) и их уменыцительных форм (в том числе и при мене $|\phi| \to |x|$; Феврония -> Хавронья) в сторону увеличения их экспрессивности и перехода в нарицательные. При этом все же не следует однозначно трактовать слова типа *Филя*, фаля, фоня, халамон → охламон, ховря и т.п. как просто переносное употребление соответствующих форм личных имен греческого и т.п. происхождения. Этимологическое толкование подобных слов допускает множественность связей производящих экспрессивных баз.

Такой подход можно показать на примере русского филя (простофиля) "дурак, простак, растяпа и т.п.", обычно толкуемого, на основе личных имен типа Филипп, Филимон, Филирет и под. (см., например, Фасмер. Указ. соч.). Это слово далеко неоднозначно в этимологическом плане. В связи с имеющимися диалектными данными (ср. филистый

"несообразительный, глупый" (Словарь русских говоров Среднего Урала. Вып. 6. С. 143; мордофиля "о бестоковом человеке" – Элиасов Л.Е.
Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980. С. 209) и наличием определенного экспрессивного гнезда следует обратить внимание
на возможность иной этимологизации этого слова или, во всяком
случае, допущение взаимодействия иноязычной антропонимической
основы с весьма выразительным звуком [ϕ] и собственно русской
экспрессивной базы. Можно выявить словообразовательную параллель: ϕ иля $\rightarrow \phi$ илистый, харя $\rightarrow$ харистый "широколицый, темнолицый"
(Элиасов Л.Е. Указ. соч. С. 439).

Псковское хоня "ротозей" (ср. Фасмер. Указ. соч.: "возможно, связь с Хоня, уменьш. от Хавронья, Феврония") связано, видимо, не только с этими личными именами, но и с диалектными (перм.) шонить "мешкать, медлить", шоня "ротозей" (Фасмер. Указ. соч.: "неясно"), с элементом шани, шаня в выражениях шани-мани "еле-еле" (тобольское), шаня-маня "так сяк, ни то ни се" (нижегородское) (Фасмер. Указ. соч.: опять встречаем помету "неясно"). Обе части такого тина "эхообразований" существуют и как реальные слова, имеющие сходное значение "вялый, медлительный; пустой и т.п.". Ср. еще архангельское моня, монъжа "медлительный в работе, больной" (Фасмер. Указ. соч.: "возможно, от имени собственного Моня, уменьшительное от Митрофан"), мунить "медленно жевать или говорить", моня, моняга "неповоротливый человек" (Фасмер. Указ. соч.: мунега – "темное слово"). Ср. также мордо-фоня "о человеке, который зазнался" (Элиасов Л.Е. Указ. соч. С. 209), сходное по типу сложения с мордо-филя; а также фуня "тихоня" (Ср. Словарь русских говоров Среднего Урала. Выш. 6. С. 143). В такой ситуации вряд ли следует безоговорочно согласиться с М. Фасмером в вопросе о производности слова хоня (а также моня) от уменьшительных форм имен собственных. Скорее всего, мы имеем дело с экспрессивными лексическими гнездами, соотносительными между собой: шон-/шан-/шин- (ср. шинькаться "толкаться" – Элиасов Л.Е. Указ. соч. С. 463; ишньгать, шиныгать, шни "вздор" - Фасмер М. Указ. соч. Т. IV. С. 462); хон-/хан-/хин- (ср. хиньгать, хонькать и др.); мон-/ман-/мун- (где -н-, возможно, экспрессивное расширение - ср. мулить и пр.) - причем, экспрессивными "корнями" в словах данного типа булут, вероятно, элементы без финали -н-.

Стремление как-то распознать неизвестное и непонятное слово, а тем самым удержать его в своей памяти, приводит в действие, как уже отмечено, механизмы "народной этимологии" (реэтимологизации), языковой игры, часто использующие принцип фонетической мимикрии. В случае адаптации иноязычных слов к условиям русского экспрессивного фонда перед нами встает вопрос о распознавании "чужого" в

"своем": изменяя форму на первый взгляд неразложимого (семантически и структурно) заимствованного слова, русский язык "делает чужое своим", наряжая его в "свои одежки". Примеры в народных говорах, просторечии слишком многочисленны, чтобы перечислять их в подтверждение реальности такого процесса. Ср. хотя бы множество формальных "трансформов" исходного батог (патог) "палка" в русских говорах (Добродомов И.Г. Из булгарского вклада в славянских языках // Этимология. 1967. М., 1969. С. 252–270). В таких случаях — для диалектной, по крайней мере, речи перед нами не просто реализация механизмов фонетического освоения иноязычного слова. Трансформация заимствования обусловлена и «трудностью запоминания неосмысленной, немотивированной последовательности звуков "чужого" слова» (Блинова О.И. Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной этимологии // Вопросы изучения лексики русских народных говоров: Диалектная лексика. 1971. Л., 1972. С. 7).

Иные мотивы "переряживания" иноязычного слова в таких формах устной экспрессивной речи, как молодежный жаргон. Интересные примеры можно привести из современного "компьютерного сленга" ("Русская речь" уже писала об этом: 1997. № 3), воздействие на формирование словаря которого со стороны английского (точнее, американского) языка очевидно. Образования эти, несомненно, экспрессивные. налицо актуализация языковой игры, но прослеживается и стремление с меньшими усилиями усвоить "чужое" слово, сделав его "своим" по легко распознаваемой структуре. Ср.: выника "утилита просмотра" (от англ. Viewer); бедный "испорченный (bad) диск, сектор"; едритор "программаредактор" (англ. Editor; мимикрия к едрить, что понятно, если учитывать немало сложностей, возникающих при работе с текст-редактором у начинающих пользователей); задуматься "увлечься очень популярной и сложной компьютерной игрой (Doom)"; запутать "записать (Put) файл"; Клава "клавиатура" (использование традиционного способа подгонки иноязычного или "своего", но "темного" слова под звучание личных имен), ср. топтать Клаву "вводить данные с клавиатуры"; Не-Тварь "программное обеспечение Net Ware" (интересное переразложение английского термина с экспрессивным переосмыслением); пентых "фанат компьютеров типа Pentix" (на мимикрию к русскому экспрессиву повлияло, вероятно, и графическое тождество русской и английской букв x); сизость "размер файла" (англ. size); шелуха "программа -оболочка" (англ. shell; интересно смысловое совпадение оригинального термина и его "мимикрированного" сленгизма) и т.д.

Разграничение "своего" и "чужого", ископных и заимствованных слов и основ, настолько "сработавшихся" друг с другом в пространстве русского экспрессивного фонда, что часто трудно узнать "свое" в "чу-

жом", а "чужое" в "своем", требует особого рассмотрения. Известно, что иноязычная лексика, обозначающая конкретные реалии быта, природы и т.п., распределяющаяся по отчетливо выделяемым лексикосемантическим (лексико-тематическим) группам, этимологизируется достаточно просто (Киш Л. О некоторых принципах этимологизирования заимствованных слов // Этимология. 1967. М., 1969. С. 69–70).

Иное дело – лексика экспрессивного типа. Приспосабливаясь в фонетическом, словообразовательном и смысловом плане, заимствованные экспрессивы (часто и не являющиеся таковыми в языке-источнике) или их основы мало чем отличаются от исконных по фонетической структуре и типу экспрессивного значения. Поэтому решение вопроса о происхождении того или иного экспрессивного слова на уровне "поверхностной" этимологизации, когда во внимание берутся лишь внешние (в смысле внешнего сравнения) данные, причем для каждого случая изолированно, никогда не приведет нас к достоверному и реальному представлению о генетической природе не только конкретно данного образования, но и слов, соотносительных с ним по определенным микро- и макросистемам внутри экспрессивного пространства.

Лесосибирск

Язык прессы

Хорошо ли "служат" служебные слова?

Н.В. МУРАВЬЕВА.

кандидат филологических наук

Часто смысловая опибка в газетном тексте — это результат неточного использования журналистом служебных слов — союзов и частиц, — а также подобных им по значению вводных слов или наречий; их значение и состоит в том, чтобы указывать на те или иные отношения между смыслами отдельных предложений. Между тем мы не придаем большого значения этим "маленьким" словам, без долгих раздумий вставляем их между предложениями или выбрасываем из текста, заменяем одно служебное слово на другое. Однако эти маленькие проказники могут натворить больших бед в нашем материале. Прочитаем внимательно такой текст: "Домашний телефон Ларенс, собственноручно оставленный ею своим визави, оказался левым. Абонент, однако, пожаловался, что в последнее время по этому номеру спращивают какую-то Иру" (Комс. правда. 1996. 18 февр.).

Что означает вводное слово "однако"? На какие мысли оно наталкивает читателя? Значение этого вводного слова – противительное, с оттенком несоответствия: одна ситуация противопоставляется другой, потому что ей не соответствует. Отсюда единственная возможная логика: телефон оказался ложным, пеправильным, но все-таки для когото...? Мы вряд ли сможем довести это рассуждение до конца, потому что журналист предлагает новую линию рассуждений – о возможности найти след человека, который оставил "левый" телефон; второе предложение соотносится здесь с опущенной мыслью – "Все следы, казалось, были потеряны" (неудача была еще и в том, что во втором предложении изменяется "взгляд" на ситуацию: ее подает уже не журналист, а владелец телефона).

Рассмотрим еще один пример: "Президент компании успехи связывает с принципом видения перспективы, которая нередко предполагает отказ от заманчивой сиюминутной выгоды. О серьезных же перспективах "Медведя" говорит учреждение четырех дочерних предприятий в различных сферах бизнеса" (Комс. правда. 1996. 18 февр.).

Слово "же" в такой фразе читается прежде всего как союз, близкий по значению к союзу "а". Так возникает абсурдная мысль о том, что перспективный взгляд на вещи — это не серьезный подход к делу, но именно он обеспечил успехи компании. Может быть, автор использует это слово как частицу? Дело, однако, в том, что частица "же" выделяет то слово, после которого она стоит, соотносит его с предшествующим контекстом по принципу противопоставления или указывает на то, что слово, связанное с частицей, сообщает о чем-то новом, ранее не названном. Но ни тот, ни другой смысл здесь невозможен.

Подобных "запутывающих" читателя служебных слов довольно много в газетных текстах. Но какие из этих слов чаще вызывают "непонятности"? Ясно, что это будут союзы, и в первую очередь союзы сочинительные, потому что именно они имеют наиболее расплывчатое, текучее значение.

Отметим здесь прежде всего союз "и". Этот союз передает "чистую идею соединения", однако, в зависимости от смысла соединяемых частей, между ними могут возникать причинно-следственные, условноследственные, присоединительные и даже противительные отношения, что вовсе не входило в задачи автора. Обычно из-за этого так или иначе искажается передаваемая информация:

"Сначала локомотив трудился на железных дорогах Российской империи, а в 1918-м поступил на службу трудовому народу *и* быстро сломался" (Моск. новости. 1996. № 6). Слово "быстро" провоцирует мысль о неожиданном результате; следственные отношения союза "и": служба трудовому народу — поломка. Даже если журналист хотел сказать именно это, первая часть текста заставляет читателя сомневаться в этом.

"Фокус в том, что альбом однозначно ориентирован на массовый вкус и соответственно на коммерческий успех, но при этом он попрежнему малобюджетен. И никакой шикарной высококачественной поп-музыки, как скажем, у Брайана Ферри, не получается" (Сегодня. 1996. 14 марта). У союза "и" в этом контексте присоединительный смысл, из-за которого остается недоумение: если музыканты рассчитывали на массовый вкус. как одновременно можно надеяться на высокое качество музыки, а если можно – то как надо понимать "высокое качество"?

"Приехал, предположим, рядовой служащий на стареньких "Жигулях" к месту своей многолетней работы — u либо оставляй машину дома, либо плати" (Центр-PLUS, 1996. № 6). Если служащий уже приехал на машине, он, видимо, не может оставить ее дома.

"Это – прямой плод (? - H.M.) рыночной экономики. И не дефект переходного периода, а сама ее суть, на обуздание этой сути (? - H.M.)

на Западе тратятся огромные средства налогоплательщика. *И* справиться не могут!" (Сов. Россия. 1996. 18 янв.). В этом тексте один и тот же объект оценивается по-разному: *прямой плод*, *дефект переходного периода*, *суть*. Две оценки ("прямой плод" и "суть") с очевидностью принадлежат журналисту, из-за союза "и" они подаются как одинаково возможные, и позиция журналиста остается неясной.

Опасным может быть и союз "но". Его основное значение — противопоставление. Поэтому читателю должно быть понятно, что чему противопоставляет автор и на какой основе. При невнимательном использовании союза "но" как раз этого и не бывает: "Лужков считает, что небо необходимо осваивать в режиме МЧС, но нельзя ориентироваться только на зарубежную технику" (Моск. правда. 1996. 18 анр.); "Немцы охотно рисуют праздничные карнавалы, пикники, русские церковные шествия и свадебные кортежи. И те, и другие обожают рисовать цветы, но избегают печальных тем" (там же); "В залах — неяркое освещение, словно в обстановке ночи зритель погружается в атмосферу творчества, фантазии и красоты. Но на полотнах не призрачные очертания, а живые и насыщенные образы" (МК. 1996. 9 февр.).

В этих трех фрагментах одна и та же опибка: читателю остается непонятным, что чему надо противопоставить. Бывает и так, что противопоставление с союзом "но" оказывается безосновательным: "Парадоксально, но факт: производить и продавать свою сельхозпродукцию стало невыгодно, но прилавки завалены лежалым-перележалым западноевропейским гнильем..." (Сов. Россия. 1996. 22 февр.); "Гайдары, по-видимому, надеются на короткую память людей, на эмоциональный характер реакции большинства населения на пронагандистские штампы, применяемые в процессе политического манипулирования. Но экономический саботаж – не новое явление в истории" (Сов. Россия. 1996. 18 янв.).

Служебные слова создают ненужные смысловые связи не только "на поверхности". Есть такие связи, которые заметить особенно трудно. Рассмотрим два текста: "На участке работают не только рыбаки, они же и рыбоводы" (Шадринский рабочий. 1987. 5 апр.); "Собрание проходило в острой обстановке, это, может, и неплохо. Так и должно быть" (Звезда. 1987. 5 марта).

В первом фрагменте журналист говорит о том, что на участке, кроме рыбаков, работает кто-то еще, но затем он сам себе противоречит, потому что оказывается, что там больше никто не работает, просто рыбаки не только ловят, но и разводят рыбу. Во втором предложении непонятно, как журналист относится к острой обстановке на собрании: он сомневается в ее необходимости или нет.

Что же мешает точно понять эти тексты? Внимательное чтение их показывает, что "виноваты" здесь частицы "не только", "же", "и", а также вводное слово "может". Они дают нам особую информацию: эта информация "невидима", она не выражается в тексте словами, однако мы улавливаем се без труда. Если не думать об этом, подтекст становится "неуправляемым": независимо от воли автора он соединяется с информацией, выраженной словами. – появляются связи, которые трудно заметить, а на основе этих связей мы часто получаем смысловую ошибку.

Покажем еще несколько случаев "неуправляемого" подтекста в газетных материалах:

«Итоги выборов разом отозвались на проголосовавшем "розово" Ставрополье в приятном для него ключе. Открылись все инвестиционные шлюзы, которые были захлопнуты для громадного количества вовсю было раскрученных краевой администрацией проектов и целевых программ» (Российская газета. 1996. 11 июля). Здесь очевидное противоречие: если проекты были вовсю раскручены, о них нельзя сказать "раскрученных было".

"Но туман никак не проходил, и тогда Сведенборг понял, что он действительно умер. Ибо, по Сведенборгу, туман, который и на английском, и на шведском звучит как "мист", на том свете – вечен.

Как, добавим, мистика u на этом. Недаром они одного корня" (Сегодня. 1996. 17 июля). Неожиданно в тексте изменяется предмет речи: туман $\rightarrow$ мистика. Может быть, неудачным здесь был порядок слов?

"Конечно, может быть. эти меры не очень популярные" (МК. 1996. 19 дек.). Одно вводное слово в этой фразе противоречит другому: уверенность в своих словах (конечно) исключает сомнение в тех же словах (может быть).

Итак, текст, в котором нарушается связность, становится для читателя непонятным. Поэтому даже самым маленьким словам-"связкам" необходим тест на "понятность". Что это означает на практике? Скажем, отдельные предложения соединяются союзом (частицей, вводным словом). Тогда разделим целое рассуждение на две мысли, вспомним и опишем словами смысл связки и попытаемся на основе этого смысла снова соединить разделенные нами мысли в целое рассуждение. Если во фразе вы используете частицы "и", "даже", "же", также опишите словами, выведите на поверхность их смысл и решите, не мещает ли этот смысл вашему замыслу. Только так можно надеяться, что ваш текст будет отвечать одному из требований культуры речи ясности изложения.

"И БЕЗЗАКОННЫХ ВЛАСТИТЕЛЕЙ ОБЛИЧАЕТ!"

Парафраз жития Амвросия Медиоланского в макарьевских Великих Минеях Четиих

Е М. ВЕРЕЩАГИН, доктор филологических наук

Медиолан — это старое название города Милана. Отсюда атрибут св. Амвросия: он был епископом Медиолана и здесь скончался (397). Родился он ок. 339 года в Трире; его нетленные мощи покоятся в знаменитой миланской Basilica Ambrosiana.

Амвросий из Медиолана, намять которого широко отмечалась в истекающем юбилейном году, – это святой еще не разделенной христианской Церкви, поэтому его почитают и на Западе, и на Востоке. В православии он причисляется к святым отцам (Церкви), а в римо-католичестве даже входит, наряду с Иеронимом, Августином, Григорием Великим, в четверку учителей ("докторов") Церкви.

Действительно, св. Амвросий написал множество богословских сочинений, из которых наибольшей известностью пользуется трактат "Об обязанностях священнослужителей" (его дореволюционный перевод на русский язык [Казань, 1908] недавно был допечатан: Москва, Рига, 1995).

С именем Амвросия связывают целый ряд замечательных церковных песнопений: например, до сих пор исполняется и вызывает восхищение его гимн Те Deum (по-славянски "Тебе, Бога, хвалим") на музыку Димитрия Бортнянского. С переводами Амвросиевых гимнов на русский язык можно познакомиться в сборнике "Памятники средневековой латинской литературы IV–IX вв." (М., 1970). Амвросий был не только поэтом, но и композитором: мелодии для своих гимнов сочинял сам. Он ввел в богослужение так называемое антифонное пение (когда в церкви два хора поют попеременно) и оставил после себя особый "амврозианский напев".

Св. Амвросий был замечательным оратором-проповедником. Он много сделал для укрепления православия. Рассказывать о его жизни и трудах можно без конца; кто заинтересуется, пусть обратится к весьма информативной научно-популярной монографии на русском языке (Пареди А. Святой Амвросий Медиоланский и его время. Милан, Сериате, 1991).

Наша статья – небольшая, поэтому мы сможем рассмотреть всего один (но зато ключевой) эпизод из жизни великого святого. Он связан с фигурой "благочестивейшего" императора Феодосия I ("Великого"; 379–395) и демонстрирует Амвросиево учение о превосходстве церковной власти перед светской. Согласно этому учению, "князья Церкви" (то есть епископы, митрополиты, патриархи, папы) обязаны бесстрашно обличать преступления светских князей, не исключая и высшую светскую власть – императорскую. Эпизод, о котором говорим, оказал огромное воздействие на общественное сознание и повсеместно стал образцом для подражавия.

Источником является Житие Амвросия, написанное медиоланским пресвитером Навлином (в 422 г.) по-латыни и вскоре переведенное на греческий язык.

Когда Русь была крещена (в 988 г.), то почитание Амвросия Медиоланского распространилось и среди восточных славян. Перевод Жития Амвросия с греческого на славянский был выполнен еще до монгольского нашествия, и он сохранился. Его текст содержится, в частности, в декабрьском томе Великих Миней Четиих (сокращенно: ВМЧ) всероссийского митрополита Макария (1481/82–1563), и занимает в нем листы с 205а по 2076. Об этих минеях, созданных в середине XVI века, великом национальном достоянии русского народа, мы уже писали в "Русской речи" (1995. №№ 1–6).

Древний перевод Жития Амвросия выполнен весьма буквально, временами даже рабски, так что если не иметь перед глазами греческого оригинала, то славянский текст представляется темным. Должно быть, кто-то из книжников круга Макария был этим неприятно поражен, и он взял наиболее существенный фрагмент из Жития и выполнил парафраз. то есть пересказал непонятный текст "своими словами" – короче и проще. То, что получилось, действительно, читается легко.

Этот нарафраз содержится в ВМЧ на листах 203г–204г и озаглавлен: "В тои же день слово о Амбросии и о Феодосии цари".

Помещая далее часть указанного парафраза (по изданию Археографической комиссии [М., 1904]), мы в допустимых пределах (в текстологии это называется: дипломатически) приспосабливали текст к возможностям восприятия современного читателя (по принципам, которые проведены в жизнь в статьях 1995 г. и в научно-популярной книге автора "Христианская книжность Древней Руси" [М., 1996]).

Итак, обратимся к эпизоду обличения Амвроснем преступлений высшего светского властителя, обличения – страшно сказать – самого императора!

В начале 390 года в Солуни произоппли волнения, во время которых чернь липпила жизни нескольких императорских чиновников, в том числе командующего войсками в Иллирии тевтона Бутериха, с кото-

рым Феодосия, кажется, связывала личная дружба. В ответ император, отличавшийся раздражительным нравом и подверженный припадкам ярости, учинил в городе кровавую баню и, не разбирая правых и виноватых, погубил 7 000 христиан. Потом он, как ни в чем не бывало, продолжил свое путешествие из Константинополя в Рим и по дороге остановился в Милане.

"Ис Констянтина-града в(ы) шед в Римь, ц(а)рь шествовааше, в Селунь же вшед мимоидыи [по пути], вои [воины] же его возмутишя град (...).

Во-с-таша [восстали] селуняне и цареви досадища, хуляще и [его], етеры [некоторых] же от боляр его камениемь побища [убили].

Царь же раждежеся [распалился], слышав се, и ярости не оудержа вь себе, повеле епарха [начальника] града того посещи, яко [поскольку] таку власть приимь, не оустави [остановил] казнию на се во-с-тавших.

Такоже и на гражданы [на горожан], не по правде, и не на повинныя, оружие обнажи и и-с-ече [посек мечем] тысоущь з [семь]".

Здесь, облачившись в царские пурпурные (багряные) одежды, в торжественной процессии, он направился на богослужение в кафедральный собор. Службу готовился править епископ Амвросий, который уже пользовался в христианском мире непререкаемым авторитетом.

«Сию оубо бедоу злоую оуслышав, Амбросии епископь Медиоланьский, — сей бо град есть во Италии, — воньже [в который] вшедшю цареви и по обычаю в церковь хотящю внити, оусрете и [встретил его] пре-д-верми [перед дверями] Амбросии и возбрани [запретил] ему, с дерзостию вопия [возглашая]: "Не ведаше ли [разве ты не знаешь], о царю, яко велико сотвореное тобою есть оубийство? Ибо обаче не дасть царьская сила греха разумети, под багряницею — прелщаем, не ведая — телесную немощь покрываеши. Но разумей [пойми], яко тленен сый и мимотекый [здесь: недолговечен], тленна бо и мимотекущи есть твоя держава и сила, о немже [здесь: о чем] помале [вскоре] последь [под конец] слово воздаси [дашь ответ] Цареви царьствующим!"»

После этого Амвросий произносит страстное обличение, выразительная мощь которого и сегодня оставляет глубокий след в душе. Епископ использует при этом приемы античного красноречия, а именно: прибегает к риторическим (не требующим ответа) вопросам и к единоначатию периодов (кышма-которыма-како-како-како). Интересно, что древнерусский книжник, написав слово очима "глаза", пририсовал две точки, то есть прибег к пиктограмме (картинному письму). Элементы пиктограммы иногда встречаются в ВМЧ. Заметим, что существительные, называющие парные члены человеческого тела (глаза, ноги,

руки), стоят не во множественом числе, а в двойственном: "Кыима [какими] очима оузриши общаго Владыкы церковь? Которыма же ногама на помост сеи святыи воступиши? Како же и руце воздежеши [подымешь], каплющи еще кровиоу неправедного убийства? Како же таковыма рукама приимеши тело Вл(ады)чне? Како же иже в оуста внесеши честную кровь, толику кровь пролиав, яростнааго слова ради, безаконно? Обаче отиди и не тщися [пытайся] вторыми [здесь: еще одним преступленцем] первое возрастити [увеличить] бе-з-аконие, и приими связание [наказание], еже свыше Бог на тя посла".

Сейчас в церкви причащают специальной ложечкой (лжищей) и подают Тело и Кровь Христовы прямо в уста. Во времена Амвросия и Феодосия, однако, причастники отпивали из чаши, а претворенный хлеб получали прямо в руки. Поэтому руки должны были быть чистыми — и в прямом, и в переносном смысле.

Что же касается "связания", которое Амвросий возложил на царя, — то это была епитимия (церковное наказание), включавшая в себя (неслыханное дело!) временное отлучение от причастия. Царь перешел из разряда верных в разряд кающихся: у него теперь не было права входить в христианский храм! И епитимия, как потом выяснилось, была наложена надолго — на целых восемь месяцев!

Самое же удивительное: всемогущий император эту епитимию – принял!

"Се слышав, царь отиде в царьскых полаты, сущая тоу, слезя [проливая слезы] и стеня [издавая стоны]".

Хотя о недопущении императора в храм пишет уже Павлин-пресвитер, достоверность сообщения вызывает у историков серьезные сомнения, так как в 390 году Павлина еще не было в Милане, вероятнее, всего, он пользовался слухами. Руфин Аквилейский, написавший свою хронику всего спустя 10 лет после события, и бл. Августин в сочинении "О граде Божием" (415), хотя и отмечают, что император покаялся перед верными и сложил на известный срок знаки своего достоинства (как это обычно делалось во время официального траура), тем не менее не упоминают, что император не был допущен в церковь.

С другой стороны, Созомен и Феодорит Кирский в своих церковных хрониках (соответственно ок. 440 и ок. 450) уже излагают эпизод в Милане, когда Амвросий якобы не позволил императору войти в храм. В VI веке Кассиодор приказал перевести на латинский и слить воедино три византийские хроники: Сократа, Созомена и Феодорита; эта трехсоставная книга (historia tripartita) стала самым распространенным учебником истории в Средние века; в ней также приводится рассказ о том, что Феодосий получил от ворот поворот.

Как бы ни относиться к его историчности, эпизод епитимии, наложенной на императора и принятой им, на века стал важным фактором общественного сознания: небезопасное, но успешное противостояние церковного иерарха высшему светскому лицу произвело большое впечатление на современников и на последующие поколения. Мужественные обличения Амвросия, как мы уже упоминали, стали семантикоповеденческой парадигмой (образцом), причем не только на Западе, но и на православном Востоке, в том числе на Руси.

Как же, однако, развивались события дальше?

«Минувшем [$\kappa o r \partial a \ npounu$] же месяцемь осми, царю не изшедшю из града того, но зело кающюся, наста праздник Господне рожество.

И видев Роуфин магистр, яко по обычаю ни проелепси, рекше превосхожение, сотворити хошеть ц(а)рь, глагола к немоу: "Дотекоу [здесь: *схожу*], владыко, к архиереови и помолюся емоу [*nonpouty ero*], да тя раздрешит от оуз сих, аще [*если*] повелиши".

Он же рече: "Аз веде [знаю] Амбросия истовое [здесь: натуру], яко не послоушаеть тебе".

Многыми же словесы замыслив, Руфимь рече [*сказал*]: "Оумолвлю [*уговорю*] аз Амьбросиа". И повеле емоу царь ити к нему.

Оупованием же надеася, мало помедлив, последова ему [пошел вслед за ним]».

Приведенный текст интересен тем, что анонимный парафразист чуть-чуть приоткрывает себя. В оригинале Жития нет упоминания о торжественной процессии, в которой император обычно входил в церковь, так что переработчик вносит греческое заимствованное слово от себя (вероятно, у него в собственной рукописи было: проелевси, потому что буквы в и п по-славянски в названии подобной процессии писались очень похоже, поэтому переписчик мог их спутать). Переработчик, таким образом, обнаружил свое знание как греческого языка, так и церемоний византийского двора.

В этом разделе интересны также признаки восточнославянского, русского происхождения текста: так, вместо славянизмов рождество и превосхождение встречаем русизмы рожество и превосхожение; русизмом же является смягчение глагола в 3-м лице единственного числа: послоушаеть (вместо нормативного послоушаеть).

Наконец, полюбуйтесь глаголом *умолвить* "уговорить". Насколько он выразителен!

...Между тем царь подошел ко храму, но натуру Амвросия он распознал правильно: выбранив "первого министра" Руфина (его сан назывался: magister officiorum), епископ и через 8 месяцев отказался сиять еинтимию и допустить Феодосия в церковь.

И только после того, как император выпустил указ, согласно

которому впредь исполнение смертных приговоров откладывалось на 30 дней, – срок достаточный, чтобы иссякла слепая ярость и возобладал разум, – св. Амвросий сменил гнев на милость. Кстати, соответствующий эдикт, подписанный в Вероне 18 августа 390 года – историческая реальность. Так или иначе, но на Рождество 390 года император Феодосий не остался ни без праздника, ни без причастия. Примирение царя с архиереем – и с Богом – состоялось!

"Се же бывшю [когда это совершилось], раздреши его [то есть: царя] от оуз Амбросии и внити емоу в церковь повеле. Вшедшю же емоу, не стоя молящеся Богоу, ни коленоу преклонив, но ниць лежа на земли, с кричаниемь вопиаше: "Прилпе земли доуша моя, оживи мя по словеси твоему, Господи".

И рукама терзая власы главныа [волосы на голове] и браду, и челомь бия о землю, яко видящимь по велику ползовати и плакатися с ним.

И, не престаяше, тако моляся к Богоу, даже и до часа комканнаго [до времени причастия]".

Вот какая картина предстала взорам потрясенных подданных! Феодосий применил к себе слова псалмопевца, которые в современной версии Псалтыри звучат так: "Яко смирися в персть душа наша, прильпе земли оутроба наша. Воскресни, Господи, помози нам и избави нас имене ради Твоего" (43, 26–27). Царь воспринял эти слова буквально: посмотрите, как настойчиво повторяется слово земля (Феодосий ничком лежал на земле и головой стучал о землю). И так пролежал он всю обедню, вплоть до момента, когда вынесли Чашу и началось причастие, а оно бывает в самом конце литургии.

Естественно, автору Жития пришлись весьма по нраву и непреклонность архиерея и готовность царя к раскаянию: "Толицеми ти и тацеми облистаяся [сияли] добродетельми архиереи же и царь. Богоу же нашему слава пыне и присно и во векы веков, амин".

Таким образом, хотя Феодосий и виновен в многократном убийстве, всё же в церковном сознании он остался как благочестивый, правоверный царь. В церковной службе, посвященной Амвросию, есть песнопение, прославляющее этого императора! Мы его приводим по древнейшей (ХП в.) славяно-русской Служебной минее за декабрь.

"Правоверьнаго цесаря, согрешившя древле, яко Давыда Нафан с дерзновениемь обличи, Амбросие преблажене, того яве в отлоучение вложи [в] и покаяньемь наказав, боголеньно причета [причислил] стадоу [здесь: пастве] своемоу".

Пророк Нафан, упоминаемый в стихире, дерзновенно пришел к царю Давиду и обличил его за Вирсавию, незаконно взятую в жены, и за

убийство ее мужа Урии Хеттеянина (Вторая книга Царств. 11, 12). Всемогущий царь Давид, подобно Феодосию, принес покаяние.

Противостояния Нафана Давиду и Амвросия Феодосию закончились благополучно. Однако, в аналогичном столкновении константинопольского патриарха Иоанна Златоуста с царицей Евдоксией исход был совсем другой: Иоанн выступил на защиту вдовицы, которую ограбила Евдоксия, но в ответ был дважды осужден на соборах и отправлен в изгнание, гле и скончался.

Киевский князь Святослав согнал с великокняжеского стола своего старшего брата Изяслава – основатель русского монашества Феодосий Печерский смело обличал властителя. Бесчинства царя Ивана ("Грозного") и его "опришников" осуждал митрополит Филипп. В обоих случаях ни великий князь, ни царь не проявили готовности к покаянию. Феодосий подвергался немалой опасности, а Филипп поплатился жизнью.

Если иметь в виду аналогичные ситуации в последующие времена, то можно вспомнить, с одной стороны, о патриархе Никоне и, с другой, о протопопе Аввакуме (оба, хотя и с противоположных позиций, бескомпромиссно противостояли царю Алексею Михайловичу). Нельзя не вспомнить также о патриархе Адриане, обличавшем Петра I, и, сделав скачок во времени, о св. патриархе Тихоне, предавшем анафеме большевиков.

В макарьевской Минее Четии Житие Амвросия Медиоланского, завершается виршами, имеющими трогательную глагольную рифму. В этих стихах, сочиненных русским книжником середины XVI века, подытожено народное отношение к святителю, 1600-летие со дня кончины которого стало одной из вех уходящего 1997-го года: "(Амвросий) неплодствиа разрешает, и многоплодны сотворяет, и лоукавыя духы отгоняет, и страсти и недугы исцеляет, и печали и скорби разрешает, и от бед избавляет... (Добавим к этому:) ...и бе-з-аконныя властители обличает!".

"Имя человека не есть пустой звук..."

И А КОРОЛЕВА, кандидат филологических наук

Нелегко выбрать имя ребенку – сколько бывает раздумий, споров, даже ссор. Правда, в какой-то мере у нас сохраняется старая славянская традиция называть новорождённых в честь бабушек и дедушек. Существует поверье, что через поколение передаются черты характера, способности, привычки, увлечения... Предполагают, что немалая роль в этой передаче принадлежит имени: соединяя через поколение одинаковые имена, мы тем самым сохраняем и подтверждаем родство душ.

В последние годы возвращается также старая традиция православной церкви называть младенцев в соответствии со святцами – православным календарем. Справляют крестины, именины, верят, что имя, данное Богом, будет счастливым и определит такую же счастливую судьбу ребенка. Но, на наш взгляд, выбирать имя следует обдуманно. Ведь в святцах встречаются необычные для нас имена, например, Анемподист (15 ноября нов. ст.), Острихий (20 ноября нов. ст.) или Стратон (30 августа нов. ст.). Первое – в переводе с греческого "беспрепятственный", второе – "твердое дерево", а третье – "воинствующий". Как видим, все имена с торжественной, мужественной семантикой, но... такие пепривычные и трудные в произношении!

Имя – это целый мир лингвистической, исторической, культурологической информации, которой необходимо овладеть, чтобы сделать правильный выбор. Помочь в этом может антропонимика – наука о личных именах, отчествах, фамилиях и прозвищах людей, которая в последние годы достигла больших успехов. Ученые пытаются найти объективные критерии качества имени.

Ведь имя должно нести на себе своеобразный "отпечаток" национальности именуемого; должно быть благозвучным; сочетаться с отчеством (если оно обязательно в формуле именования индивидуума); иметь возможность для образования уменыпительных форм; не должно иметь слишком отчетливой ассоциации с именем нарицательным, на базе которого оно возникло; не должно иметь прямой связи с историческими или литературными персонажами. С помощью личного имени родители стараются выделить своего ребенка, подчеркнуть его (а часто и свою) индивидуальность, реализовать свои понятия о красоте и эстетичности формы (правда, иногда довольно субъективные).

Само по себе, взятое вне времени и среды, любое имя безлико. Опо значимо только в определенную эпоху и в обществе. Так, например, А.С. Пушкин писал о "сладкозвучнейших" греческих именах — Агафон, Филат, Федора, Фёкла, что "они употребляются у пас только между простолюдинами". Между тем Агафон — "добродетельный", Филат — "хранимый", Федора — "божье дарование", Фекла — "слава божья". В настоящее время эти имена вообще вышли из состава русского именника, впрочем, как и многие другие.

Помимо указания на какое-то конкретное лицо, имя в антропонимической системе языка имеет и более частные значения: указывает на пол (мужской и женский), пациональность, религиозную принадлежность, социальное положение именуемого и т.д. И, конечно же, существует своеобразная мода па имена, с течением времени меняется употребительность, частотность тех или иных имен. Так, например, во всем мире ассоциирующееся с образом русского человека имя Иван

далеко не всегда было активно на Руси. В старой русской деревне каждый изтый был Иваном (Никонов В.А. Имя и общество. М., 1974). После 1917 года частотность имени резко снизилась. Так. в Пензе оно оказалось сразу же на 16 месте (Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М., 1983). Лишь в последнее пятилетие наблюдается возрождение имени, которое было одним из самых частых у русских (в святцах для Иванов более 70 памятных дней в году). По происхождению оно древнееврейское, с символическим значением "благодать Господня", широко распространилось по всему миру в самых разнообразных вариантах: английское Джон, немецкое Иоганн, французское Жан, финское Юханн, польское Ян, грузинское Ивано и т.д.

Чтобы определить "именник" наших дней в масштабах всей России, необходимо детально изучить формирование именника в отдельных регионах. Многие территории уже полностью обследованы (Москва, Санкт-Петербург, Пенза и другие крупные города). Довольно долго оставался в стороне от проблемы антропонимики Смоленский край, тесно связанный с Белоруссией, Украиной и Польшей, имеющий сложные исторические судьбы и богатые, колоритные говоры. Полученные в последние годы лингвистические данные позволяют, наконец, проанализировать именник центра исконно русской земли – города Смоленска, впервые упомянутого в летописях еще под 863 годом.

Родившиеся в Смоленске в 1995 году мальчики получили 53 имени, среди которых высокочастотных всего 12. Границы именника заметно сужаются (для сравнения скажем, что в 60-е годы в состав именника входило 84 имени): Сергей, Александр, Алексей, Дмитрий, Андрей, Юрий, Владимир, Кирилл, Евгений, Игорь. Все имена старые, хорошо известные на Руси, но интересна их динамика. Так, имя Сергей до революции было восьмым, в 20–30-е годы перешло в разряд редких, в 40–60-е неожиданно выходит на 3-е место, а в 90-х годах становится лидером. Имя Алексей до 40-х годов XX вска было десятым, потом перешло на 13 место, в 70–80-е стало уже пятым, а в последние годы вошло в "тройку призеров". Зато имя Николай, занимавшее второе после Ивана место в дореволюционном Смоленске, постепенно теряло свою частотность: в 20–30-е годы оно с щестого перешло на одиннадцатое и, накопец, стало редким. Имя Петр до революции в именнике Смоленска было на 4 месте, но уже в 30-е годы стало редким и остается таким до настоящего времени.

Имя Анатолий до революции (в частности, в 1907 г.) в именнике Смоленска вообще отсутствовало. В 20-30-е годы в связи с определенной модой на новые, необычные имена Анатолий выходит сразу на второе место. В 30-40-е оно занимает шестую позицию, а сейчас стало редким. Или Дмитрий, которое до 1917 года было на 13 месте

³ Русская речь 6/1997

(1907 г.), а в последние 2–3 года уже не выходит из числа первой пятерки самых употребительных имен. Социально-исторически меняется судьба имен, однако ни их значения, ни их место в святцах не меняются!

В смоленском именнике 80–90-х годов заметно возросло число старых славянских имен с корнем Слав: Вячеслав, Владислав, Станислав, Бронислав, Мирослав (последние два имеют более низкую частотность). Появилось имя Казимир, бывшее довольно активным в Смоленском крае в XVII–XVIII веках, в тот период, когда его земли входили сначала в состав Литовского, а потом Польско-Литовского государств. Сейчас эти имена после долгого забвения начинают возрождаться.

В последние несколько лет заметно активизировалась употребительность некоторых старых христианских имен, ушедних в пассив после 1917 года: Антон, Даниил, Денис, Илья, Кирилл, Максим, Никита. Именования подобного рода не единичны (имя Кирилл, в частности, входит в первую десятку). И это отрадно, так как все же пока имена первой пятерки охватывают приблизительно 45% именуемых новорождённых т.е. почти каждый второй появившийся в 1995 году житель Смоленска Сережа, Саша, Леша, Дима или Андрюша. Не хватает даже широкоупотребительных уменьшительных форм, чтобы отличить, например, детишек одной группы детского сада, если в ней, к слову сказать, восемь Саш. Поэтому пусть растут маленькие Казики и Стасики, Антошки и Никитки!

Довольно интересна структура женского именника этого же периода. Вот первая десятка имен-лидеров (перечисление дано по степени убывания частотности): Елена, Ольга, Анна, Наталья, Юлия, Марина, Ирина, Анастасия, Мария, Екатерина. Елена — бесспорный лидер. Имя Ольга резко повысило свою употребительность с 70-х годов XX века (так, в 1907 г. оно было лишь восьмым, а в 1937 — пятнадцатым). Имя Юлия до 70-х годов вообще было редким, потом вошло в десятку и, наконец, в пятерку самых высокочастотных имен. Небычна судьба красивого и благозвучного имени Анна. До 1917 года оно возглавляло женский именник города, было лидером. В 20–30-с годы Анна уже на 10-й позиции, в 40–60-е — на 16-й. И вот начинается новый виток популярности этого имени. В 70–80-е годы оно девятое, а в последнее время — третье. Овеянное высокой духовностью (от древнееврейского "благодать"), имя как бы возрождается. Возможно, этому способствуют многочисленные его производные: Аня, Аиночка, Аннушка, Анюта, Нюра, Нюрочка и др. Некоторое возрождение переживает и имя Мария (от древнееврейского "упрямство", "превосходство" или "горь-

кая"). Как и *Иван*, имя *Мария* (в форме *Марья*) было когда-то символом русской женщины: *Иван да Марья* — мужчина и женщина на Руси. В 1907 году имя занимает вторую позицию в смоленском именнике, но приобретает уже некоторую социальную окраску: оно дается девочкам из простых семей. Кстати, наши данные подтверждают подобные наблюдения В.А. Никонова (Имя и общество). После революции имя *Мария* начинает терять свою популярность и в 40–70-е годы становится редким. Но постепенно начинается как бы "вторая жизнь" имени, и сегодня в Смоленске *Мария* входит в первую десятку лидеров.

А есть имена, как бы завершившие определенный виток своего развития. Например, *Галина*, до 1917 года редкое в Смоленске. В 20–30-е годы выходит сразу на позиции лидера (сначала третье, а потом и первое место); эти позиции удерживаются довольно долго (так, в 40–60 гг. имя *Галина* на 2–4 местах). Постепенно популярность теряется, и сегодня это имя уже редкое в городе. Или имя *Александра*. До революции оно в тройке лидеров (по всей России), а после – перешло в разряд редких и остается в нем по сей день.

В женском именнике Смоленска можно отметить очень высокую частотность первых пяти имен, данных при рождении в 1995 году 47% девочек. Однако в сравнении с 70-ми годами женский именник становится более разнообразным: появляются красивые старые имена – Дарья, Ксения, Софья, Ярослава и др. Возможно, тенденция разнообразить именник сохранится, и наши дети действительно будут иметь "личное" имя.

Личное имя — это слово, и, как все слова, подчиняется законам языка, независимо от того, понимают говорящие эти законы или нет. Но, конечно, далеко не безразлично, пользуемся ли мы языком сознательно или вслепую. М.Я. Морошкин, автор "Славянского именослова", писал: "Имя человека не есть пустой звук, не имеющий никакого значения, но в нем есть смысл. в нем выражается известная мысль, им обозначается известное свойство и качество" (Славянский именослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб., 1867). Так пусть каждый из нас сумеет правильно выбрать имя своему ребенку, чтобы оно по-настоящему было личным, "его" именем.

Смоленск

Топонимика

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ*

Г.П. СМОЛИЦКАЯ, доктор филологических наук

Обнинск (1956). Город в Калужской области. Первоначально – это название платформы Московско-Киевской железной дороги – Обнинское. В основе названия фамилия Обнинский (из Обнисский) – дворянский род из Галиции. В начале XIX века один из членов этого рода поступил на службу в русскую армию и получил во владение село Белкино с угодьями, на месте которого впоследствии вырос город Обнинск (Безъязычный В.И. К истории названия города Обнипск // Топонимика. М., 1961). В настоящее время восстановлено название железнодорожной платформы – Обнинское.

обнинцы, обнинец обнинский. -ая. -ое

Обоянь (1639). Город в Курской области. Название дано по реке Обоянь (совр. Обоянка), на которой еще до XIII века было Боянское городище (Боян). Происхождение и значение гидронима не выяснено. Возможно, в основе его корень, общий с глаголом объянь "обнять", т.е. "обогнуть, охватить что-л.", в отношении реки — "обогнуть возвышенность, образуя круглую луку". Соотнесение с древнерусским боян "поэт, исполнитель песен", или с тюркским баян "богатый" неубедительны. По другой версии, город назван по речке Обоянке, которая в свою очередь получила имя от находящегося здесь городища Боян. Известны и другие предположения (Ященко А.И. Топонимика Курской области. Курск, 1958; Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М., 1974; Прохоров. Вся Воронежская земля).

Продолжение. Начало см.: Русская речь. 1994. №№ 4-6; 1995. №№ 1-6; 1996. №№ 1-6; 1997. №№ 1-5.

обоянцы, обоянец, устар. обояне, обоянин обоянский, -ая. -ое

Од Веле. Мокшанский поселок в Мордовии. По сведениям И.К. Инжеватова (Топонимический словарь Мордовской АССР), поселок возник в начале 30-х годов нашего столетия. Его основали переселенцы из села Вадово-Селищи. Название соотносится с мордовским од веле "новая деревня".

одвелейцы, одвелеец и одвеленец

одвелейский, -ая, -ое и одвеленский, -ая, -ое

Одинцово (1957). Город в Московской области. В основе названия первая часть фамилии боярина — Одинец-Домотканов, который был владельцем этого селения в XVII веке. Фамилия расшифровывается как одинец "одинокий человек, бобыль" или "единственный сын в семье", "человек с одной серьгой", домоткан "тот, кто ткал на дому, а не в государевом дворе (в Кадашевском или Хамовническом), ткач". Фамилия (прозвище) Одинец, Одинцов была известна в России уже в XV веке: Акинф Семенович Одинец Пятого, к. XV в. и др. (Веселовский. Ономастикон).

одинцовцы, одинцовец

одинцовский, -ая, -ое

Одоев (1959). Рабочий поселок в Тульской области. Происхождение названия не известно. Вероятно, в его основе прозвище Одой или фамилия Одоев. От этого топонима ведет свое начало известная русская фамилия — Одоевский. Житель Одоева назывался одоевцем, что впоследствии стало фамилией — Одоевцев, известной уже в XV веке: Одоевцев Федор Матюшкин; Новгород (Веселовский. Указ. соч.)

одосвцы, одоевец, одоевка

одоевский, -ая, -ое

Молодеч, а молодеч! Продай на грош постных яич (т.е. огурцов). Так дразнят одоевцев за их чокающее произношение, выделяющееся в данной местности.

Ожерелье (1958). Город в Московской области. Есть предположение о том, что это название антропонимического происхождения – по фамилии Ожерельев, но тогда топоним имел бы форму Ожерельев или Ожерельево (село, деревня). Не исключено, что в основе названия лежит древнее русское слово ожерелье от жерло (горло) – географический термин "суженное русло реки при впадении ее в другую реку". Это значит, Ожерелье – поселение, возникшее у жерла, у горловины реки, при впадении ее в другую.

ожерельевцы, ожерельевец

ожерельевский. -ая, -ое

Озерки. Название нескольких сел в Ленинградской, Липецкой областях и в Мордовии. Все они объясняются как селения, возникшие около небольших озер-озерков.

В селе Озерки, находящемся между городами Ельцом и Ефремовым (современная Липецкая область), прошли детские и ранние юношеские годы И.А. Бунина.

озерковцы, озерковец

озерковский, -ая, -ое

Озёрный. Два русских поселка в Мордовии. Один из них, находящийся в Зубово-Полянском районе, возник около группы лесных озер. Другой основан на берегу озера.

озёрнинцы, озёрнинец

озёрнинский, -ая, -ое

Озёры (1925). Город в Московской области. Название дано по характерному признаку местности – обилию озер, находящихся в пойме Оки в непосредственной близости от ее русла. Необходимо отметить, что это очень редкая древняя форма (именительный падеж множ. числа на -ы), сохранившаяся от древнерусского языка XI–XIV веков.

озёрцы, озерец и озерчане, озерчанин, озерчанка озёрский, -ая, -ое

Ока. Левый приток реки Волги. Бассейн Оки охватывает почти все центральные области России. По мнению некоторых исследователей, не Ока является притоком Волги, а наоборот: у Нижнего Новгорода Ока принимает Волгу и затем сама впадает в Каму, у Казани. Другие названия: диалектное Вока; Берега (Ключевский В.О. Курс русской истории).

Существует множество гипотез, что само по себе свидетельствует о сложности и спорности этимологизации этого гидронима. Многочисленные версии можно сгруппировать таким образом: угро-финская, балтийская, балто-славянская, славянская, германская, иранская. Все они довольно подробно представлены в Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера (Т. III) и Кратком этимологическом словаре В.А. Никонова. Для Фасмера предпочтительным является соотнесение гидронима Ока с готским aha "река", древне-верхне-немецким aha и средне-верхне-немецким аhe "вода, река", подтверждаемое наличием гидронима Аа (река в Вестфалии). Сюда же он причисляет и латинское aqua "вода". Близка к нему и версия Р. Шмитлейна (Revue Internationale d'Onomastique), предполагавшего в гидрониме Ока славяно-балто-германское происхождение. Балтийское происхождение гидронима активно поддерживает академик О.Н. Трубачев. Сторонники балтийского происхождения Оки соотносят это название с литовским aka "источник" или akis "глаз". Новый фактический материал к балтийской версии приводит В.Н. Топоров, не сопровождая его никаким комментарием:

прусское Akicz, литовское Akis, Akys, Akua, латышское Ace. Aca. Acupe и др. (Топоров. "Baltica" Подмосковья). Позже еще раз эту версию подтвердил О.Н. Трубачев (В поисках единства. М., 1992).

Наименее убедительной выглядит славянская (русская) версия. Ее представители соотносят гидроним с русским (славянским) око "глаз" и с сомнительным русским диалектным (рязанским) ока "вода", а также око "глубокое место в реке".

Разработанной и убедительной надо считать версию, по которой в основе названия *Ока* лежит неизвестный угро-финский или сибирский апеллятив. Против этой версии резко выступал М. Фасмер, в частности, против соотнесения его с финским *joki* "река" (Фасмер. Указанное соч. Т. III). Он считал, что в этом случае название реки звучало бы как *Юг*. Он прав в том, что в бассейне Оки (среднее и нижнее течение) много притоков на *юг-/юга* и есть даже река *Юг* – правый приток Оки в междуречье Оки – Клязьмы. О.Н. Трубачев отрицает возможность видеть в гидрониме *Ока* еще не обнаруженное сибирское нарицательное слово, т.к. реальнее балтийская версия. В.А. Никонов (Указ. соч.) считал угро-финскую версию наиболее убедительной (веской) и сводил название к финскому *jokki* "река", с оговоркой, что в финском языке эта основа могла звучать иначе, нежели в Поочье. При этом надо иметь в виду, что бассейн Оки расположен в зоне былого расселения финноязычного населения.

Наличие огромного количества версий западного и восточного, северного и южного характеров гидронима создает впечатление, что некоторые из них носят чисто кабинетный характер и не учитывают исторического и географического аспекта. Нельзя не учитывать того факта, что западнее Оки нет водных объектов с таким названием, а все они сосредоточены севернее и северо-восточнее: река Ока в бассейне реки Угры; Ока – левый приток Ангары, стекающая с Саянского хребта; Ока – правый приток реки Кунья в бассейне Ловати (Псковская обл.) и др. Ока в бассейне реки Уфы, протекающая по Пермской области и Башкирии, может быть интерпретирована двояко: из финского jokki "река" и из тюркского ок "мелкая водосборная канава" или "стрела", "ось" (Мурзаев. Словарь народных географических терминов). Псковская Ока и Оковский лес в бывшей Тверской губернии могут соотноситься с прибалтийско-финским jokki "река", а не только с балтийским aka "источник", akis "глаз", т.к. в этом регионе фиксируется большое количество гидронимов прибалтийско-финского происхождения (Попов. Следы времен минувших). Ангарская Ока, по мнению исследователей, может быть соотнесена с бурятским аха "старший", т.е. самая большая река, стекающая с Восточных Саян в

Ангару. Коренные жители бассейна Оки называют ее $O\kappa$ -хем, т.е. "стрела-река", быстрая как стрела. У бурят $O\kappa$ -хем приняло форму Axa в результате неблагозвучности названия $O\kappa$ -хем было переосмыслено как "самая старшая, большая река" (Мельхеев И.Н. Географические названия Восточной Сибири. Иркутск, 1969).

Не исключено все же, что в основе гидронима Ока неизвестный сибирский апеллятив, не исключающий угро-финскую или другую принадлежность. В.А. Никонов излагал и некоторые другие версии (Никонов. Указ. соч.).

окари, окарь

окский, -ая, -ое

Окуловка (1965). Город в Новгородской области. Название, вероятно, антропонимического происхождения — по фамилии (первоначально — прозвищу) Окулов из Окула — первопоселенца или одного из владельцев. Фамилия (прозвище) Окул, Окулов была широко распространена у русских в XV веке. В основе ее С.Б. Веселовский видел апеллятив окул "плут, хвастун, обманщик". Степан Окулов XV в. Радонеж (Веселовский. Указ. соч.).

окуловцы, окуловец

окуловский, -ая, -ое

Олевка. Русское село в Мордовии. В основе названия имя владелицы села Ольги Куракиной. По сведениям И.К. Инжеватова (Указ. соч.), княжескому роду Куракиных, кроме этого села принадлежало еще несколько в тех же местах, в частности, деревня Олевка. Как свидетельствуют источники, в селе Олевка в октябре 1833 года останавливался А.С. Пушкин по пути из Оренбурга.

о́левны, о́левен и олевчане, олевчанин

о́левский, -ая, -ое

Ольховка. Русский поселок в Мордовии. До недавнего прошлого (1987 г.) назывался поселок *Пенькозавод* (по расположенному здесь производству). В основе современного названия слово *ольха* "дерево семейства березовых", которое свидетельствует о наличии в данном месте ольховых лесов. По сведениям И.К. Инжеватова, в Мордовии несколько населенных пунктов, названия которых говорят о наличии лесов-ольшаников: *Елхи, Елховка, Елишанка*.

ольховцы, ольховец

ольховский, -ая, -ое

Ольшаник. Поселок в Ленинградской области. Название дано в связи с тем, что он находится поблизости от зарослей ольхи.

ольшанцы, ольшанец

ольшанский, -ая. -ое

Опочка (1412)*. Город в Псковской области. В основе названия апеллятив *опочка* (из *опока*) – название известняков, мягких осадочных горных пород, богатых кремнеземом. Как правило, они обнажаются на дне и на берегах рек, именно поэтому реки такого характера получают название *Опока*, *Опочка*. *Опоченка*. Они известны на большой территории – в бассейне Волги, Оки, Дона и др. рек. Населенные пункты на этих реках тоже могли получать аналогичные названия. Вероятно, в данном случае Опочкой называлась вся местность с выходом на поверхность этой горной породы. Подтверждение этому можно видеть в записи в Псковской I летописи под 1414 годом: "Псковичи поставища город на Опочке над Великою рекою". Первоначально это было село Опочка, ставшее в 1777 году городом. Более ранние формы топонима, зафиксированные во Псковской I летописи: село *Опока*, *Вопока* (под 1327–1328 г. записи), *Опочня* (под 1341).

опочане, опочанин, опочанка и опоченцы, опоченец опочецкий, -aa, -oe и опочковский, -aa, -oe, устар. опоцкий, -aa, -oe

Оптина Пустынь (Свято-Введенская Оптина Пустынь). Известный монастырь в Калужской области, упоминается в источниках XIV века.

Происхождение названия окончательно не выявлено. Судя по форме (Оптина), в основе его имя или фамилия (прозвище) Опта, хотя имя это не зафиксировано ни в одном из источников. Легенда связывает его с разбойником Онтой, который основал обитель после того, как раскаялся в своих злодеяниях. Повторяемость названия Оптина (ср. Оптин-Троицкий м-рь в бывшей Орловской губ.) дает основание искать в нем апеллятив. Возможно, это слово опт из церковно-славянского объдо "сокровище" (Фасмер. Указ. соч. Т. І, ІІІ), переосмысленное в употреблении по отношению к монастырю как сокровищу (сокровищнице) духа. Вторая половина топонима Пустынь — это апеллятив пустынь "пебольшой монастырь (обитель)", "тихое отдаленное место". Пустынями в XV—XVII веках на Руси назывались небольшие монастыри, уединенные скиты. Названия аналогичного образования довольно часто встречались в русской топонимии, а некоторые сохранились до настоящего времени: Зосимова Пустынь, Тихонова Пустынь и др.

– Место, тесно связанное с русской культурой. Здесь неоднократно бывали и работали Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, кстати, описавший Оптину Пустынь в своем романе "Братья Карамазовы". Сюда приезжали Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев и многие другие деятели русской культуры.

оптинопустынский, -ая, -ое

Топонимика

К 850-летию Москвы

М.В. ГОРБАНЕВСКИЙ, доктор филологических наук

Нет в огромной стране нашей уголка, где не было бы храма с почитаемыми, а во многих городах – и чудотворными иконами Матери Божией, источающими чудеса милосердия. К ее благодатному лику, к священным изображениям Пречистой девы Марии стремятся во многих странах мира страждущие христиане. Но именно в России и богоспасаемом граде Москве воздается особая слава Царице Небесной, хранящей детство, вразумляющей молодость, милующей старость, всем дающей опору и надежду на могущество милосердия Ес Божественного Сына.

Святая Русь издревле приняла славное имя Дом Пресвятой Богородицы и Необоримое Богородицы достояние. "Господь, пособивший кроткому Давиду победить Голиафа, помог и благоверному князю нашему постоять за веру православную, за Дом Пресвятой Богородицы", – такими преисполненными радости словами встречали люди русские князя Александра Невского, возвращавшегося домой после победы над западными рыцарями. "Православные люди! Похотим помочь государству московскому, не пожалеем животов наших. Встанем все, как один, за русскую землю, за Дом Пресвятой Богородицы",

– этими словами, обращенными к русскому люду, звал на защиту и спасение отечества земский староста Кузьма Минин.

Название старинной и красивой московской улицы Пречистенки напрямую связано с призыванием на помощь и молитвами к Пречистой Матери Божией у Ее чудотворных икон. Епископ Аверкий в 1954 году написал: "Все важнейшие события исторической жизни русского народа так тесно связаны с почитанием Пресвятой Богородицы, которая в так тесно связаны с почитанием Пресвятой Богородицы, которая в трудные моменты тотчас приходила ему на помощь, избавляя его от врагов сильнейших, что действительно Родина наша была как бы Домом Ее, в котором Она постоянно обитала. И это Свое незримое, но тем не менее всегда реально ощутимое присутствие на русской земле Она являла через многочисленные Чудотворные Иконы, которые благоговейно чтились русским народом, не как идолы, по наглому утверждению сектантов, но как видимые знаки, символы Ее невидимого присутствия и покровительства русскому народу. По вере русских людей, от икон этих источались бесчисленные чудеса, а в критические моменты, угрожавшие самому историческому бытию русского народа, по усердной молитве перед этими Иконами, Пресвятая Богородица воистину чудесно спасала русскую землю от страшного разорения, а русский народ – от погибели".

Главная наша святыня — чудотворная икона Божией Матери Владимирская. Очень почитаемы Казанская, Курская-Коренная, Тихвинская, Смоленская иконы Божией Матери. Вот именно ей, чудотворной Смоленской иконе Богоматери и обязана улица Пречистенка рождением своего названия. Как это произошло?

Большинство русских великих князей и царей были людьми набожными; о таких печальных исключениях, как Петр I, в данном случае лучше не вспоминать... Сын не пошел в отца, ибо одним из самых богомольных русских государей был Алексей Михайлович Романов, отец Петра. Я уже упоминал об этом в статье: "Проспект Мира" — в связи с историей села Алексеевского и его наименования (Русская речь. 1996. № 5). Царь Алексей Михайлович любил ездить на богомолье в Новодевичий монастырь – к чудотворной Смоленской иконе Богоматери. Икона эта, по преданию, была написана св. апостолом-Богоматери. Икона эта, по преданию, была написана св. апостоломевангелистом Лукой. С 1101 года она находилась в Смоленске. Икона именовалась и Одигитрией, по-гречески – "Путеводительница". Когда царю Василию III в 1514 году удалось вернуть Смоленск в состав русских земель, отбив его у литовцев, он пообещал построить монастырь и храм в честь Смоленской чудотворной иконы. Монастырь был основан в 1524 году, а главный его собор построен в 1525.

Дорога русских царей на богомолье в Новодевичий монастырь шла так: от Боровицкой башни Кремля через реку Неглинную и ручей Черторый, мимо государевых конюшен, через Чертольские ворота

Земляного города через сельцо Киевец и к монастырю. По Девичьему полю (оно еще называлось Самсоновым лугом) проходило в те далекие времена ответвление Литовской дороги, педшее через Смоленск.

Специалисты по древней иконописи подчеркивают, что образ Бого-

Специалисты по древней иконописи подчеркивают, что образ Богоматери Смоленской — один из наиболее строгих и торжественных вариантов богородичных икон: Мария слегка повернута и поддерживает рукой благословляющего младенца Христа, прямо и испытующе смотрят мать и сын на молящегося. Искусствоведы пишут об этой иконе: "Как символ непорочности и святости Богородицы на се мафории сияют три звезды — знак троякого девства (до рождения, в рождении, после рождения)". Отложив на время другие дела и взяв в руки Евангелие и книги по Закону Божьему, напомните себе и детям, внукам о земной жизни Пресвятой Богородицы, о том, как дала Дева Мария обет Богу навсегда сохранить девство, как была поручена благочестивому Иосифу, как озарил ее свет духа Божия благой вестию о непорочном зачатии. Так свершилось таинство воплощения Сына Божия: Пречистая Дева стала Матерью и Мать пребыла Девой. Христиане, обращаясь к Приснодеве Марии с молитвой, восклицают: "Архангельский глас вопием ти, Чистая: радуйся, Благодатная! Господь с тобою".

Итак, улица Пречистенка возникла из дороги, по которой царь ездил к русской святыне — чудотворной иконе Пречистой Девы. Но тогда улица называлась по-иному — Черторье, Чертолье, Чертольская, по здешней местности, восприняв ее историческое именование — Чертолье, — и лишь с 1658 года стала официально называться Пречистенской. Спустя некоторое время после начала поездок в Новодевичий монастырь набожному царю Алексею Михайловичу пришла в голову мысль о том, что не подобает дороге к обители Пречистой Божией Матери носить название, упоминающее сатану... И 16 апреля 1658 года вышел царский указ, который повелевал Чертольские ворота города называть впредь Пречистенскими воротами, а Большую Чертольскую улицу именовать Пречистенской. Довольно скоро это новое имя дороги и улицы оказалось включенным, как бы "втянутым" в ряд старомосковских названий, оканчивающихся на -ка (Варварка, Ильинка, Воздвиженка и др.), и превратилось в топоним Пречистенка.

Это название успешно просуществовало со второй половины XVII века до 1921 года, когда большевистские власти в Москве в соответствии с "революционными установками" на борьбу с православием, а также в связи с массовой "мемориализацией" московских географических названий приняли решение о замене древнего топонима. Так, одним росчерком пера были стерты исторические старомосковские названия улица Пречистенка и Пречистенская набережная,

взамен которых появились *Кропоткинская улица* и *Кропоткинская набережная*; тем же решением *Штатный переулок* близ Пречистенки был переименован в *Кропоткинский*, а тремя годами позже пошел под идеологический нож большевиков и топоним *площадь Пречистенских ворот*, заменённый на *площадь Кропоткинских ворот*.

Ларчик открывался просто: в 1921 году ушел из жизни известный русский революционер-анархист (бывший, правда, еще и ученымгеографом) Петр Кропоткин. Ленин посмертно наградил Кропоткина мемориальными топонимами в Москве за то, что основатель анархокоммунистической доктрины в 1917 году вернулся в Россию из длительной эмиграции и после нескольких встреч с Лениным в 1919-1920 годах выступил с нашумевшим обращением к международному пролетариату: в нем он убеждал трудящихся наиболее развитых стран в необходимости заставить правительства этих государств отказаться от интервенции против Советской России. Пречистенке не повезло в том, что в 1842 году Кропоткин родился именно в Штатном переулке... Любопытно, что сам Кропоткин в своих мемуарах называл Чертолье и район Пречистенки Сен-Жерменским предместьем Москвы - за его тишину и удаленность от суеты и шума торговой Москвы, за его лабиринт чистых, спокойных и извилистых улиц и переулков с похожими домами и размеренным, неторопливым бытом.

Прошли долгие десятилетия. Лишь в 1990 году под давлением общественного мнения тем москвичам, ученым, деятелям культуры, которые всегда боролись за возрождение традиций национального самосознания и духовности златоглавой столицы Руси, удалось добиться от властей решения о возвращении Москве исторического топонима Пречистенка. Быстро и уверенно он вернулся в нашу жизнь, в русскую речь.

Заметки о лексике Вятского края

К выходу в свет первого выпуска "Областного словаря вятских говоров"

Т.С. КОГОТКОВА, доктор филологических наук

В серии "Наука и культура Вятского края" в конце прошлого, 1996-го, года вышел в свет 1-й выпуск "Областного словаря вятских говоров (А-Б)" (ОСВГ). Публикации областных (или по-другому – региональных) словарей, где собраны и объяснены слова какой-либо конкретной местности, — это всегда для данной области (края) событие особой культурно-просветительской значимости. "Местное самосознание" пробуждается и буквально оживает в этой работе. Видимо, есть особая услада узнавать свое кровное, свое родное. Подобные чувства испытывают многие, если не все. А ведь именно им обязана современная русистика подлинному подъему и расцвету новейшей областной лексикографии — особому и очень значимому этапу в науке.

Начиная с 60-х годов и по сегодняшний день в стране осуществлено издание более шестидесяти областных словарей.

Свежие и достоверные словарные материалы не только дополнили и уточнили применительно уже к нашему времени собрания местных слов прошлого (преимущественно – дореволюционные), но они восполнили пробел дореволюционной областной лексикографии. Опубликованы областные словари по южновеликорусским, западным и центральным диалектам русского языка.

На базе новых лексических фондов, увидевших свет или хранящихся на кафедрах русского языка пединститутов и университетов в виде словарных картотек, оформились такие новые языковедческие направления, как диалектная лексикология, диалектная фразеология и диалектное словообразование.

В разные годы журнал "Русская речь" во многих своих статьях освещал общие и частные вопросы, связанные с народно-диалектной лексикой и областными словарями. В текстах областных словарей, в их словниках (т.е. алфавитном ряду толкуемых слов) и цитатных примерах употребление этих слов из живой речи носителя говора выражена специфика и своеобразие местной жизни – природные условия, быт, нравы, обычаи и хозяйствование. Именно это подчеркивали и создатели первого выпуска ОСВГ. "Каждый край европейской России за многие века своего существования, – говорится в предисловии, – приобретал неповторимый облик, выделялся своей особинкой в речи, в культуре, строе мыслей и особенностях поведения своих жителей". Всё это найдет читатель в выпущенной в свет книге, несмотря на то, что первый выпуск ОСВГ заключает в себе всего лишь две буквы (А, Б), т.е. буквы, не самые большие в русском языке по объему заключенных в них слов.

Настоящий выпуск написан двадцать лет тому назад. Его авторсоставитель Лидия Ивановна Горева, доцент Кировского педагогического института безвременно ушла из жизни в 1976 году. Высококвалифицированный диалектолог из учеников и соратников Елизаветы Павловны Лупповой, известного и крупного советского диалектолога. Примечательно, что работу над ОСВГ продолжил ученик Л.И. Горевой В.Г. Долгушев, который является научным редактором словаря.

Л.Й. Горева вместе с Е.П. Лупповой первыми начинали изучение родных для них вятских говоров. Позднее к ним присоединились студенты и преподаватели кафедры русского языка пединститута. Обе исследовательницы были в числе той авангардной когорты советских диалектологов, с которых начиналось возрождение русской областной лексикографии новейшего этапа. Обе исследовательницы приняли авторское участие в создании специальной программы для обследования словарного запаса русских диалектов середины XX века. В коллективном труде — "Пособии-инструкции для подготовки и составления региональных словарей русского языка" (М., 1960) — так называлась эта программа — в ее тематической части Л.И. Горева разработала два содержательно разноплановых цикла "Человек и семья" и "Птицеводство".

Взгляды Горевой-лексикографа сформировались под влиянием идей и дискуссий по областной лексикографии, характерных для научной жизни 60-х годов. В стране повсеместно создавались группы ученых по составлению региональных словарей. Обсуждения и дискуссии проходили в научной печати и на ежегодных диалектологических конференциях в Институте русского языка АН СССР, который направлял и координировал работу по обмену опытом в составлении областных словарей.

Подобные совещания и конференции были и в Ленинграде, и в Томске, и в Красноярске и в других городах страны.

Л.И. Горсва восприняла и последовательно реализовала в своей собственной работе над вятским словарем идею дифференциального отбора слов. Согласно этой идее, превалирующей и традиционной в диалектно-лексикографической практике, в словарь отбираются лишь те лексические, семантические и фразеологические единицы, которые отсутствуют в словарном составе литературного нормализованного языка.

Картотечную базу вятского областного словаря составили записи живой народной речи, непосредственно протекавшей перед наблюдателями говоров. Кроме них в картотеку ОСВГ вошли также фольклорные записи конца XIX и начала XX веков и извлечения из произведений писателей — уроженцев вятского края, и даже выдержки из письменных работ учащихся сельских школ.

Существенным дополнением к созданной таким способом картотеке стала выборка из дореволюционных словарей и диалектологических исследований вятского края, т.е. параллельных данных к лексикографируемому слову. Здесь надо отметить в первую очередь "Материалы для областного объяснительного словаря Вятского говора" Н.М. Васнецова (брата известного художника), книги и статьи о говорах и фольклоре Вятской губернии известного дореволюционного филолога Д.К. Зеленина, а также словарные сведения из толкового словаря В.И. Даля, из "Дополнения к Опыту областного великорусского словаря" (СПб., 1858), из "Словаря русских народных говоров". Всё это явилось не только надежным словарным фоном для собственного словника, но и продуманно введено в структуру словарной статьи — частично эти сведения попали в толкования слов, но, главное, они составили обязательную часть в словарной статье — справочную. Эта справочная часть словарной статьи — не бездумная демонстрация трудолюбия автора. Фронтальная проверка слова по предшествующим словарям имела несколько целей: 1) предупредить возможные опибки при включении слова в словарь; 2) подтвердить локальную принадлежность вятского лексического диалектизма (значения, фразеологизма) к данному диалектному ареалу; 3) показать устойчивость диалектного слова (значения, фразеологизма) во времени.

лежность вятского лексического диалектизма (значения, фразеологизма) к данному диалектному ареалу; 3) показать устойчивость диалектного слова (значения, фразеологизма) во времени.

В первой фиксации слова (значения, фразеологизма) в настоящем издании подтверждается устойчивость и воспроизводимость этой лексемы в речи современного носителя диалекта. Здесь таких слов немало, хотя можно было бы предположить, что в конце XX века многие из них должны были выйти из употребления: абашистый, агань, ажмек, алмашить, андарьки, аннушка, орелка, атары, атварь и др. В последние годы проверено и доказано специалистами, что языковая

память человека сохраняет иногда самым замысловатым и прихотливым образом родное, кровное слово.

Характерное для любого языка явление непрерывных смысловых преобразований и развития ярко представлено в народно-диалектной речи. В первом выпуске ОСВГ это явление легко подтвердить на примере названия традиционных для данной местности предметов быта или понятий. Появление в такого рода словах значений, связанных с реалиями и понятиями середины ХХ века, особенно заметно и интересно. Самым распространенным глаголом речи в вятском крае является слово балесить — "говорить, разговаривать, беседовать" (ср. производные от него балесник — "словоохотливый человек, балагур", балесница — "женск. к балесник"), в наши дни появляется соотнесенное с ним балесило — "репродуктор"; от слова беседка — "скамья, лавка около дома, в саду", "скамейка, сиденье в лодке" появляется современный семантический диалектизм — "велосипедное седло", а со словом балясы — "барьерчик из точеных столбиков у полатей" связано появление нового значения слова — "призывные плакаты, стенды, транспаранты, красиво оформленные". Видимо, барьерчик у полатей был художественно выполнен. Этот эстетический признак и лег в основу новообразования.

На базе каких мотивировочных признаков происходит семантический перенос значений в словах или почему предмет именно так назван, а не по-другому — всегда загадка для лингвиста. Внимательно читая словник первого выпуска ОСВГ, невольно задаешься такими вопросами: почему в этих местах мелкая рыба называется аннушкой, а словом боб и обширным рядом его производных бобок. бобёнок, бобиха, бобко, бобчиха зовут кролика?

Как было замечено ранее, ОСВГ – это толковый диалектный словарь дифференциального типа. Во вводной части книги подробно перечисляются все конкретные разряды слов, которые отобраны в словарь благодаря своему отличию от лексического состава литературного языка. Последовательно реализуя принцип дифференциальности, Л.И. Горева отказалась от помещения в словарь разного рода переходных, посредствующих между литературным и народно-диалектным языком словарных единиц, таких, как просторечные, простонародные слова. Упор при формировании словника делался на лексику собственно местную, вятскую.

Принцип дифференциальности в областных словарях рационален во многих отношениях: легче собрать слова в говорах; короче общие сроки составления словаря и особенно положительно сказывается на объеме книги (последнее всегда учитывается на этапе её издания).

Ярче всего этот принцип проявляется в показе предметно-номина-

тивной лексики. Разряды такой лексики разнообразны и многоплановы. За подобными словами стоят сами реалии тех мест, которым посвящается областной словарь. В этом и заключается объективная и непреходящая ценность региональных словарей. В идеографическом (содержательном) отношении это лексика природы, обычаев, нравов, хозяйствования и мн. др.

Полностью разряды предметно-тематических слов вятского края можно будет установить, когда ОСВГ будет доведен до конца алфавита. Предпосылки же для тематического своеобразия вятской лексики заложены в самой уникальности этого края с его лесами и болотами, с его удаленностью от центра и от магистральных путей сообщения и сохранением вследствие этого былых обычаев и собственного образа жизни.

В первом выпуске ОСВГ, где собраны и объяснены слова лишь на буквы A-B, просматривается пока заявка на тематические разряды слов. Она вполне реальная, например, в показе лексики леса, его продукции и богатств: *боло́нна* – "бревно", *боло́нь* – "верхний, молодой, неотвердевший слой древесины под корой дерева", болонистый -"имеющий болонь – о лесе", берёзина – "большая береза", берёзовица, берёзовка – "березовый сок, получаемый весной", берёсто – "береста", берестеник – "кузовок из бересты", "обувь из бересты (устар.)", "мастер, занимающийся выделкой из бересты разных поделок" и др., берественка — "табакерка или солонка из бересты", берестенки — "обувь из бересты, род лаптей, надеваемых на босу ногу"; беленица – "гриб – белая волнушка", белобрюх - "белый гриб", беловица - "гриб сыроежка", беляк - "гриб под груздь", белянка - "съедобный гриб подгруздь", "гриб сыроежка", болотовик – "гриб подберезовик, растущий в болотистых местах"; белоярка – "береста на березе, вновь образовавшаяся после сдирания"; барашки – "ягода голубика", бирок – "приспособление в виде совка для сбора ягод", бурак - "цилиндрический сосуд с деревянным дном и крышкой"; а человека, делающего такие сосуды, здесь назовут бурачником; белковать - "охотиться на белку", бирюк -"волк-одиночка", "медведь" и мн. др. Наименования эти многообразны в вятских говорах, их тем больше, чем "обжитее" сам предмет (реалия), названный ими. Характерна и другая закономерность: сами эти слова появляются как по основным, так и по неосновным признакам предмета.

Своеобразие вятского края раскрывается и в других словах — в названиях обрядов и обычаев, водоемов и болот, а также обуви местного населения. В последующих выпусках ОСВГ внимательный и заинтересованный читатель найдет продолжение и тех тематических

групп слов, которые в первом выпуске заявлены лишь отдельными словами. Многие знают, к примеру, что вятская земля славится в нашей стране своими кожаными изделиями. В прочитанном нами выпуске ОСВГ есть местные слова, подтверждающие тему кожевенного производства: 6apa6ah — "вращающаяся бочка для промывания кожи после золения [золение — один из этапов обработки кожи. — T.K.]" и, особенно, экзотическое 6enbe — "тонкие бараньи кожи, в которые завертывается привозимый торговцами изюм".

Достоверность и устойчивость слова (или морфемы) в словаре подтверждается рамками его словообразовательного гнезда: "баса — "краса, красота", "красавица, нарядно одевающаяся женщина", "мода", басенький — "хорошенький, красивенький, нарядный", басина — "красота", басить — "наряжать, украшать кого-л., что-л., чем-л.", баситься — "наряжаться, прихорашиваться", баско — баще — "красиво, хорошо", баскобай — "краснобай, говорун, человек, умеющий уговорить, убедить", баскобайка — "женск. к баскобай", басковитый — "красивый, нарядный", баской — "красивый, хороший", басконький — "херошенький, красивенький", баскущий — "очень хороший, очень красивый".

Не менее высокой оценки, чем словник ОСВГ, заслуживает и сама лексикографическая интерпретация слов, толкования которых кратки и точны, а подтверждающие эти определения текстовые примеры дополняют и конкретизируют их в реальном словоупотреблении. Ср. иллюстрации к прилагательному баской — "красивый, хороший" в таких примерах: баска девка-то; Больно басок зять-от у тя; Ситец баской привезли; Баскую кофту купила; Баской был конь; Лето-то с баским дням было; Баское рукоделье; Баской дом; Баской день; Жизнь здесь баская, а домой тянет; У баской девки и слава баская. Текстовые иллюстрации в ОСВГ — это словесные картинки вятской реальности; при желании читатель может найти в них много познавательного и практически-полезного для себя (как и из чего готовить отдельные блюда, сажать огородные культуры, какими травами лечить себя и животных, чем выводить клопов и тараканов и мн. др.).

Основная работа по составлению и публикации ОСВГ еще впереди. Учитывая это, хочется высказать несколько пожеланий, которые могут послужить на пользу всего предприятия в целом. Они связаны в первую очередь с расширением картотечного собрания словаря и уточнением реального функционирования и смысла слова в вятских говорах сегодняшнего дня. Составители областных словарей хорошо знают, что качество словаря напрямую связано с картотечной базой. Чем картотека полнее, чем больше иллюстративных цитат на употребление каждого зафиксированного в ней слова, тем точнее и убедительнее

станет толкование его значения (значений); тем подробнее и лингвистически информативнее станет словарная статья в целом.

Представляется, что в первую очередь можно взять под особый контроль те слова, которые попали в картотеку ОСВГ лишь как извлечение из лексикографических и диалектологических трудов прошлого. Слова эти, в основном, связаны с наименованием обрядов и обычаев прошлого или названием редких реалий, например, свадебного обряда — барин, барин большой, барин меньшой, большой боярин, большие дворяне, или названия реалий, непривычных для широкого круга лиц — бикс — народная игра, род бильярда и под. Расширяя также слова подтверждениями и иллюстративными данным сегодняшнего дня, уточняется и общая хронология слова, а с ним и возможности языковой памяти народа (или личности), а также направление семантических смещений в слове, если таковые будут обнаружены.

В дальнейших выпусках следует выровнять общую линию в толковании ботанических наименований. В первом выпуске при названиях растений выборочно и непоследовательно приводятся латинские соответствия, хотя во вводной статье и сделана по этому поводу оговорка. В толкование отдельных слов введены нелитературные слова, например, — "чина полевая" (белый горох); пропущено значение "стирать с золой" у глагола бучить (ср. иллюстративные примеры на бучища); допущена ошибка в алфавите (бруснижник, брусниче). Не принято в словарной практике толковать слово через определяемое (белоярный). Неточно толкование фразеологизма пить быком: это не просто "пить через край", а "есть жидкое блюдо без ложки, через край", ср. примеры, данные к этому фразеологизму: суп-от из блюда быком пьет; щи-то быком допили. Не соотнесены между собой толкования и иллюстративные примеры (ара́пик, 4 боле́сь). Нельзя согласиться с утверждением о словах бо́тало и пестерь, что они специфичны только для вятских говоров. Ареал распространения этих диалектных слов пирок и прерывист (см. СРНГ).

Первый выпуск ОСВГ – книга хорошая. Каждый читатель областного словаря найдет в ней много обширных и позитивных сведений самого разного характера. Мы полностью разделяем ту высокую оценку докторов филологических наук И.А. Попова и Ф.П. Сороколетова, которую они дали рукописи словаря перед её публикацией. "Областной словарь вятских говоров" может, действительно, стать одним из лучших современных словарей, если планка, поднятая в первом выпуске его, не будет опущена в последующих выпусках. Пожелаем теперешним составителям словаря, принявшим на себя нелегкую эстафету от Л.И. Горевой, успехов в многотрудной работе и преодоления всех преград, которые ждут их впереди.

ВОДА ВСЕМУ ГОСПОДИН

Л.Б. САВЕНКОВА, кандидат филологических наук

Пословицы бережно сохраняют память о народных традициях, обычаях и обрядах. Они словно неписаный свод законов – эти языковые знаки, используемые для обозначения типовых ситуаций и отношений между человеком и окружающей действительностью. Именно поэтому пословицы в большинстве своём назидательны, дидактичны. Однако русские пословицы отнюдь не только набор "практических рекомендаций", опирающихся на бытовые наблюдения. Нередко в их образной основе обнаруживается связь с древней духовной культурой славян, отголоски их верований и мифологии. Заметив, что пословицы "мало представляют осязательных намёков на языческие верования", А.Н. Афанасьев в "Поэтических воззрениях славян на природу" всё же не отрицал наличия в них сведений о "стародавних преданиях" (М., 1865. Т. III. С. 26). Анализ русского пословичного фонда свидетельствует, что духовная культура наших предков отразилась в пословицах не так скупо, как это принято считать.

Этот тезис подтверждается анализом русских пословиц, связанных в образном плане с одной и той же идеей – идеей воды, воплощённой в разных представлениях. Предлагаемые читателю заметки содержат только те изречения, в которых упомянутая идея лексически обозначена словами вода (водица), река, озеро, омут, море, дождь (дождик), роса.

Все анализируемые пословицы (в "Толковом словаре" В.И. Даля их более 160), исходя из особенностей их внутренней формы, можно разделить на две группы: пословицы, опирающиеся исключительно на жизненный опыт носителей языка, и пословицы, отражающие такой

жизненный опыт и одновременно связанные с верованиями древних славян.

Жизненные наблюдения приводили народ к двойственной оценке воды. С одной стороны, используемая в домашнем хозяйстве или поставленная на службу человеку вода воспринималась как нечто безвредное, безобидное (ср.: "Что за беда, коли пьётся вода"; "Сколько воды ни пить, а пьяну не быть"; "На ухе (На молоке) ожёгся, так и на воду подуешь"). Эта вода подвластна человеку, она не в силах чтолибо изменить в его жизни: "Под лежач камень вода не течёт"; "Мир что вода: пошумит да и разойдётся". С другой стороны, опыт общения с водной стихией предостерегал слишком беспечного: "Водой мельница стоит, да от неё же погибает"; "Тихая вода берега подмывает"; "Вода всё кроет, а берег роет".

В пословицах первой группы слово вода может способствовать формированию целостного конкретного образа, выступая символом некоторых внешних обстоятельств, чаще — неблагоприятных: "Лакома кошка до рыбки, да в воду лезть не хочется"; "Чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть"; "Подле огня обожжёшься, подле воды обмочишься". Такую же характеристику привносит в пословицу и слово дождь (дождик): "Либо дождик, либо снег, либо будет, либо нет"; "После грозы — дождь, после вёдра — ненастье"; "Дождик вымочит, а красно солнышко высушит"; "От дождя да в воду"; "В дождь крыши не кроют, а в вёдро и сама не каплет"; "Не под дождём: постоим да подождём"; "Мокрый дождя, а нагой разбою не боится"; "Быть было ненастью, да дождь помешал". В то же время некоторые пословицы отмечают, что вода является тем необходимым, без чего нельзя прожить: "После пожара да за водой"; "Где бабы гладки, там нет и воды в кадке"; "Что гусь без воды, то и муж без жены".

Вода — основа жизни, но она же рассматривается пословицами как нечто неценное, доступное каждому и — при всей своей повседневной необходимости — далеко не достаточное для удовлетворения жизненных потребностей человека. Скорее вода символизирует материальчую скудость, бедность. Ср.: "Хлеб да вода — мужицкая еда"; "Прогуляешь, так и воду хлебаешь"; "Воду варить, вода и будет"; "От воды навару не будет"; "Хоть на воде, лишь бы на сковороде"; "Богато живут: с плота воду пьют"; "Лучше хлеб с водою, чем пирог с бедою".

Река, море служат символом рубежа, отделяющего человека от далёкой, чужой жизни: "Лежит на боку, да глядит за реку"; "Ты от горя за реку, а оно уже стоит на берегу"; "За морем телушка полушка, да рубль перевозу"; "За морем веселье, да чужое, а у нас и горе, да своё"; "Ум за морем, а смерть за воротом"; "Журавли за море летают, а всё

одно курлы!". Река и – особенно – море также символы чего-то значительного по величине и силе: "И большой бадьёй реки не вычерпаешь"; "Не ищи моря: и в луже утонешь"; "Горе что море: ни переплыть, ни вылакать"; "Моря песком не засыплешь"; "Моря шилом не нагреешь"; "Слезою моря не наполнишь": "Челноком (щепкой) моря не переехать"; "Таланный и в море сыщет"; "Пьяному и море по колено"; "Хорошо море с берегу". Отметим, что дождь, воспринимаемый как совокупность множества дождинок, капелек, тоже может символизировать в пословицах нечто большое, значительное (ср.: "По капельке – дождь, по росинке – роса"; "По капле дождь, а дождь реки поит: реками море стоит").

Пословицы второй группы, как уже отмечалось, содержат в себе отголоски древних верований славян. В древности человечество поклонялось четырём стихиям: огню, воде, земле, воздуху — в разных их образах. Это поклонение в русском пословичном фонде отражено в почтительной формуле: "Огонь царь, вода царица, земля матушка, небо отец, ветер господин, дождь кормилец, солнце князь, луна княгиня". Вода наряду с огнём представлена здесь как могучая сила, которой следует подчиняться и которая к тому же не сродни человеку, в отличие, например, от земли и неба. Подобное восприятие воды обнаруживается и в пословице: "С огнём, с водой не дружись, ветру не верь" (ср. также: "С водою, с ветром да с огнём не дружись, а с землёю дружись: от земли вышел, земля кормит, в землю пойдешь)".

Огонь и вода выступают в пословицах этой группы не просто как неподвластные и зачастую враждебные человеку силы (ср.: "Огню да воде Бог волю дал"; "С огнём, с водой не поспоришь"; "Где много воды, там жди беды"), но и как противоборствующие друг с другом стихии (ср.: "Мужик с огнём, жена с водою"; "От огня и вода ключом бьёт"), причём вода чаще оказывается победительницей: "Огнём вода ключом кипит, а водою и огонь заливают"; "Милость над грехом, что вода над огнём"; "Вода всему господин: воды и огонь боится". Пословицы советуют человеку быть всегда начеку, не забывать о могуществе и коварстве водной стихии: "Путь водою проходит бедою"; "Где вода, тут и беда"; "Всегда жди беды от большой воды".

Естественно, что предостережения и опасения эти исходили в первую очередь от рыбаков, моряков, торговцев и т.д. Но, кажется, не только жизненный опыт и приметливый взгляд носителей языка формировали пословичный фонд. Сказалось и суеверное, подчёркнуто уважительное, а, может быть, боязливое отношение народа к воде как магической силе. Ср.: "По какой реке плыть, той и славу (песенку) петь". В этой пословице явственно ощущается восприятие воды как священного начала, которое следует умилостивить, задобрить, воссла-

вить. Опасливое предостережение содержится в пословице: "Не плюй в колодец (в водицу): пригодится напиться". Плевок, как известно, у славян и у других народов считался оскорблением, осквернением. Плевком можно было наслать порчу, болезни и т.п. Его злая магическая сила сохранялась и в воде (см. об этом: Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914. С. 65). Плевать в воду возбранялось: мог обидеться водяной дух. Некоторые пословицы прямо указывают на воду как место обитания вполне конкретных представителей "нечистой силы" (ср.: "Все бесы в воду, да и пузырья вверх"; "В тихом омуте черти водятся").

Вероятно, можно говорить и об "активном контакте" человека с этой нечистой силой. Известно, что существовали различные способы гадания, связанные с водой (см. об этом работы этнографов и фольклористов XIX века — Ф.И. Буслаева, А.Н. Афанасьева, А.А. Потебни и др.). Нашим предкам представлялось, что, глядя в воду, человек способен предугадать будущее. Кажется, откликом этого верования служат пословицы: "Чужую беду я водой разведу, а к своей беде ума не приложу" (современным носителям русского языка эта пословица более известна в варианте "Чужую беду руками (по рукам) разведу..."); "Поглядел бы ты в воду на свою на уроду".

Возможно, что и близкий по структуре к пословице фразеологизм *по воде вилами писано* возник как осмысление гадания на водной поверхности путём "беседы" с русалками – *вилами*, пишущими, вычерчивающими на воде какие-то магические знаки.

Сегодня слово вила отсутствует в русском литературном языке и известно, пожалуй, лишь специалистам-этнолингвистам, изучающим, кроме прочего, лексику поверий. Энциклопедический словарь "Славянская мифология" сообщает, что культ вил известен по болгарским источникам с XIII века. Вилы имели облик высоких, стройных красавиц и обладали противоречивым характером. С одной стороны, они могли покровительствовать людям, заботиться об их здоровье, помогать в хозяйстве, приносить счастье, увеличивать урожай, одаривать золотом и серебром. С другой – они бывали порой завистливы и коварны, вредили людям, отнимая воду, иссушая поля, губя урожай, вредя скоту. Жили эти мифические существа в удалённых от людей местах: скалах, пещерах, горных озерах и источниках, тучах и т.д. При этом отмечается. "Особое значение имеет их связь с водой: вилы появляются из воды; многие источники и водоёмы считаются принадлежащими вилам" (Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 91). Общаться с вилами можно было только с помощью магических приёмов.

Кстати отметим, что само название вила, по свидетельству

М. Фасмера, было единственным наименованием этих существ в древнерусском, сербохорватском, словенском языках. В болгарском языке есть и другие — *самовила*, *самодива* (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. І. С. 314).

Подтверждение того, что наши предки верили в существование вил, находим в древнерусском памятнике письменности XIV века: "И веруютъ в Перуна, и в Хорса... и въ Вилы... и мнятъ богинями, и тако покладывахуть имъ теребы и куры имъ режють" (Словарь XI–XVII веков. М., 1975. Вып. 2. С. 178).

Коварные вилы вполне могли обмануть человека, пообещав одно, а сделав совсем другое. А потому и не стоило им верить: знаки, которые русалки-вилы писали по воде, могли быть ложными.

Постепенно, с укреплением христианства на Руси, ушло в прошлое поклонение языческим богам – Перуну, Велесу, Хорсу и другим, а вместе с этим утратился и культ вил. Наличие же в языке слова вилы, омонимичного имени вилы-русалки, породило новую ассоциацию: выражение по воде вилами писано стало связываться с представлением о сельскохозяйственном орудии. Например, так объясняет образную основу фразеологизма известный лингвист-страновед В.П. Фелицына: "Это (ещё) вилами на воде писано. (...) Еще неизвестно, как будет; нет уверенности в том, о чём говорят (как нет следов на воде, если по ней писать вилами)" (Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь. М., 1979. С. 107).

Водяные духи, по поверьям наших предков, видимо, очень хорошо распознавали "своих" среди людей. Тех, кто совершал какие-либо преступления или подозревался в связях с нечистой силой (например, в колдовстве), подвергали так называемому "божьему суду" (см. об этом: Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. П. С. 199). Считалось, что несправедливо обвинённый человек в воде не тонет. К этому обычаю отсылает пословица "Праведное (правда) на огне не горит, на воде не тонет". В.И. Даль приводит пословицу "В куль да и в воду", сопровождая её замечанием в скобках – "мордовский суд" (Даль В.И. Толковый словарь. М., 1955. Т. П. С. 8). Схожая с ней по форме пословица "Камень на шею, да в воду" скорее всего сообщала о способе насильственного умерщвления или самоубийства, а пословица "Только и ходу, что из ворот да в воду" характеризовала, очевидно, такие жизненные обстоятельства, когда смерть предпочтительнее жизни.

Выстраивалась взаимообусловленная связь: водная стихия – уход из жизни – потусторонний мир. А одним из распространённых способов общения с покойниками было "пускание по воде" предметов, пред-

назначенных для передачи в загробный мир (см.: Славянская мифология. Энциклопедический словарь. С. 327–329).

По представлениям древних, в воде обитали не только злые духи, но и некие могущественные существа, способные изменить человека в лучшую сторону. Вода, считалось, может очистить от скверны, дать человеку новую жизнь, о чём свидетельствовал, в частности, обряд водного крещения (см.: Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989. С. 500–501). Обряд в своеобразной форме представлен в пословице "Люди Иван, и я Иван; люди в воду, и я в воду", где под именем Иван, очевидно, выведен библейский Иоанн Креститель. Об очистительной силе воды, переменчивости всего сущего говорится в пословицах: "Огонь чистит, вода моет"; "Все беды пропадут, в воду уйдут"; "Что прошло, в воду ушло".

Анализ русских пословиц убеждает в том, что язык в разнообразных своих проявлениях выступает хранителем сведений об этнической культуре.

Ростов-на-Дону

"Кадки... и столы травами писали..."

Из истории появления терминов травы и травка

С.Ю КРАСИЛЬНИКОВА

Многие слова общеупотребительной лексики функционируют в качестве специальных обозначений в научной или профессиональной областях. На принадлежность одних и тех же слов одновременно к общеупотребительной и терминологической лексике обращал внимание еще академик А.А. Потебня, выделяя ближайшее и дальнейшее значение слова. Ближайшим он считал обиходное значение, представленное толковыми словарями, а дальнейшим — то значение, которое слово приобретало в научной или профессиональной речи (Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1958). Эти "дальнейшие", или специальные, значения общеупотребительных слов не всегда фиксируются толковыми словарями, в том числе и отраслевыми.

В этой связи любопытно проследить судьбу специальных значений таких широко известных общеупотребительных слов, как *травы* и *травка*, функционирующих в качестве терминов декоративно-прикладного и изобразительного искусства.

Слово трава в современном русском языке имеет значение "растение с однолетними зелеными не подвергающимися одеревенению мягкими побегами" (Словарь русского языка. В 4 т. М., 1984. Т. IV). Его происхождение обычно связывается с общеславянским глаголом трути, травити "потреблять" (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М., 1987; Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971). Помимо этого значения у глагола травить отмечались и другие: переваривать, портить, повреждать, истреблять, изводить, опустошать, разорять; истреблять едким, острым — травить медную доску (там же). Слово трава, возникшее в результате метонимического переноса, толкуется как "то, что травится, потребляется, съедается" (Шанский. Указ. соч.).

В памятниках XVI века слово *трава* (в форме мн. ч. *травы*) встречается в переносном значении "узор, разводы". Можно предположить, что оно появилось в результате метонимического переноса от глагола *травить* в специальном значении "наводить кислотою на металле узор" — вот как сообщается об этом процессе в одном из текстов:

"Ствол (самопала) весь стравлен водками, по травленью в трех местах золочен золотом пареным" (Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 3).

Значение "узор, разводы" представлено в документальной записи 1589 года, в которой говорится, что оружие и платье государя Бориса Федоровича Годунова были украшены "травами", т.е. узорами: "Травы (на сабле) золотом наведены"; "Звери и птицы в травах" (Срезневский. Указ. соч. Т. 3). Возникновение переносного значения у слова *травы* связано с формированием специальной лексики, в частности, терминологии изобразительного искусства. При этом следует подчеркнуть, что терминологическое значение приобрела форма множественного числа – *травы*.

Наибольшее распространение слово получило в конце XVI-XVII веков, о чем свидетельствует высокая частотность его употребления в документах указанного периода. Сохранилось много сообщений о вызове в Москву живописцев и иконописцев из Костромы, Вологды, Пскова, Новгорода и других городов и о работе их в Оружейной палате и Приказе большого дворца. В записях упоминается много имен и фамилий мастеров, выполнявших преимущественно декоративную ("травную") роспись. Так, в одном из документов сказано, что живописцем Дорофеем Ермолаевым "лук писан по баканной кибити, на майдане писаны травы, от майдана по обеим сторонам писаны золотом звери в травах" (Арбат Ю. Русская народная роспись по дереву. М., 1970); Никифором Бавыкиным "доска травлейная писана по золоту красками, птицы в травах" (Там же). О двух учениках живописца Станислава Монуцкого говорится, что они "всякие живописные дела по образу делают и по дереву и по холсту и по тавтам и по камкам золотят и по золоту всякие притчи и травы расписывают" (Там же).

В челобитной царю Алексею Михайловичу травник А. Тимофеев и иконописец Г. Иванов, состоявшие "многие лета у всяких... у иконописных и у травных и у стенных дел беспрестанно", подробно перечисляют свои работы: "Церковь писали и Оружейную палату писали, и на кормовом дворце доски прянижные писали, и кадки яишные травами писали, и столы травами писали ж, решетки и шесты писали... и в церкви... двери и тябла травами писали и государю Царевичу доски прорезные писали и болванцы шапошные травами писали..." (Арбат. Указ. соч.).

Как и многие термины, слово *травы* дало производные наименования, которые также отражены в записях XVI–XVII веков. Одно из них – слово *травный:* "Камка зелена травная", – сообщается о платье царя Бориса Годунова в записи 1589 года (Срезневский. Указ. соч. Т. 3). Знаменщик Оружейной палаты Иван Малышев писал в челобит-

ной, что "работает всякие... дела травные, знаменные письма..." (Арбат. Указ. соч.). Слово *травный* выступает здесь в значении "узорный".

Встречаются в документах упоминания о травщиках "узорных живописцах". Так, в письме царю (1658 г.) архимандрит Троице-Сергиевой лавры Иоасаф сообщает, что послал ему "иконописцев добрых, до сусального дела мастеров и живописного дела учеников и травщиков" (Арбат. Указ. соч.).

Специальные значения слов *травы*, *травный*, *травщик*, хотя и без соответствующих помет, отмечены многими толковыми словарями. Наиболее ранняя фиксация лексических значений слов *травы* ("узор, разводы") и *травный* ("узорный") приходится на "Словарь древнерусского языка" И.И. Срезневского.

В словаре Даля слово *травы* представлено в двух словарных статьях: в статье "Трава" оно (с пометой "стар.") обозначает "расписные украшения на письме" (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1991. Т. IV), а в статье "Узор" приводится в качестве синонима к слову *узоры* при толковании последнего: "украшенья по земле или полю, пестрые, в красках, либо в тенях, либо тисненные, шитые, тканые, браные и пр." (Даль. Указ. соч.). Следует отметить, что у Даля помимо формы множественного числа слова *трава* в специальном значении зафиксирована и форма единственного числа с уменьшительным суффиксом *травка* "трава по ткани, мелкие узоры, разводы".

Словарь Ушакова выделяет лексему *травы* в отдельную словарную статью и дает следующее ее толкование: "**Травы** (...) (старин.) то, что вытравлено, вышито, нарисовано, узоры, преимущ. золотистые и цветные. Все стены выложены мелкими голубыми изразцами с золотыми "травами", Тургенев. Заморским бисером иштый нежными травами опашень. А.Н. Толстой" (Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1940. Т. IV).

В Словаре современного русского литературного языка слово *травы* также имеет самостоятельную словарную статью и в сравнении с другими словарями отличается более полным и четким определением: "В старину узоры в виде стеблей травы, листьев, цветов и т.п., растительный орнамент на дереве, металле, ткани и т.п. *На лбу* [женского остова] золотая чеканная травами пластинка (венчик) с бляшками в виде цветков и розеток, сходная с подобными же уборами, найденными в двух описанных подземельях. Забелин, Ист. русск. жизни, 1. Прилож. Позолота на прорезных травах иконостаса походила местами на уголья, тлеющие под золою. А.К. Толстой. Кн. Серебря-

ный" (Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М. – Л., 1963. Т. 15. Далее – ССРЛЯ. Т.). Стоит подчеркнуть, что в этом словаре отдельно зафиксирована и форма травки – "устар. уменьш.-ласк. к травы. Только один он во всем городе, а может быть, и во всей России мог заставить в тоне ре-фис-ля звучать старинный, темный, с золотом и мозаичными травками старинный собор" (Там же).

Сопоставляя данные текстов и словарей, можно сделать вывод, что в речи ремесленников слово *травы* функционировало как термин изобразительного и декоративно-прикладного искусства, имевший значение "узор, орнамент растительного характера". Наряду со словом *травы* существовали и формы с уменышительно-ласкательным суффиксом – *травки* и *травка* (с более узким значением). Уже к XIX веку термин выходит из употребления, о чем свидетельствуют пометы в толковых словарях – *старин*, в *старину*.

Производные наименования от устаревшего термина *тавы* также нашли свое отражение в лексикографических источниках. В словаре Даля, к примеру, находим слово *тавщик* "стар. узорный живописец" (Даль. Т. IV). С таким же значением приводит это слово словарь Ушакова "мастер, делающий травы, травчатые узоры (старин.)" (Т. IV), а также ССРЛЯ: "Травщик (устар.) мастер, делающий травы, травчатые узоры" (Т. 15).

Отмечены словарями лексемы травный, травочный, травчатый, представляющие собой синонимический ряд. В их основе лежит сема "узор", однако если в словаре Срезневского значение "узорный" имеет слово травный, то в других толковых словарях аналогичное значение имеют слова травочный и травчатый. Так, в словаре Даля травочный значит "к траве или ко травчатому узору относ.", травчатый "на траву похожий. На этом дереве травчатые листья. Травчатый мох. — Узор, разводы, мелкие, травками, листочками, усиками, цветочками и пр. — ткани, узорочныя, с разводами. Камка, атлас травчатый" (Даль. Т. IV).

В словаре Ушакова с пометой *старин*. представлено слово *травчатый*, в котором выделены следующие значения: "1. Имеющий вид травинок, листочков, цветков. *Т. узор. Травчатые разводы.* 2. О материи: с таким узором. *Т. атлас.* 3. Вообще узорчатый" (Т. IV).

Лексема травчатый с пометой народно-поэт. и простор. отмечена и в ССРЛЯ: "Имеющий тонкий узор в виде трав, листиков, цветов. Т. кружева. Т. скатерть. Гаврила Михайлович велел дочери вынуть из ящика до дюжины разнородных объярей и атласов, затканных мелкими серебряными и золотыми цветиками и травками, и которые поэтому назывались "травчатыми" атласами. Кохан" (ССРЛЯ. Т. 15).

Это слово дало производное образование мелкотравчатый, первоначально обозначавшее "имеющий мелкие узоры в виде трав. О ткани. М. атлас. Камочка мелкотравчатая, мелкотравчатая, узорчатая. Рус. нар. песня". В дальнейшем у слова появились переносные значения: 2. У охотников – малосостоятельный охотник, имеющий небольшую свору собак. 3. Занимающий невысокое общественное или служебное положение. // Незначительный, ничтожный. О людях" (ССРЛЯ. Т. 6). Интересно отметить, что в современном русском языке закрепилось главным образом фразеологически связанное значение "мелкий, посредственный, ничтожный" (Словарь русского языка. В 4-х т. М., 1982. Т. II). Этот же оттенок значения присутствует и в слове мелкотравчатость.

Если в общелитературном языке слово *травы* и его производные наименования в специальном значении вышли из употребления, то в профессиональной сфере (декоративно-прикладном искусстве) они продолжают функционировать. В частности, в устной речи специалистов хохломского художественного промысла, а также на страницах специальных, научных и популярных изданий, посвященных искусству хохломы, можно встретить слова *травный*, *травочный*, *травка*, *травицик*, *травник*, являющиеся профессиональными терминами.

Хохломские художники стали преемниками и хранителями не только традиций декоративного искусства Древней Руси, но и профессиональной лексики мастеров "травного дела". Современные мастера заимствовали у иконописцев-"травщиков" и живописцев-декораторов, занимавшихся "писанием трав разметных", и живописную технику и соответствовавшую ей терминологию.

Слово травы, являющееся исходным для ряда терминов. в речи специалистов не употребляется, в профессиональную лексику входят лишь его производные. Например, прилагательное травный является частью многих составных терминов: травное письмо, травный узор, травный орнамент, травная роспись и пр., обозначающих один из самых древних видов хохломской росписи: "Травная роспись – главный традиционный рисунок хохломы. Он более других связан с традициями русского узора. Композиционная основа травной росписи проста: ведущая волнистая линия, от которой в стороны наносятся мазки — травинки, большие, имеющие различный силуэт, и маленькие, густо обрамляющие стебель. Условность травного узора подчеркивается цветовым решением: красные и черные мазки травки на золотой поверхности фона" (Шпикалова Т.Я. Народное искусство на уроках декоративного рисования. М., 1979).

Синонимом для указанных составных наименований выступает другой термин – *травка*: "Травную роспись чаще всего называют просто

травкой... В какой-то степени приемы травной росписи напоминают приемы каллиграфии, заимствованные у переписчиков книг, так как роспись выполняется с нажимом на кисть, как перо при письме" (Федотов Г. Волшебный мир дерева. М., 1987).

Анализ употребления слова *травка* в профессиональной речи позволяет выделить у него еще одно лексическое значение — "орнаментальный мотив, деталь орнамента": «травка присутствует во всех типах хохломского орнамента... Она встречается в различных вариантах то как самостоятельная тема, то как дополняющий орнаментальный мотив. Семеновские мастера хохломской росписи считают обязательным присутствие "травки" в любом орнаменте» (Званцев М. Хохломская роспись. Горький, 1951).

Как деталь орнамента *травка* описывается следующим образом: «...травный орнамент, или просто "травка" – это ...удлиненные, слегка изогнутые былинки, написанные по три, пять и больше – кустиком» (Бедник Н. Хохлома. Л., 1980). Таким образом, в профессиональной речи слово *травка* приобрело два значения: 1. Вид, прием хохломской росписи. 2. Деталь орнамента в виде кустика травы. Эти лексические значения толковыми словарями, в том числе и отраслевыми, не отмечаются (Краткий словарь терминов изобразительного искусства. М., 1961).

Художников, владеющих искусством травной росписи, специалисты называют *травниками* (как когда-то "узорных живописцев") и *травщиками*; оба слова употребляются в качестве синонимов: "С.П. Веселову посчастливилось работать с замечательной плеядой хохломских мастеров-травщиков А.М. Серовым, П.Ф. Распоповым, Я.О. Красильниковым... Талантливым травником был А.С. Серов" (Дурасов Г.П. Росписи хохломского мастера С.П. Веселова. М., 1985). Отмеченные лексические значения слов *травщик* и *травник* толковыми словарями не зафиксированы.

Итак, в результате переосмысления общеупотребительного слова *травы* в русском языке XVI–XVII веков появился и получил распространение термин изобразительного и прикладного искусства, бытовавший вплоть до XIX века. К настоящему времени он является устаревшим, однако образованные от него специальные наименования продолжают жить в профессиональной лексике. Специальные значения рассмотренных слов нуждаются, на наш взгляд, в лексикографической фиксации, в первую очередь это относится к отраслевому словарю.

Бурлак, чумак

В.А. БУШАКОВ, кандидат филологических наук

С древнейших времен восточные славяне были соседями ираноязычных и тюркоязычных народов, у которых они позаимствовали множество слов. Значительное число этих заимствований сохраняется в русском, украинском и белорусском языках. Через тюркское посредство в русский язык входила также персидская, арабская, монгольская и китайская лексика – ориентализмы, по определению ученых.

Многие из них до настоящего времени не имеют достоверной этимологии, хотя их происхождением занимаются уже несколько поколений филологов и историков. К таким загадочным ориентализмам относятся бурлак и чумак.

Несмотря на несомненный тюркский фонетико-морфологический облик лексем чумак и бурлак, их тюркское происхождение еще не установлено окончательно и нуждается в новых аргументах, которые я и попытаюсь представить.

Бурлак

В "Толковом словаре живого великорусского языка" В.И. Даля русское *бурлак* объяснено как "крестьянин, идущий в чужбину на заработки, особенно на речные суда", а украинское *бурлак*, *бурлака* — "неженатый, холостой, одинокий, бездомок, шатун, побродяга".

Русское слово *бурлак* широко известно. Артели бурлаков поднимали с помощью бечевы и лямок суда по рекам против течения. Бурлацкий промысел сохранялся в России до середины XIX века, когда тяжкий труд бурлаков был вытеснен паровой машиной.

Совершенно ясно, что первичным значением слова *бурлак* было— "одинокий, неженатый, шатун, побродяга". Именно из одиноких, бездомных людей составлялись в основном бурлацкие артели. В Бессарабии, где прежде действовало особое валашское земельное право, это слово также получило специальное значение социального термина. Там *бурлаками* назывались холостые (и вдовые, не имеющие детей) люди, живущие отдельными хозяйствами.

Макс Фасмер признал толкование слова *бурлак* затруднительным и поставил вопрос о его возможном происхождении из верхненемецкого *bûrlach* "(крестьянская) община, гражданское право", ошибочно признавая исходным значение "рабочая артель с твердым уставом", что противоречит логике развития семантики этого слова. Не являются достоверными и объяснения из гипотетических русского *бурло* "крикун, шумный человек", татарского *бурлак* "вьющий бечеву или веревку" (из тюркского *bur*- "вертеть, крутить") или скандинавского *buring, отраженного в ойконимах *Буряги*, *Буреги*, *Бурези* в Новгородской, Псковской, Смоленской и Минской губерниях, возможно, связанного со шведским "волок" (см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. I; Етимологічний словник української мови. Киев, 1982. Т. 1).

Все эти этимологии игнорируют первичное значение "бродяга", которое является единственным у крымскотатарского слова быралкъы. Р.Г. Ахметьянов считает, что русское бурлак имеет тюркское происхождение и сопоставляет его со старотатарским буралгы "бродяга", башкирским боралкы "пришелец", казахским и каракалпакским буралкы "чужак, чужой, пригульный, примкнувший из чужого стада (о скоте), безродный бродяга", образованными от глагола бурал- "поворачиваться, кружиться", "загибаться, отогнуться", "ходить около, ходить взад-вперед" (Ахметьянов Р.Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1989).

Киргизкое *буралкы* "слабый, недоразвитый, истощенный (о животном)" также образовано от глагола *бурал*- "извиваться, закручиваться, завинчиваться", "ослабевать". Ногайское *буралкы* значит "извилистый" и отражено в топониме *Буралкы* йылка (Извилистая балка) в Карачаево-Черкессии, между аулами Адиль-Халк и Эркин-Юрт.

Ахметьянов также считает прототипом русского бурлак незафиксированное тюркское бурлак (от глагола бурал). Форму бурлак можно считать вторичной относительно формы бурлака в украинском языке, которая легко угадывается в тюркском буралкы, быралкъы "бродяга". Однако тюркское бурлак вполне можно усматривать в тюркском этнониме бурлак: узбекское племя бурлак; кишлаки Бурлак, в названии которых отражен каракалпакский этноним, в Булунгурском и

Джамбайском районах Самаркандской области Узбекистана; караногайское племя *бурлак* на Кубани; татарские деревни *Бурлак-Вейрат* и *Бурлак-Тама* в бывшем Перекопском уезде в Крыму, в названиях которых отражены ногайские этнонимы.

Чумак

Согласно Словарю В.И. Даля, слово чумак имело два значения. В Казанской и Пермской губерниях оно означало "целовальник, кабатчик, сиделец в кабаке", а на Украине "протяжной извозчик на волах". Украинские чумаки отвозили в былое время хлеб в Крым и на Дон, я оттуда везли рыбу и соль. С постройкой железных дорог этот промысел исчез.

Академик Д.И. Яворницкий о чумаках и происхождении их названия писал: «Во всех торговых сношениях запорожских козаков с соседями и соседей, особенно украинцев и поляков, с запорожцами, играли первую и незаменимую роль так называемые чумаки. Чумаки в быту Запорожья, а также и в быту всей Украйны составляли настолько важный класс людей, что он не раз обращал на себя внимание исследователей южнорусской истории. Название "чумак", по одним, происходит от слова "чум", что значит ковш, которым путники пили воду во время своих далеких переездов; по другим, от татарского слова "чумак", что значит извозчик; по третьим, от слова "чума", потому что украинские торговцы, отправляясь в Крым, часто заражались в пути свирепствовавшей там чумой и нередко заносили ее в Запорожье и Украину; по четвертым, оттого, что, идя в дорогу, украинцы вымазывали свои штаны и сорочки для предотвращения от всякой заразы и насекомых в деготь и по самому виду своему напоминали чуму; наконец, указывают на слово чумак в персидском языке, которое означает дубину с набалдашником, то, что в Малороссии называют кийком, отсюда выводят и пятое толкование - чумак - это человек, отправляющийся в извоз и вооружившийся на случай нападения со стороны разбойников кийком. Какое из всех этих толкований наиболее правдоподобно - решить трудно, так как на то нет никаких материалычых указаний, а существуют только филологические толкования» (Эварницкий Д.И. [Яворницкий]. История запорожских казаков. В 3 т. СПб., 1892-1897. Т. 2).

Как увидим, нравы были как те, кто полагал, что украинское слово чумак произошло от татарского слова, имеющего значение "извозчик", так и те, кто связывал его происхождение с персидским чомак "дубина", правда, с поправкой на то, что это персидское слово заимствовано из тюркских языков и его следует рассматривать как тюркское.

В современных тюркских языках слово чомак (чокмак, чокман) означает "палка, дубина, палица, булава". Подобно русскому дубина и турецкому dangalak "дубина", оно может также иметь переносное значение "тупица, балда". Такие слова в разных языках часто употребляются в отношении представителей других народов, чтобы подчеркнуть их непонятливость из-за незнания или плохого владения чужим языком.

Согласно знаменитому "Тюркскому словарю" Махмуда Кашгари (Х в.), тюркское чомак значило "палка, посох, жезл" и "мусульманин (в устах иноверцев)". Подобно тому как у татар Южного берега Крыма слово данъгъалакъ имело значение "грек", в средние века тюрки-язычники Центральной Азии словом чомак метафорически называли мусульманских купцов-согдийцев, говоривших на непонятном тюркам иранском языке. Так это слово получило значения "мусульманин", "купец, торговец". Вот что писал В.В. Бартольд: "Из труда Махмуда Кашгарского мы узнаем тоже, как уйгуры называли мусульман; в таком значении употреблялось слово чумак. Известно, что так называли потом в Южной России торговцев, развозивших свои товары в телегах; о происхождении этого слова не было никаких данных, и только по звуковому составу его считали турецким. Очевидно, мусульмане и в области уйгуров, как во многих других странах, были главными представителями торговли" (Сочинения. М., 1963. Т. 5).

Можно провести любопытную семантическую параллель между тюркским чомак "дубина", "мусульманин-купец" и древнескандинавским kylfingr (от kulfa "дубин(к)а") "варяг-член союза", откуда древнерусское кълбягъ "то же" и греческое кулпинги "особые наемники", а также английским club "дубина", "клуб – объединение людей, преследующее спортивные или развлекательные цели" (от древненорвежского klubba).

Итак, история слова чумак начиналась далеко в Азии, а завершилась в степях Украины. Память о чумаках хранят печальные чумацкие песни, географические названия, украинские и русские фамилии, и в ночном небе над Украиной вечно будет сиять Чумацкий шлях — Млечный путь.

Украина, Аскания-Нова (Херсонская область)

Журналистика и культура русской речи

За последнее десятилетие в обиходном русском языке произошли разительные перемены. Насыщенность элементами тюремно-лагерного жаргона, вседозволенность, непрерывный приток иностранных слов, резкое изменение значений общеизвестных слов и выражений, разрушение фразеологизмов — таков наш язык сегодня.

Литературный письменный язык еще в какой-то мере удерживает свои позиции, но и он находится под угрозой. Произошла смена поколений в журналистике. Вновь пришедшие уже не обладают тем "языковым чутьем", которое не позволяло их предшественникам употреблять в печати вульгарные слова и выражения.

Факультет журналистики МГУ начал публикацию сборников "Журналистика и культура русской речи" (Вып. 1. М., 1996; Вып. 2, 3. М., 1997), в которых сделана попытка выявить причины этих явлений и реальные возможности им противостоять.

Выпуску 1 предпослано обращение к читателю декана факультета журналистики Я.Н. Засурского, где он говорит о сложившемся положении в русском языке и о том, что факультет "приступает к систематическому наблюдению за развитием речевой ситуации в средствах массовой информации".

Два первых сборника открываются статьями И.В. Толстого "Язык и культура" (вып. 1) и "Язык и нация" (вып. 2). Трудно смириться с тем, что эти статьи Ильи Владимировича, так неожиданно ушедшего из жизни, спустя очень короткое время после их написания, сегодня являются уже памятью о нем, завещанием и напутствием всем, кому дорога судьба русского языка.

Анализируя современное состояние русского языка, И.В. Толстой утверждает, что "первейшими условиями культуры слова являются его правдивость, ясность, а не затемненность или размытость смысла". Цигируя И.А. Бунина, он пишет, что в дни революции "образовался совсем новый, особый язык, сплошь состоящий из высокопарнейших восклицаний вперемешку с площадной бранью по адресу грязных остатков издыхающей тирании". И этот язык сохраняется.

"Почти на всем, что мы читаем, видим с экрана, слышим по радио, — печать низкой общей культуры газетчиков, ведущих, комментаторов, низкий образовательный уровень современных образованцев, признаки отсутствия такта и речевого воспитания". "Универсальные" на все случаи жизни выражения вытесняют слова, несущие разнообразные и тонкие оттенки смысла. Это внешние проявления бескультурья в речи.

Как отмечает И.В. Толстой, истинная культура всегда национальна. Она уходит своими корнями в глубь национальной истории. У русского народа многовековая культура и пассивное сопротивление лжи, обману, порабощению. Очень важно очистить понятие национализма от отрицательно-оценочных приращений XX века. В результате отношения к некоторым словам как к ярлыкам большинство современников слово национализм иначе как бранное не воспринимает. Но... ни одна нация не может отказаться от своих национальных особенностей, традиций, интересов. Без национализма не может быть интернационализма, как не может быть крыши без фундамента и стен.

В XX векс был поставлен знак равенства между словами *шовинизм* и национализм, в то время как отрицательные черты, которые приписывались национализму, присущи лишь шовинизму – утверждение исключительности своей нации, ее превосходства перед другими нациями. Однобокостью отличается и современное понимание патриотизма. Патриотизм, по И.В. Толстому, – это ощущение своей глубинной связи с миром своих современников и предков, с бережным отношением к ценностям, которые создавались предшественниками, восприятие себя значимой частью определенной системы культурных ценностей. Патриотическое единение людей имеет духовную природу. Единению народа служит именно духовная жизнь. Духовная жизнь народа творится посредством языка и хранится языком.

Не только эти, но и многие другие понятия требуют нового осмысления и толкования.

Семантическим проблемам посвящается статья А.Б. Аникиной "Живое слово и его смысл" (вып. 1). Автор пишет, что в наши дни «происходит стремительное переосмысление и переоценка многих понятий, которые в течение многих лет в советской идеологической системе были вполне определенными. Долгие годы внедрялось в сознание людей одно обязательное, "правильное" понимание едва ли не всех явлений общественной жизни, а слова получали одно-единственное "правильное" значение... Существовали устойчивые сочетания слов, своего рода "формулы", обязательные для всех». Сейчас такие слова, как родина, патриотизм, получают другие значения и часто понимаются неодинаково.

После революции многие привычные слова (связанные с религией, с городским управлением) были выведены из употребления. Сейчас они

снова входят в речевой обиход, но их прежние значения утрачены, а новые еще не сложились.

Ключевой для понимания процессов, наблюдающихся в современном русском языке, можно считать статью Н.Д. Бессарабовой "Словаприкрытия в современных СМИ" (вып. 1). Занимаясь, казалось бы, весьма ограниченной лексико-стилистической проблемой — эвфемизмами, она пришла к выводу, что истинных эвфемизмов в современном языке не так много.

В советское время табуировались не отдельные слова, а явления, действия, люди, предметы. Было много тем, о которых приходилось не говорить, а молчать. В условиях политической цензуры, когда ничего не сказать о запрещенном предмете было невозможно, а сказать правду – нельзя, изобретались слова-прикрытия.

Н.Д. Бессарабова ставит знак равенства между эвфемизмами в полном смысле этого слова и словами-прикрытиями, скромно называя их эвфемизмами второго типа. Функция эвфемизмов первого типа — смягчение: недомогание вместо болезнь, по возрасту вместо по старости. Такие эвфемизмы вызывают представление о подлинной реалии, но преподносят ее в смягченной или слегка завуалированной форме. Но они и их общеизвестные эквиваленты означают одно и то же и входят в синонимический ряд.

Эвфемизмы второго типа (их лучше называть словами-прикрытиями) — это уклончивые, размытые наименования, маскирующие именуемый предмет и даже уводящие от него в сторону: повышенная заболеваемость вместо эпидемия, инцидент вместо катастрофа, конфликт вместо война. Происходит подмена фактов, маскировка реалий эвфемистическими формулами лжи. Людей десятилетиями переучивали, заставляя поверить в несуществующее. В результате многие слова утратили семантические границы, превратились в дежурные универсальные ярлыки.

Эта мысль продолжена в статье С.В. Светаны "Диагноз болезни: чиновничье-бюрократический жаргон" (вып. 1), где показано, как менялись слова-прикрытия в зависимости от основного направления политики: брать штурмом основные рубежи по молоку вместо приложить все усилия для выполнения плана; маяки пятилетки вместо люди и подобная словесная бутафория. Стилистическими фигурами это не назовешь. Это — штампованное использование слов в несвойственном для них значении. Кстати, мало кому известно еще одно значение слова маяк. отмеченное В.И. Далем, — орловское, тверское, ярославское "перекупщик, маклак, барышник, торгаш".

Если говорить о неправильностях речи, нередко оказывается, что это "не просто опибки". Из залов заседаний, из текстов отчетов они

перекочевывают в речь повседневную, становясь стереотипами, ими пользуется все больше людей, оттуда они снова переходят в общественно-речевую практику, множатся в беседах и интервью, записанных для радио и телевидения. В результате журналисты сами оказываются их распространителями. Происходит то же, что с вульгаризмами и жаргонизмами, и все это в массе своей резко видоизменяет обиходный язык. Чужое словоупотребление, чужие метафоры после их длительного использования становятся общепринятыми.

- С.В. Светана отмечает, что деформация языка вызывает деформацию сознания. Но можно сказать и наоборот: деформированное сознание деформирует язык. По-видимому, оба эти взаимосвязанные явления активно действуют в наши дни. И все это дополняется массовым, без всякого чувства меры притоком англоязычных слов, понятийная соотнесенность которых нечетка, неясна, неопределенна. С.В. Светана объясняет это, с одной стороны, бескультурьем и полуобразованностью, помноженными на деформированное сознание, а с другой, грезами о светлом будущем с иными ценностями, для чего, видимо, и изобретаются столь же туманные, как само будущее, слова.
- видимо, и изобретаются столь же туманные, как само будущее, слова.

  Э.А. Лазаревич в статье "Язык весы ума" (вып. 1) пишет об общем снижении стилистической грамотности в средствах массовой информации. Периодическая печать повседневно создает "новые штампы, засоряет язык жаргонизмами и модными американизмами, попирая традиции родного языка и нормы чужого". Автор пишет об отсутствии у многих журналистов чувства меры. Например, в "Московском комсомольце" изобретен "специальный язык для недоумков". В последнем мне довелось однажды убедиться лично. По их просьбе, я написала статью самым простым, доступным языком. Последовал ответ: наши читатели к подобному изложению не приучены, в газете переделали статью так, что она стала непонятной самому автору. Пришлось отказаться от авторства.
- Г.Я. Солганик, рассматривая "Газетные тексты как отражение важнейших языковых процессов в современном обществе (1990–1994)", приходит к выводу, что отрицание устаревших канонов (как и любое отрицание) имеет лишь разрушительный, но не созидательный характер. Смена идеологической парадигмы не отменяет действия социальной оценочности, отражающейся в концептуальной лексике, представленной общественно-политическими терминами газеты. Концептуальная лексика это политический словарь газеты, без которого она не может существовать. В современном обществе идут поиски новой идеологии, происходит ослабление или нейтрализация прежних резко положительных или резко отрицательных оценок. Формируется новый политический словарь газеты, появляются новые жанры. Наблюдается тенденция к усилению информативности, откуда новые требования к

заголовкам: выразительно то, что информативно. Преодолевается книжность газетного языка прошлого. Различные газеты по-своему используют нелитературные средства (просторечие, жаргон), что определяет их стилевую манеру. Но, "опуская" газетную речь до уровня бытового разговора, СМИ снижают статус языка, нанося вред изложению серьезных тем. Ведь устно-бытовой тип речи уместен для обсуждения далеко не всякого предмета.

М.А. Штудинер в статье "Кодификация как средство языковой политики" (вып. 1) пишет о том, что под языковой политикой понимается сознательное, целенаправленное воздействие общества на функционирование и развитие языка. Одна из важнейших целей языковой политики – сохранение культурного наследия нации. Достижению этого способствует кодификация норм литературного языка. Она помогает языку как можно дольше оставаться самим собой, объединяя людей во времени.

Жанр рекламы, едва теплившийся в нашей стране в течение всего XX века, в 90-е годы буйно расцвел. Появилось множество новых названий (фирм, изделий, мероприятий, программ и т.п. категорий, которые раньше в России никакими специальными именами не назывались). В связи с этим зарубежные коллеги говорят об ономастическом буме в России. Товарные знаки и иные слова, маркирующие предметы, употребляются, как правило, в рекламных текстах, язык которых пестр и неупорядочен. В связи с этим Е.С. Кара-Мурза посвящает свою статью "Культура русской речи в рекламной деятельности" (вып. 1) языковым проблемам, связанным с рекламным текстом. Поскольку реклама в наше время помещается не только в газетах и журналах, но и широко демонстрируется на телеэкране, она оказывается самым массовым средством информации.

Автор констатирует экспансию ненормативных словесных единиц (жаргонных, грубо просторечных) в рекламные тексты, что не только не увеличивает их популярности, но и отрицательно влияет на нравственный климат общества. Таким образом, газеты и эфир оказываются рассадником нелитературной лексики, развязной манеры общения, бездумного употребления неприличных слов, пропаганды субкультурного стандарта. Удручающее впечатление производит этический уровень профессиональной культуры отечественных рекламистов, хотя средства массовой информации призваны отвечать за духовное здоровье нации.

О новой прикладной дисциплине – *паблик рилейшнз*, призванной устанавливать взаимопонимание и доброжелательные отношения между людьми и организациями посредством обмена информацией, правдивой и исчерпывающей, рассказывает К.М. Накорякова (вып. 1). Для достижения этой цели необходимо свободное владение словом, постоян-

ное пополнение теоретических знаний в своей области и навыков культурной речи.

К числу практических рекомендаций, вошедших в сборники, относится статья Г.С. Шалимовой "Форма новая – проблемы старые (Об одной модели газетного заглавия)" (вып. 1), где на многочисленных примерах показывается, как можно и как нельзя писать. Заголовокаллюзия – это преобразованное устойчивое речение, вызывающее у читателя активные смысловые и эмоциональные ассоциации с какимлибо известным событием или высказыванием. Недостаток профессионализма, отсутствие языкового и эстетического вкуса приводит иной раз к построению таких неуклюжих заголовков, к такой безжалостной ломке фразеологизмов, что может показаться, что пишущий преднамеренно деформирует русский язык, специально расшатывает его основы.

Практический характер носит статья Г.Ф. Воробьевой "Разговорный синтаксис в газете (Эллиптические сложные предложения)" (вып. 1). Я бы квалифицировала это явление иначе — как предложения с инверсией и с именным составным сказуемым, а не с эллипсисом. К этой тематике примыкают также две небольшие заметки И.Е. Ивановой: «Как правильно: "Я живу в Переделкине" или "Я живу в Переделкино"?» и "Недостаточные слова" (вып. 1).

Тяжелое чувство остается по прочтении сборников: время от времени хочется просто кричать: "Люди! Что вы делаете со своим языком? Одумайтесь!"

В качестве одного из практических мероприятий по защите русского языка С.В. Светана предлагает рубрику "Экспресс-ликбез". В вырезках из газет, этикетках, объявлениях читателю предлагается отыскать ошибку или опечатку. Эта остроумная методика может быть использована в школах и вузах.

С.В. Светана пишет: "При введении обязательного среднего образования общество наше стало одним из самых образованных в мире. Так имеем ли мы право терять это бесценное приобретение нескольких десятилетий, равно как и славу самой читающей страны в мире? Но если то, что годами приобреталось и охранялось, вдруг с необычайной быстротой утрачивается, теряется, надо бить тревогу, необходимо ограждать язык от чужеродных вторжений, неаккуратности, небрежности и невнимательности".

Сборник "Журналистика и культура русской речи", предназначенный для работников печати, теле- и радиожурналистов, можно считать первым шагом на этом пути.

А.В. Суперанская, доктор филологических наук

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка

Лексикография — искусство описания слов, основанное как на ослепительных озарениях, так и на изнурительном труде, поэтому появление нового словаря — всегда событие, продвигающее читателя от "глоссолалии" к эрудиции. Однако перед нами не просто новый словарь синонимов (М.: Школа "Языки русской культуры", 1997 г.), составленный авторским коллективом: Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон, М.Я. Гловинская, Т.В. Крылова при участии В.Ю. Апресян, С.А. Григорьева, И.В. Галактионовой и А.В. Птенцовой — под общим руководством академика Ю.Д. Апресяна, но новый объяснительный словарь синонимов, отличающийся от традиционных, содержащих либо просто перечень слов и словосочетаний, близких по значению, либо перечни, снабженные кратким семантикостилистическим комментарием, который обычно дается как некая аксиома.

Что же объясняется в новом словаре синонимов русского языка?

Всем знакома ситуация, когда хочется всплеснуть руками и воскликнуть: "Нет слов!", демонстрируя вербальное бессилие перед обстоятельствами, исхитрившимися оттеснить обычную словесную оборону. Однако в большинстве случаев мы без всякой робости выхватываем нужные слова и успешно фехтуем ими, называя вещи, как принято говорить, "своими именами". Конечно, всякий носитель русского языка интуитивно понимает разницу между весомостью "ударов", которые наносятся близкими по смыслу словами, например, жаловаться, нажаловаться, наушничать, ябедничать, фискалить, капать, кляузничать, доносить, стучать, заявлять, сигнализировать. Задача словаря состоит именно в переводе интуитивных ощущений на лишенный приблизительности язык лексической семантики (т.е. науки о значениях слов).

В Словаре каждая словарная статья представляет собой опыт кропотливого анализа фрагмента лексической системы языка - лексем, находящихся в отношениях синонимии. Полученное знание синтезируется в виде сложной "прориси" с линиями, открытыми навстречу другим отрезкам системы. Точками, которые позволяют, как в игре пазл, подсоединять готовую прорись к пограничным областям единого открытого поля лексики, становятся, в частности, справочные зоны, замыкающие словарную статью. Они содержат информацию о фразеологических синонимах (жаловаться... - написать, накатать телегу), аналогах, т.е. словах, не являющихся синонимами, но имсющих значительные пересечения в своем значении со словами синонимического ряда (жаловаться... - информировать, сообщать, закладывать, выдавать, разоблачать, оговаривать, клеветать), точных и источных антонимах (пример неточной антонимии: жаловаться... - скрывать, утаивать), производных (жаловаться – доносчик, стукач, ябеда, фискал, осведомитель, сексот, жалобщик, кляузник, жалоба, донос, кляуза, сигнал, телега и др.).

Толкование значения – краеугольный камень лексикографии, который закладывается для восхождения к "всепониманию", но, порой, попав в зону порочных кругов (т.е. частотных в лексикографии описаний значений одного слова через синоним), вызывает обвал "ничегонепонимания". Так, глагол радоваться толкуется в четырехтомном "Толковом словаре русского языка" (МАСе) как "испытывать радость"; оказывается затем, что радость есть "чувство удовлетворения", которое, в свою очередь, содержит отсылку к "чувству удовольствия", оборачивающемуся на поверку... "чувством радости". Глагол ликовать объясняется как "восторженно (!) радоваться, торжествовать", а глагол торжествовать содержит в своем толковании "радоваться, ликовать". Заметим еще, что, согласно МАСу, торжество, радость".

Авторы рецензируемого словаря используют особый метаязык, прилагая его к описанию смысла. Этот метаязык отвечает требованиям точности и прозрачности, так что "толкование не содержит тавтологий и оказывается эквивалентным толкуемой языковой единице". В терминах этого метаязыка общий смысл, содержащийся в глаголах радоваться, ликовать и торжествовать, формулируется так: "испытывать приятное чувство, какое бывает, когда то, что субъект оценивает или ощущает как хорошее для себя, имеет место".

Но истолкование общего фрагмента смысла — это только абрис слов, составляющих синонимический ряд. На протяжении словарной статьи мазок за мазком прорисовываются их индивидуальные портреты, что позволяет дать ответ на вопрос, почему мы отдаем предпочтение тому или иному слову в определенном контексте, игнорируя диагностируе-

мые различия в других случаях. Оказывается, что ликовать могут только люди, причем склонные к некритичному и восторженному восприятию действительности, а радоваться вполне способны и высшие животные; что причиной, заставляющей торжествовать, является "осознание собственной правоты", тогда как радуется всему хорошему любой человек, "способный видеть светлые стороны в жизни, даже когда она нелегка"; что радоваться обозначает более глубокую, хотя и менее интенсивную эмоцию, чем ликовать и торжествовать, и может сопровождаться легкой грустью, что ликовать. в отличие от радоваться, нельзя тихо, и, наконец, что эмоция радоваться "рассматривается как фундаментальная эмоция" и "фундаментальная этическая ценность".

Портрет каждой лексемы создается всей палитрой ее свойств: морфологических, синтаксических, семантических, стилистических, просодических, прагматических, коннотационных, коммуникативных. "Улики", сигнализирующие о типовых, глубинных индивидуальных особенностях, становятся не только отправной точкой анализа, но и предметом синтеза, проверяющимся при помощи специального лингвистического эксперимента.

Почему, например, *хлебным* может быть и запах и dyx, а арбузным или морозным только запах? Выявляющийся в процессе эксперимента запрет на словосочетание морозный dyx "выдает" такое важное свойство лексемы dyx, как его ассоциацию с теплом, которая накладывает вето и на словосочетание арбузный dyx, поскольку арбузы ассоциируются с прохладой.

Каждый синонимический ряд, помещенный в "волшебный фонарь" описания, позволяет увидеть скрывающийся за ним фрагмент "полотна" наивной картины мира. Практически все статьи, включенные в первый выпуск Словаря, раскрывают мир человека, т.е. подчинены принципу антропоцентричности. За детальным рассмотрением лексики, относящейся к физиологической или эмоциональной сферам (например, голод или плач), называющей физические, речевые, ментальные и волевые действия, состояния и свойства, этические и эстетические ценности, отношения в обществе и т.д. открывается план наивного восприятия мира человеком: наивной анатомии, психологии, этики, физики пространства и времени и др. Описание этой наивной картины мира сверхзадача, которая впервые в отечественной лексикографии ставится и последовательно решается.

Анализ синонимических рядов, обозначающих, например, эмоции и объединенных общим компонентом смысла "чувствовать", выявляет "на просвет" такой важный аспект для наивной картины мира, как их отношение к идее света. В Словаре отмечается поразительная последовательность, с которой в языке противопоставляются светлые (по-

ложительные) и темные (отрицательные) эмоции. Действительно, легко представить, как человек *чернеет от горя*, но совершенно невероятно, чтобы человек *потемнел от радости*. Чувство стыда как отрицательная эмоция, вызванная осознанием вины. также взывает к ассоциации с темной палитрой (побагроветь от стыда), а вот от смущения можно и побагроветь и зардеться. поскольку причиной этого переживания в равной степени являются как недостатки субъекта, так и его скромность. С чем-то светлым ассоциируется слово пушистый, имеющее коннотации "приятный, нежный, ласковый", а вот прилагательное мохнатый при отсутствии указания на цвет скорее вызывает ассоциации с темной палитрой (это слово может "наводить на мысль о потенциальной угрозе").

Эмоции человека локализуются в "специальном органе чувств, а также предчувствий, находящемся где-то в груди человека": в душе или в сердце. С точки зрения наивной анатомии и этики самым ценностным органом внутренней жизни человека является душа, которая противопоставляется телу. В связи с этим именно душа может быть "объектом особого философского размышления". В то же время сердце представляется вместилищем чувств как таковых, ассоциирующимся с реальным органом кровообращения и противопоставленным голове, разуму как средоточию точного логического знания.

Скрупулезное рассмотрение сочетаемостных свойств лексем души и сердце позволяет выявить регулярно реализующееся в языке представление о них как о неких материальных органах, которые вмещают какое-либо чувство или же пребывают пустыми, испытывают физическое воздействие (их можно тронуть, пронзить), меняются (например, черствеют), сами по себе становятся субъектами эмоций (радуются, тоскуют), а также аккумулируют в себе предчувствия.

Наряду с этим глубинным предчувствием на другом уровне наивной картины мира существует представление о магической силе языка, о речевом действии, вызывающем наступление некоего нежелательного события. Оно реализуется в синонимическом ряду: напророчить, накаркать, накликать.

Внимательный ("под микроскопом") анализ семантики слова и, соответственно, фрагмента наивной картины мира, иногда позволяет дать объяснение "странным" грамматическим свойствам этого слова. Так, на первый взгляд кажется непонятным, почему слова покойник и мертвец ведут себя как одушевленные существительные. Оказывается, что эти синонимы обозначают "не просто тело неживого человека, т.е. труп, а как бы человека, но из другого мира". Покойники и мертвецы внушают страх, потому что они "встают из могил и бродят по ночам".

Путешествие от одного синонимического ряда к другому, поиск

перекличек и противопоставлений в языке увлекательно для читателя, задумывающегося над тем, что есть добро и благо, смерть, страх, тоска, скука, ум, предназначение; для того, кто имеет вкус к филологии в том смысле, который вкладывал в нее Осип Манделыптам: как к "бесконечной словесной нюансировке", ссставляющей фон человеческой жизни. Ведь загадка и разгадка самой сокровенной тайны невозможны вне слова, вне говорения, иначе говоря, вне гадания в древнейшем чисто речевом смысле. "Новый объяснительный словарь синонимов", в котором сочетаются научность и доступность языка, тонкий лексикографический аппарат и смелые гипотезы (для подтверждения которых широко используются примеры классической и современной прозы и поэзии), есть образец филологии, которая существует для того, чтобы, как полагал Осип Манделыштам, "поднять слово и показать его времени".

Е. Бабаева, кандидат филологических наук

Тесты по русскому языку и справочные материалы к их выполнению

Как часто мы смеемся над чужими ошибками и в письменной и устной речи: "да он же двух слов без ошибки не скажет", "да он в слове ещё делает четыре ошибки"!

Правильно писать и правильно говорить — совершенно верно отмечают авторы пособия (Пермь. 1996–1997) — это значит вместе с орфографической и орфоэпической уверенностью почувствовать уверенность в себе. И добавим: есть же такие чудесные и очень точные определения: речевой портрет, речевая характеристика — как говорит, как пишет человек — так и раскрывается, рисуется его внутренний облик. И писал Нифонт: "И ишшо, наидражайшая супруга нашея, Аграхвена Сидоровна, посылаю вам ницкий поклон и наше супружнее благоволение... И ишшо на той неделе послал вам и деткам нашим посылочку, и поклал в нее, опричь портянок и ликстрического фонарика, заграничного щиколаду..." (Борис Лавренев. Гала Пстер).

Сколько литературных героев вошли в нашу жизнь навечно благодаря своей речи, подслушанной Зощенко, Бабелем, Катаевым, Ильфом и Петровым... и самыми современными писателями. Услышали, изобразили.. Для чего? Чтобы мы представили по я з ы к у (!) эпоху, среду, людей, так говоривших, говорящих. И еще: чтобы мы так не говорили, не писали. И вот! Слушайте! Читайте! Говорят и пишут наши современники: "Гений Пушкина при помощи простых предложений ясно и точно дает картину разгула стихии" (студенческий анализ поэтического текста); "Когда ложим на стол..." (министрзаконотворец); "Вы правы... (надо правы). Это заботы третичные (!)" (из телеинтервью); "Жалюзи..." (вместе жалюзй, радиореклама).

Как же воспитать ощущение правильности речи, нежелание ошибаться, как обрести речевое достоинство?

Учебное пособие, созданное преподавателями Пермского университета, вместе со справочными материалами предлагает один из путей самоконтроля. Оно отличается тем, что позволяет достаточно эффективно, пользуясь тестами, усвоить большой объем орфограмм и пунктограмм и при этом тут же проконтролировать себя: ответы к тестам даются в конце книги; справочные материалы изложены в лаконичной наглядной форме — в виде обобщающих таблиц. Кроме того, избрана особая методика работы с тестами: диагностирующая, обучающая и контролирующая. Познакомимся с предлагаемой методикой.

Прежде всего рекомендуется диагностирующий тест, так как необходимо знать свои ошибки. Ср.: "Буквы Γ или K. Отметьте слова, в которых пишется Γ . 1. бамбу... 2. во...зальный 3. Козеро... 4. но...ти"

Далее начинается работа с обучающими тестами. Орфографический материал представлен в систематизированных "блоках" на основе принципов: морфологическом, фонетическом, графическом. Каждый блок предваряет обобщающая и "обучающая" таблица. Принцип группировки (в блоках) и обобщения (в таблицах) реализован и в разделе "Пунктуация". Выдержаны те же методические принципы: диагностирующий, обучающий и контролирующий.

Представляют интерес тесты, посвященные нормам речи. Авторысоставители пособия обращаются к тем, кто стремится повысить языковую культуру, подчеркивая, что она связана с общей культурой. Повышению речевой культуры и служит скромное учебное пособие с очень результативными возможностями. Обратим внимание только на перечень тем, охваченных тестами во второй части пособия: орфоэпические нормы – ударение и произношение; морфологические нормы – употребление имен существительных (склонение, род); употребление имен прилагательных (краткие формы, степени сравнения); также охарактеризовано употребление числительных, местоимений, глаголов, причастий, деепричастий, наречий. Синтаксические нормы представлены нормами управления, координации сказуемого с подлежащим, употреблением предложений с однородными членами, причастных и деепричастных оборотов, сложноподчиненных предложений.

Как происходит представление норм – диагностирование, обучение и контроль? Обратимся к примеру:

Тест 10 (с. 7). Отметьте нарушения норм произношения.

- 1. У Юли рисунок красивее, чем у Наташи.
- 2. Товары куплены на оптовом рынке.
- 3. Договорный процесс был приостановлен.
- 4. Нам надо купить набор кухонных ножей.
- 5. Бригада работает вахтовым методом.
- 6. Его отличал озлоблённый ум и холерический темперамент.
- 7. Вы, как всегда, правы.
- 8. Сегодня ты очень бледна.
- 9. Он был совестливым ребенком.
- 10. Мне было рекомендовано пить сливовый сок.

Контрольный ответ на с. 68 указывает номера предложений, в которых норма нарушена: 2, 5, 6, 8, 9, 10.

А вот тест из раздела "Синтаксические нормы". Тематическому блоку предшествует четкое и краткое изложение правил, например, правила о том, когда невозможно употребление деспричастного оборота. А затем следуют тесты.

Тест 124. Отметьте правильный вариант.

1. Едва овладев грамотой... а) на третьем году обучения в школе в нашу жизнь вошел английский язык; б) уже в третьем классе мы стали изучать английский язык.

Из контрольных ответов мы узнаем, что правильный вариант Іб

Бесспорный интерес представляют разделы "Лексические нормы" и "Стилистические нормы". Тестировать ошибки в употреблении слов с искаженным значением, алогизмами, плеоназмом, несочетаемостью чрезвычайно трудно: легко отметить ошибку, в кратко изложенных правилах можно привести один – два примера, а конкретный материал неисчерпаем. Почему нельзя дышится свежо, разрыв в счете сгладился? Подобные трудности есть и в определении стилистических ошибок: Судья огласил приговор или судья сказал о своем решении? В контрольном ответе для официально-делового стиля рекомендуется первый вариант. А почему?

Здесь нужны, конечно, или живое слово учителя, консультанта или работа со словарями. И все же краткость, органичность тестов принесет свою пользу: что-то исправит в речи, в письме, привлечет внимание, заставит задуматься. Может быть, в этом и будет заключаться самое важное в работе с тестами.

В тех же случаях, где речевой материал легче подвергается обобщению и входит в определенные четкие рамки орфоэпии, орфографии, грамматики, тесты приносят несомненную пользу, эффективность результатов здесь обеспечена.

Хорошо, что в лексическом и стилистическом разделах ошибки взяты из ученических школьных сочинений, но, может быть, следует сосредоточить внимание и на частотных ощибках языка газет, звучащей радио- и телеречи?

Хотелось бы, чтобы работа над тестами по русскому языку именно такой направленности — предельная краткость, предельная утилитарность — продолжалась. И последующие издания "Тестов" стали доступными не только в Перми, но и за ее пределами. Были доступны всем, кто стремится правильно говорить и писать по-русски.

А.А. Брагина, *доктор филологических наук*

Л.В. ОРЛЕНКО. Терминологический словарь одежды

Создание словарей по тематическому принципу имеет определенную традицию.

Так, уже в XVIII веке был известен "Словарь коммерческий, содержащий познание о товарах всех стран и названиях вещей главных и новейших, относящихся до коммерции, также до домостроительства; нознание художеств, рукоделий, фабрик, рудных дел, красок, пряных зелий, трав, дорогих камней и проч.", переведенный с французского языка В. Левшиным и изданный в Москве в 1787-1792. Он состоит из семи частей. Одним из источников, которыми пользовался В.И. Даль при составлении своего словаря, был "Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного" В.П. Бурнашева (СПб., 1843–1844. Т. 1–2). Не утратила своего значения и по сей день работа П.И. Савваитова "Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доснехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное" (2-е изд. СПб., 1896). Более поздней попыткой описания аналогичного круга лексики были "Материалы для терминологического словаря древней России" Г.Е. Кочина (М.-Л., 1937).

Начиная с 50-х годов XX века активно стали выходить различного рода словарные материалы, посвященные, как правило, истории определенной тематической группы лексики или се описанию в одном из диалектов, например, "Наименования обуви в русском языке. Древнейшие наименования, до петровской эпохи" И. Вахроса (Хельсинки, 1959), а также "Полесская терминология ткачества" Н.П. Владимирской в книге "Лексика Полесья: Материалы для полесского диалектного словаря" (М., 1968).

Непосредственным предшественником словаря Л.В. Орленко были весьма интересные и замечательно проиллюстрированные словарные материалы Р.М. Кирсановой "Костюм в русской художественной культуре XVIII – первой половины XX вв." (М., 1995).

Но рансе вышедшие работы не умаляют значения нового "Терминологического словаря одежды" Л.В. Орленко (М., Леспром-бытиздат, 1996). У него есть свои достоинства.

Словарь охватывает более широкий круг слов. Он содержит около 2000 статей, в которых представлены термины, объединенные понятием "одежда". Это все виды и детали одежды (от белья, платьев до пальто и т.п.); головные уборы; обувь; чулочно-носочные и корсетные изделия; аксессуары, украшения, дополняющие одежду; виды отделки; материалы, из которых изготовлены эти изделия (волокна, пряжа, ткани, кожа, трикотаж, мех, нетканые полотна и т.п.). Словарь включает также термины, связанные с технологическими процессами изготовления, проектирования и оформления одежды, тканей и др. Например, названия отдельных словарных статей: Мадаполам, Макетный метод моделирования, Макинтош, Матросский (морской) стиль, Медальон, Мериносы, Митра. Последний пример иллюстрирует тот факт, что словарь включает не только названия светской одежды, в том числе и форменной, но и церковной. А такие слова, как монтюр (основа парика), пядь (мера длины) говорят о том, что порой словарь шире обозначенных рамок - понятия "одежда".

Наверное, любой словарь лишь может стремиться к тому, чтобы быть исчерпывающим. Но и такой объем "Терминологического словаря одежды" включает значительное число слов, которые отсутствуют в толковых словарях, например: аби, акиба, аримид, бабетта, бакелит, бананы, барб, бермуды, бидермейер, близна, блио, боннэ. И, конечно же, ни один толковый словарь не включает составные терминологические образования, представленные здесь довольно объемно.

Одним из достоинств нового словаря является широта временных рамок: "В словаре представлены современные названия и названия, появившиеся в последние годы (например, комбидресс, леггинсы), а также названия, возникшие в старые времена, но не утратившие до сих пор своего значения; включены термины, имеющие чисто познавательное, историческое значение...". Кажется, последние две группы слов определены несколько расплывчато, что отнюдь не является упреком в нефилологичности. Несмотря на то, что автор не лингвист, книга вполне филологична, в чем убеждает построение словаря: даются этимологические справки, иногда приводится перевод составляющих этимон частей, перечисляются варианты слов, разводятся омонимы (было бы более правильно, если бы они рассматривались не в одной

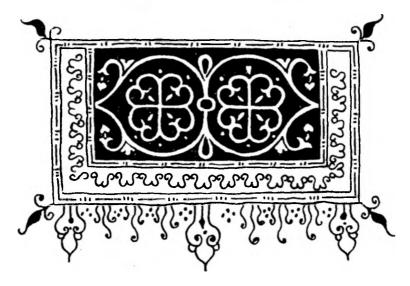
словарной статье под цифровыми указателями, а в разных, как принято в толковых словарях).

К филологическим достоинствам следует отнести и указания на термины-синонимы, как правило, дифференцирующиеся территориально: нейлон (США), капрон, анид (СНГ), перлон, дедерон (Германия), амилан (Япония), стилон (Польша). Словарь содержит сведения о видовой дифференциации родовых понятий, например: «Название "паволоки" объединяло парчу, фофудьи, аксамит и др. парчовые ткани».

Чтобы дать представление об особенностях нового словаря, приведем словарные статьи, посвященные слову архалук, из Толкового словаря и Терминологического словаря одежды: "Архалук, -а, м. Вышедшая из употребления одежда, род короткого кафтана" (Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981. Т. І); "Архалук, архалух (от тюрк. арка, арха — спина, хребет) — старинная русская верхняя одежда, разновидность короткого кафтана или полукафтана; домашний чекмень или поддевка, чаще всего несуконный (например, из нанки, подбитой мерлушкой). Носили в XVI—XIX вв." (Терминологический словарь одежды).

Некоторые словарные статьи (головной убор, костюм, мех, одежда, стиль) весьма обширны, дают исчерпывающие сведения о перечисленных понятиях, и читать их, к тому же, просто интересно.

З.А. Носкова, кандидат филологических наук Луганск, Украина

"Кайф" от барона Брамбеуса

А.Н. ШУСТОВ

С удовольствием прочел небольшую, но очень интересную замстку А.Б. Канавщикова об "исторических аспектах" слова $\kappa a[e]i\phi$ (Русская речь. 1997. № 2). Вряд ли подлежит сомнению утверждение автора о том, что это "экзотическое" существительное "привез" с Востока "Барон Брамбеус" (О.И. Сенковский). Сенковский два года путешествовал по Ближнему Востоку. Он свободно владел турецким, арабским (имногими другими) языками и, вернувшись из путешествия, с 1822 года стал преподавать эти языки в Петербургском университете. Сенковский был весьма неординарной личностью: он знал изнутри быт и нравы бедуинов-кочевников, понимал толк в кальяне (от чего получается кейф) и т.п. Круг его столичных знакомых был общирнейшим. Так что вполне вероятно, что многие слышали в 1820-х годах слово кейф из уст самого профессора.

Вместе с тем хотелось бы несколько дополнить А.Б. Канавіцикова. Согласно данным "Этимологического словаря русского языка" (т. 2, вып. 8, изд. МГУ, 1982), слово кейф фиксируется уже в "Карманной книжке..." И. Ренофранца (1837), дающей толкование иностранных

слов, встречающихся в печати, "коих значения не каждому известны". Знал $\kappa e \ddot{u} \phi$ и юный Φ .М. Достоевский, возможно, слышавший его (как жаргонное словечко) в среде соучеников по инженерному училищу...

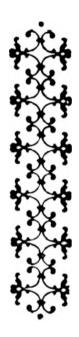
Во всяком случае, к середине XIX века слово $\kappa e \tilde{u} \phi$ было вполне освоено русским языком, что подтверждается и включением его в словарь Толля (1864 г.).

 $Ke\check{u}\phi$ не раз встречается в книге И.А. Гончарова «Фрегат "Паллада"» (1853): "...темно и дождь идет, — возражали ему любители кейфа". Гончарову довелось видеть китайцев, бреющих друг другу головы и подбородки: "Они проводят за этим целые часы; это — их кейф" (там же).

В отличие от Гончарова, совершившего почти кругосветное плавание, А.Ф. Писемский на Востоке не был, но о кейфе имел ясное представление: "... все восточные народы, которые еще необразованнее нас, очень любят всё это [игры в карты и кости. – A.III.], и у них, например, за величайшее блаженство считается их кейф, то есть когда человек ничего уж и не думает даже" (Люди сороковых [!-A.III.] годов. 1869. Ч. І. Гл. 4).

Если у Гончарова $\kappa e \tilde{u} \phi$ означает "наслаждение, удовольствие" (от курения, бритья и т.п.), то у Писемского – это уже нечто "наркотическое"; стремление человека "отключиться", уйти в мир приятных иллюзий. ... Не с тех ли пор слово $\kappa e[a] \tilde{u} \phi$ вместе с новым значением оказалось "пересаженным" в иную социальную среду?

Санкт-Петербург

Еще о двух полу-

II.A_ECЬКОВА. кандидат филологических наук

Заголовок статьи Т.Н. Буцевой "О двух *полу*... в одном слове" (Русская речь. 1996. № 6) может ввести в заблуждение: речь идет, конечно, не об одном слове с двумя *полу*-. В тексте статьи рассматриваемые конструкции справедливо называются "образованиями из двух слов, начинающихся с *полу*... и соединенных дефисом". Статья содержит богатую "коллекцию" парных образованй с *полу*-, относящихся к разным частям речи: существительным, прилагательным, наречиям и глаголам. Автор останавливается также на вопросе о письменном отражении таких соединений, отдавая предпочтение дефисным написаниям.

В поле зрения автора, опиравшегося в основном на лексикографические источники, не попали интересные случаи употребления парных конструкций с приставкой полу-, нуждающиеся в особых правилах

для их письменного отражения. Приведем ряд примеров: "...и он весь свой век останется полуученым, полусветским человеком..." (Тургенев. Рудин); "...он выпустил в свет удивительное сочинение — полуроман, полуфилософский трактат" (Л. Успенский. Загадки топонимики. 1969); "Прежде я как-то не ощущал, что позади нас Крюковки, Сафоновки и прочие Козловки, полудеревни, полудачные поселки, а затем уже Москва-матушка" (О. Смирнов. Эшелон. 1971); "...Сталин сделал нам приветственный жест... — полуотдание чести, полупомахивание" (К. Симонов. Глазами человека моего поколения. 1988); "И ряд членов Верховного Совета — как бы полудепутаты, полудолжностные лица" (Известия. 1990); "Далыпе — все то же... Полу-Ася, полублатная девочка из средней московской или свердловской школы, смешение языков и эпох..." (Лит. газета. 1993).

В этих парных конструкциях с полу- наряду со словами участвуют сочетания слов. Имеются в виду: не полусветский человек, а полу+светский человек, не полуфилософский трактат, а полу+философский трактат, не полуфачные поселки, не полуотфание чести, а полу+отфание чести, не полуфолжностные лица, а полу+фолжностные лица, не полублатная февочка, а полу+блатная февочка. Для адекватного письменного отражения таких случаев необходимо предусмотреть в правилах раздельное написание компонента полу- со следующим словом, и тогда приведенные примеры будут выглядеть следующим образом: полуученый, полу светский человек; полуроман, полу философский трактат; полуферевни, полу фачные поселки; полу отфание чести, полупомахивание; полуфепутаты, полу фолжностные лица; полу-Ася, полублатная февочка. При этом между частями конструкции может быть запятая или тире.

В новом орфографическом своде, который заменит "Правила русской орфографии и пунктуации" 1956 г., предполагается особый тип правил (они названы "корректирующими"), в частности, правила замены слитных написаний раздельными, когда этого требуют смысловые соотношения между компонентами.

Международная научно-практическая конференция в Смоленске 3–4 июня 1997 г.

В Смоленском государственном педагогическом институте 3 и 4 июня 1997 года прошла Международная научно-практическая конференция "Разноуровневые характеристики лексических единиц". В ней участвовали лингвисты, занимающиеся русской, английской, немецкой и французской филологией. Рассмотрен обширный круг проблем восточнославянских и западнославянских языков в их истории и современном состоянии, а также было уделено внимание достижениям в области лексикографии.

В работе конференции приняли участие ученые из 20 городов России, Украины, Белоруссии, Польши (Москва, Санкт-Петербург, Брянск, Смоленск, Красноярск, Ростов-на-Дону, Нижневартовск, Минск, Могилев, Донецк, Краков и др.).

По материалам докладов издан сборник статей в 3-х частях (общим объемом – около 26 печатных листов).

Конференции в Смоленском государственном пединституте становятся хорошей традицией. В мае будущего — 1998 года на его базе состоятся IV Поливановские чтения, посвященные исследованию проблем, которыми занимался известный русский и советский ученый, уроженец Смоленска Е.Д. Поливанов. Оргкомитет Поливановских чтений приглашает всех желающих принять участие в работе будущего форума.

И.А. Королева, доцент кафедры русского языка Смоленского пединститута

Тематический указатель статей, опубликованных в журнале "Русская речь" в 1997 году

Путь в 30 лет. Беседа с В.Г. Костомаровым	1
ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	
Азбелев С.Н. Как относился М.Ю. Лермонтов к русской монархии	2
Афанасьев Э.С. "Розыгрыши" Антона Чехова	6
Бельская Л.Л. Диалог трех поэтов об ахматовской шали	1
Бельская Л.Л. "Тяжело Словесности Российской"	5
Виницкий И.Ю. "Чухонский сын" (Об одной опечатке)	2
Гаспаров М.Л. "Снова тучи надо мною" (Методика анализа сти-	
хотворного текста)	1
Красикова Е.В. "Связь всего со всем" (О романе Ю. Домбров-	_
ского "Хранитель древностей")	5
Клягина М.Е. Проза Федора Сологуба глазами Андрея Белого	6
Лапинская И.П. Первый сонет Николая Гумилева	6
Лекманов О.А. Николай Гумилев и акмеистическая ирония Лекманов О.А. О собеседниках (К теме: "Баратынский и акме-	2
	4
Попов О.П. Церковнославянизмы в языке М.Ю. Лермонтова	6
Приходько Т.С. "От странной лирики, где каждый шаг - сек-	Ü
рет" (Роль обращения в композиции стихотворений А. Ахма-	
товой)	4
Филин Михаил. О десятой главе "Евгения Онегина" (Заметки ди-	
летанта)	3–5
Фомичев С.А. "И завитки своих усов" (Дефинитивный текст по-	
слания А.С. Пушкина Денису Давыдову)	1
Шунейко А.А. "Мне было сказано: ты будешь подмастерь-	
ем" (Масонская символика в творчестве М. Волошина)	2, 3
Писатель и его читатель	
Клещикова В.Н. В поисках пределов смысла	3
Русский быт и словесность	
Иванова Т.А. День рождения, день ангела – именины	6

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Иван Савин, его жизнь, стихи и проза	4
На возвращение русского мыслителя (К. Зайцев. "В сумерках	
культуры")	2
Стихи Софии Прегель	5
Шкловский Виктор. О заумном языке. 70 лет спустя	3
язык публицистики	
Николаева А.В. "Путешествие в Армению" О.Э. Манделыштама	6
КУЛЬТУРА РЕЧИ	
Буцева Т.Н. Многоликая терапия	4
Граудина Л.К. Стилистические славянизмы	2
Григорян Э.А. Родной язык	2
Григорян Э.А. "Чужой" язык в русской литературе	4
Дунаевская О.В. "Фразы, подброшенные в воздух", или не-	
сколько советов публицистам	1
Колесников Н.П. Имена числительные в речевой культуре	6
Лаптева О.А. Говорят по радио и с телеэкрана	4, 5
Левашов Е.А. Новый суффикс?	6
Левонтина И.Б. Милый, дорогой, любимый	5
Лихолитов П.В. Компьютерный жаргон	3
Лихолитов П.В. Так говорят пограничники	5
Николаева А.В. "Чужая речь" в очерках писателей русского за-	
рубежья 1920-1930-х годов	2
О федеральной целевой программе "Русский язык"	1
Поспелова Г.М. Как изменились городские вывески	1
Поспелова Г.М. Новации в территориальном и административном	
словарс города	4
Хан-Пира Эр. Азартные игры	1
Хан-Пира Эр. Гуманитарный или гуманный	5
Хан-Пира Эр. Электорат	2
Шапошников В.Н. Иностранные слова в современной российской	2
жизни	3
Шарифуллин Б.Я. "Свое" и "чужое" в русском экспрессивном фон-	
де	6
Шварцконф Б.С. "Урожденная Гончарова" и "урожденный москвич"	1
Ширшов И.А. Милостыня	1
ширшов и.д. милостыня	1

Язык прессы	
Клушина Н.И. Два противоположных значения в одном слове	3
Муравьева Н.В. Непохожие братья	5
Муравьева Н.В. "Прорыв дочурки в ящик"	3
Муравьева Н.В. "Управлять" надо умеючи	2
Муравьева Н.В. Хорошо ли "служат" служебные слова?	6
муравьева п.в. лорошо ли служат служеоные слова:	
Муравьева Н.В. Эти опасные местоимения	4
РУССКИЙ ЯЗЫК ЗА РУБЕЖОМ	
Ндьяй Сулейман. Русский язык в республике Сенегал Пягай Н.В. Как и почему изучают русский язык в Южной Корее	5 3
ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ	
Анищенко О.А. "Богослов прикажи, философ распорядись, а ри-	
тор на посылочках"	3
Анищенко О.А. Березовая каша в субботник (Виды наказаний и	
их названия в духовной школе)	5
Анищенко О.А. Из жизни семинарской	2
Багаев Е.Г. О некоторых числовых символах	2
Багаев Е.Г. Старые русские меры	3
Верещагин Е.М. "И беззаконных властителей обличает!" (Пара-	
фраз жития Амвросия Медиоланского в макарьевских Великих Минеях Четиих)	6
Давыдов Г.А. Языковые воззрения А.Д. Кантемира	1
Люстров М.Ю. Эпистолы и стихотворные письма в русской пане-	
гирической поэзии XVIII века	4
Малышева Т.Н. Изображение святых мест в паломнических хож-	5
дениях "Премудрость без правды есть хитрость"	5
ОНОМАСТИКА	
Королева И.А. "Имя человека не есть пустой звук"	6
Николаева Т.Н., Коршунков В.А. Новые названия в старой Вятке	4
Суперанская А.В. География некоторых фамилий	2
Суперанская А.В. Пять тысяч отрицаний	1
Шилов А.Л. "Географические" фамилии	1
Топонимика	•
Смолицкая Г.П. Топонимический словарь Центральной России	1-6
К 850-летию Москвы	
Горбаневский М.В. Пречистенка	6

Горбаневский М.В. Теплый Стан	4
Горбаневский М.В. Тропарёво	5
Горбаневский М.В. Черемушки, Ясенево	3
Шилов А.Л. "Москва! Как много в этом звуке"	2
•	
РУССКИЕ ГОВОРЫ	
Долгушев В.Г. "Рещиться желал бы я лучше в Петербурге или в	
Москве"	3
Коготкова Т.С. Заметки о лексике Вятского края (К выходу в свет первого выпуска "Областного словаря вятских говоров")	6
ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА	
Азбелев С.Н. Песни и предания о донских казаках, Казани и Ли-	
вонской войне	ł
Глухих В.М. О благозвучии пословиц и поговорок	2
Зуева Т.В. "С неба звездочка упала" (Происхождение образа)	5
Савенкова Л.Б. Вода всему господин	6
Хроленко А.Т. Калиновый мост	3
ПИСАТЕЛЬ И ФОЛЬКЛОР	
Капрусова М.Н. "Край ты, край мой, родимый" (Мифологические, религиозные, фольклорные и иные влияния в стихотворении С. Есенина "Покраснела рябина")	3
Фесенко Ю.П. Пушкинские традиции в "Уральском казаке"	
В.И. Даля	2
анеклота)	4
анскдота)	7
ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ	
Арапова Н.С. Спектр горохового пальто Арапова Н.С. Шахтер Бушаков В.А. Бурлак, чумак Зеленин А.В. Охламон	1 5 6 3
Красильникова С.Ю. "Кадки и столы травами писали" (Из ис-	.)
тории появления терминов травы и травка)	6
Клетов А.А. Ступенческий этюп	ı

Михайлычева Т.Н. Копытце	5 1 2 4 3, 5
СРЕДИ КНИГ	
Г.И. Сорокина, И.В. Сафонова, Н.В. Ладыженская. Детская риторика в рисунках, стихах, рассказах Государственность России Д.Н. Ушаков. Русский язык. Журналистика и культура русской речи Культура русской речи и эффективность общения Л.В. Орленко. Терминологический словарь одежды Новый объяснительный словарь синонимов русского языка Развитие речи. Школьная риторика Русская риторика. Хрестоматия Т.В. Губаева. Словесность в юриспруденции Тесты по русскому языку и справочные материалы к их выполнению Хрестоматия по методике русского языка	3 3 2 6 5 6 6 6 3 1 2
хроника	3,4,6
в помощь учителю	
"Русская речь"? Не только: есть еще и "Русский язык"!	5
СЕРЬЕЗНО О НЕСЕРЬЕЗНОМ	
Переходюк О.В. Язык современного русского анекдота	5
ПОЧТА "РУССКОЙ РЕЧИ"	
Букчина Б.З. Орфографический словарь – всегда ли закон?	1 6 2 4